

Александр ЛОЗОВСКИЙ
В НЕВЕСОМОСТИ

Роман

Совпадения имен, отчеств и фамилий являются случайными, все остальные совпадения — не случайны.

Автор

Из зеркала на него в упор, не мигая, смотрел солидный немолодой человек. Для многих скорее пожилой. Лет семидесяти с небольшим хвостиком, с каким — не стоит уточнять. Как говорила равнодушная к нему соседка Циля, он «выглядел на свои годы». Впрочем, если быть самокритичным, возможно, она ему льстила, и на вид было чуть больше. Но ненамного, на два-три года от силы. Лицо интеллигента, научного работника, немного аскетичное, хотя не худое. Вертикальные складки вдоль щек, четкие горизонтальные линии на лбу. Две короткие черточки над переносицей. Стандартная лысина, узенький венчик седых волос. Нос великоват, но здесь, в Израиле, это значения не имело. Правда, без очков лицо становилось немного растерянным и незащитным. Но если их водрузить (Наум так и поступил), то облик приобретал решительность и основательность. Такого лица можно было не стыдиться. Даже коренные израильтяне, смотревшие на «русских» эмигрантов традиционно свысока и с пренебрежением, говорили с ним довольно вежливо, не только в организациях, но и в транспорте, и в магазине. «Доктор!» — частенько обращались к нему незнакомые аборигены. Это льстило, тем более что он здесь, на исторической родине, действительно считался доктором: именно так, солидно, звучал в Израиле не слишком уважаемый в Союзе статус кандидата наук.

Часть первая

ЖЕРТВА ПЕШКИ

1

Первоисточником всех пертурбаций в их судьбе, безусловно, была жена Наума Светлана. Светочка. За почти тридцать совместно прожитых лет она, по его мнению, не изменилась ни внешне, ни внутренне. Энергии в ней с избытком хватало на двоих — и на себя, и на мужа. И еще оставалась лишняя, которую Светочка в молодые годы расходовала на неожиданные авантюры, под принятым в их семье условным названием «комбинации». Жизненный опыт и годы ее нисколько не охлаждали. Половина из этих авантур с блеском удавалась, половина проваливалась полностью. Но жизненного кредо Светочки это не изменяло, потому что она начисто забывала провалы — таково было свойство ее памяти. Время от времени она меняла работы, квартиры, организовывала неожиданные экскурсии — к примеру, в тундру — и привозила оттуда на продажу панты — рожки молодых оленей, и прочее в этом же роде. До поры до времени это было не только терпимо, но даже интересно. А Наум так и не научился

противиться ее инициативам. Просто не успевал. Для этого он был слишком инертным и медлительным.

«Уж если годы над ней не властны, то куда мне, грешному», — оправдывался он перед знакомыми. И перед собой. И это было очень похоже на правду. Она действительно на удивление мало изменялась с возрастом. И по сей день — редкий случай — у нее почти не было седых волос. Трудно поверить, но даже вес ее за эти годы не изменился. Может быть, потому, что она с юности имела очень прочный задел. Светочка и тридцать, и сорок лет тому назад была столь же упитанной и столь же крупной девицей. Черноока, черноброва. Типичная Оксана. Свои внешние данные она получила вместе с фамилией Кириченко и национальностью «украинка» в наследство от отца, рубахи-парня и бравого летчика, который куда-то безвозвратно улетел, когда ей еще не было и трех лет. От матери, тихой прибалтийской еврейки и по совместительству преподавателя биологии, она унаследовала только одно качество — отсутствие антисемитизма. Тоже немало. Фамилию Кириченко Света оставляла при любых жизненных обстоятельствах, а национальность меняла по мере необходимости.

Они с Наумом были одного роста, 170 сантиметров, но Светочка выглядела значительно крупнее. Несмотря на довольно солидный вес, она все делала на удивление шустро, что тоже выглядело контрастом по сравнению с немного заторможенной вальяжностью мужа.

«*Единство противоположностей*», — время от времени сообщал Наум, склонный к многозначительному изречению прописных истин и расхожих цитат. В этом пристрастии он не видел ничего плохого — зачем изобретать велосипед, когда на все случаи жизни есть давным-давно проверенные отличные изречения, поговорки и афоризмы.

Стоит остановиться на главном, может быть, отличии в характерах супругов. Светочка была такой, какой казалась. Ей ничего не нужно было изображать или придумывать. В основе ее натуры лежали здравый смысл и любовь к жизни. Этим определялись все ее поступки. Я уже говорил, что неудачи не выбивали ее надолго из колеи. Даже измену первого мужа и последующий развод она восприняла без надрыва. И спустя год захомотала входящего в круг близких знакомых старого холостяка (на десять лет старше ее) Наума, который не слишком сопротивлялся этому. Наум по сей день подозревает, что еще до ее развода он был зарезервирован Светочкой как вариант «комбинации» при остывающем на глазах бывшем супруге.

И все-таки это не был голый расчет, как может показаться. И последующие двадцать семь дружных лет (срок немалый) это подтвердили. «*Жили они долго и счастливо*», — любил под настроение информировать окружающих Наум. Так оно и было... до поры до времени. Одна беда — у них не было общих детей, основы семейной надежности. И не могло быть. Света на излете первого брака сделала аборт. Неудачно. Но Наум знал, на что идет, и решил, что один ребенок на двоих — ее сын Женя — тоже неплохо.

Итак, со Светланой Кириченко, украинкой в Советском Союзе и еврейкой в Израиле, мы разобрались. С Наумом было сложнее. Да и могло ли не быть сложностей в характере человека, который графу ФИО в многочисленных анкетах, сопровождавших

нас в те времена на каждом шагу, заполнял так: «Наум Меерович Сипитинер»? И весь облик его вполне соответствовал этому имени, отчеству и фамилии.

У Наума хватало скрытых и явных комплексов. Кроме общееврейских, еще и энное количество своих собственных. К общееврейским комплексам относится (надеюсь, никто не станет с этим спорить) чуть ли не от рождения укоренившееся сознание, что всю жизнь придется преодолевать предубеждение окружающих. Но преодоление далеко не всегда окажется ему по силам, и тогда придется смириться с этой несправедливостью и терпеть. Иногда уклоняться, иногда утираться, но... всегда терпеть. Такова судьба еврея везде, а на бескрайних просторах СССР — в особенности. Не знаю, как насчет поэта в наши смутные времена, но определенно и по сей день «еврей в России больше, чем еврей». И, боюсь, надолго.

В комплекте с непреходящим чувством обиды и для уравнивания отрицательных эмоций Наум получил в наследство еще один общееврейский комплекс. Я имею в виду очень сомнительное, но популярное убеждение в интеллектуальном превосходстве евреев. Генетически наследуемый «еврейский ум», по убеждению многих, является, с одной стороны, следствием, но одновременно и причиной многовековых гонений. А раз так, то Наум как истинный представитель еврейского народа считал своим долгом отработать этот дар по полной программе и добиться успеха в жизни любой ценой.

Он был добросовестным, трудолюбивым и дисциплинированным, но успехи давались с большим трудом. Да и особыми успехами их не назовешь. Наверно, его предки генетически передали ему не столько таланты, сколько выкованное веками свойство отличаться от остальных. Или не слишком ладить с окружающими, чем евреи нередко грешат, а ведь это в принципе одно и то же. То, что у Светы было естественным, природным — умение легко вписываться в любую обстановку, — ему давалось с трудом. Наум не мог жить в согласии с собой и миром, как ни старался, какие огромные и сознательные усилия к этому ни прилагал.

Родители его были малограмотными евреями — первое поколение, перебравшееся из маленького еврейского местечка в большой город. Мать — громкоголосая, хозяйственная, но не слишком аккуратная, традиционная «идише мама», отец — маленький бессловесный подпольный делец. Артельщик, как это тогда называлось. Судя по доходам семьи, он не напрасно рисковал свободой, кое-что в доме было, включая дачу.

Науму в родительском доме шарм, как вы понимаете, приобрести не удалось. Пришлось выработать его искусственно, самовоспитанием. Он неуклонно старался приобрести привычки солидного, глубоко интеллигентного человека, всегда сдержанного, тактичного, умным и добрым взглядом посматривающего сквозь очки на окружающих. Со временем внешне стало получаться, и все-таки... все-таки контакты с людьми ему давались не слишком легко. Особенно с сотрудниками и начальством. Чувствовалось какое-то внутреннее напряжение, ворчливое недовольство. Может, и зависть, в чем Наум даже самому себе не хотел признаваться. А это успехам не способствовало. Трения могли бы быть компенсированы серьезными и очевидными способностями, но для всех Наум оставался только добросовестным и неглупым

работником с не слишком, увы, легким характером. В НИИ пищевой промышленности, где он много лет протрубил не за страх, а за совесть в ранге начальника сектора, на должности чисто символической, его обходили многие, в том числе и евреи. И кандидатскую диссертацию он защитил только в тридцать восемь лет. О ней упоминать Наум не любил, потому что в названии наряду с красивыми научными словами были и «картофельные очистки». Какая организация, такая и диссертация. Завотделом был некто Сиперштейн, лет на десять моложе его и даже не кандидат. Как можно было объяснить все это самому себе? Только одним: в отличие от иных конъюнктурных приспособленцев, его в первую очередь интересует само дело, а не отношения с начальством. Примерно так. Впрочем, Наум в глубине души и сам в этих объяснениях сомневался.

«Принципиальный ты наш», — добродушно посмеивалась над ним Света. Но ничего от него никогда не требовала. Она не ждала от него трудовых и карьерных подвигов. Впрочем, человек он был неплохой, хотя с точки зрения ее подруг немножко нудный. Зато надежный и внешне довольно-таки симпатичный, если не обращать внимания на некоторую зажатость и закомплексованность. Она и не обращала.

Изменяла ли ему Света? Вряд ли. А если и было что-то когда-то, то все проходило бесследно. Исповеди и раскаяния ждать не приходилось — не тот характер. А Наум — нет, определенно нет. Адюльтер в программу Наума не вписывался.

«Комбинация», которая круто изменила течение их жизни, была затеяна Светой почти двадцать лет тому назад, еще до перестройки. На очередной ее работе появилась возможность получить квартиру. Для этого Света должна была не быть замужем и не иметь жилплощади. Наум и рта не успел раскрыть, а решение уже было найдено и осуществлено. Света развелась с ним из-за «несходства характеров», затем «переехала» на квартиру к подруге, то есть купила ей диван и раскладушку и поставила под ними свои и Женины тапочки. Продолжала жить, разумеется, у себя дома. Все оставалось по-старому, только она не отвечала на телефонные звонки и не открывала двери, если Наума не было дома. Такой вариант был далеко не редкостью при советской власти. Да и на ее работе почти все знали, что развод фиктивный, но общительной и обаятельной Светочке никто не хотел подставлять ножку. Тем более, так сложилось, что в этой квартире на выселках никто особенно не был заинтересован.

— Зачем она нам, у черта на куличках? — спрашивал Наум.

— Много ты понимаешь. Будет у нас дача. Через пару лет там будет чудный дачный район.

Квартиру Света получила. И оказалась права: свои пятьдесят процентов успеха эта «комбинация» отработала. Там действительно через несколько лет вырос элитный дачный район. А пятьдесят процентов провала заключались в том, что в это время их семья уже была в Израиле. Впрочем, формально по-прежнему не семья.

В восемьдесят девятом году началась эпопея повального отъезда евреев, полуевреев, на четверть евреев и многих примкнувших к ним в Израиль. Это вполне можно было считать «комбинацией», но слишком массовой и слишком опасной даже для Светы. Ей и в Союзе было комфортно. А в те годы у всех была стопроцентная

уверенность, что не только назад вернуться не удастся, но даже увидиться с теми, кто оставался. Прощаясь, уезжающие и провожающие проливали слезы, как на похоронах. Это было страшно. Авантюра Свету влекла, а Израиль — не очень. У Наума все было наоборот. Он по рождению, фамилии, произношению и всему своему облику вынужден был быть еврейским националистом в советском варианте. Но привыкать к новым контактам, другому образу жизни... И он вопрошительно смотрел на свой локомотив — Свету. Больше смотреть было не на кого: к этому времени их родители умерли, законопослушно не нарушив границу невысокой среднестатистической продолжительности жизни в великом и могучем Советском Союзе.

Но Светочка не решалась. Это, безусловно, была авантюра, огромный риск, но не «комбинация». Смысл «комбинаций» был в оригинальности решения и удивлении окружающих. А тут? Выезжали сотни тысяч человек, возникало стадное чувство, противиться которому для имеющих возможность уехать становилось все труднее. Соблазн вырваться из закрытых границ «лагеря», которые вскоре — никто не сомневался — опять станут непроницаемыми, был очень силен, особенно у евреев. Подталкивала и абсолютная пустота в продовольственных, да и всяких других магазинах. Дело шло, казалось, к голоду и полной разрухе, а значит, не исключено, и к возможным погромам. Нужно было принимать решение.

И неутомимая Светочка даже в этом массовом заплыве нашла свою «комбинацию», а это, как вы понимаете, перевесило все сомнения. Ей удалось выяснить, что все пособия и любая помощь в Израиле на семейную пару не в два, а только в полтора раза больше, чем на одиночку. То есть двое одиночек получают на половину пособия больше, чем пара. Как удачно, что они с Наумом сейчас в разводе! Грешно не воспользоваться таким преимуществом. Лишние полпособия — это серьезное подспорье при неудачном развитии событий. А под старость, которая не так уж далеко, — тем более. Ехать! Ехать в разводе, как чужим людям, благо оба евреи по Галахе. Фамилии разные, кто догадается? Ехать!

2

Манна небесная в Израиле их не ожидала. Прежде всего, «комбинация» с разводом лопнула, доставив попутно массу неприятностей. Приехали они в страну, которая занималась эмигрантами со дня своего рождения и знала все хитрые варианты «еврейских голов». Наум со Светой сняли, разумеется, одну квартиру (денег и на одну не хватало), и первая же внезапная комиссия обнаружила две пары тапочек под одной большой, явно семейной кроватью. Почти год после этого происходила путаница с выплатами, тянулись бесконечные хлопоты и объяснения с бестолковой и ленивой израильской бюрократией. В конце концов, они письменно признались в прелюбодеянии и объявили себя семьей. Постепенно бюрократы отстали и успокоились. Так они и жили в узаконенном всеми заинтересованными организациями гражданском браке. Ехать для оформления нового светского брака за границу не было ни денег, ни желания, а других, нерелигиозных вариантов в единственной демократии на Ближнем Востоке не было.

С работой вначале было еще терпимо. Израиль первый год «большой алии» относился к репатриантам из СНГ с симпатией и искренне пытался помочь им приспособиться к новым условиям. Каждому полагался для изучения иврита трехмесячный бесплатный ульпан, который Науму совершенно не помог.

«*Старость — не радость*», — объяснил он свои «успехи» на выпускном вечере на чисто русском языке. Все с ним согласилось.

Несмотря на это, доктора Наума Сипитинера (свой человек!) приняли в специально организованную для советских ученых технологическую теплицу, где два года выплачивали минимальную зарплату в надежде, что он что-нибудь изобретет. Света закончила бесплатные торговые курсы и поступила на работу в престижный магазин одежды.

Но продолжалась идиллия недолго, меньше трех лет. Наум уступил свое место другому ученому — очередь поджимала. А Свету просто уволили: было полно репатрианток, более молодых и симпатичных, согласных работать на любых условиях, и нередко во всех смыслах (о русских женщинах поползли самые невероятные и пикантные слухи). Любовь израильтян к «русским» репатриантам неожиданно и резко превратилась в плохо скрываемую антипатию. «Подъемные» пособия закончились, и пришлось нашим героям переходить на подножный корм. Науму удалось устроиться охранником — читай сторожем, а Света влилась в основной контингент эмигранток старше сорока лет — занялась уборкой в квартирах израильтян и уходом за престарелыми и инвалидами.

К чести Наума и Светланы нужно сказать, что они не впали в отчаяние и не стали посыпать голову пеплом. Старались держаться на плаву, и им это удавалось. Солидный возраст Наума позволял получать небольшое социальное пособие. Вместе с подработками, иногда по-черному, на жизнь хватало. Утешало и то, что, судя по сведениям из Одессы, они не много потеряли. Организации, в которых они там работали, разогнали, их бывшие сослуживцы подались в различные фирмы, в основном торговые. Что там с ними было бы? Один бог знает. Потеря их прежнего статуса в Израиле очевидна, но это явление массовое. «*На миру и смерть красна*», — втолковывал желающим слушать Наум.

Со Светланой было все ясно. Ее здравый смысл и оптимизм помогали выжить в любой обстановке. А как себя чувствовал бывший ученый, а ныне сторож Наум? Как ни странно, он тоже не испытывал особых страданий от утраты своего статуса кандидата наук. Даже, пожалуй, в глубине души был доволен тем, что избавился наконец от комплексов, дискомфорта, огорчений и обид, связанных с его якобы научной работой. Особенно когда узнал, что в «технологическую теплицу» не приняли его бывшего начальника Сиперштейна, который так и не защитил диссертацию. В сознании Наума постепенно происходили довольно типичные для пожилых эмигрантов изменения. Должность начальника сектора, его роль в бюро и вообще в советской науке со временем и на расстоянии превращалась в нечто значительное и важное. Уважение к себе, как ни странно, возросло, комплексы и обиды улеглись.

А как ему удалось простить Израилю свой новый статус сторожа? Удалось. Простил.

«Я уже немолод, страна маленькая, все время воюет. Зато я впервые в жизни перестал напрягаться при слове «еврей». Это дорогого стоит! Это моя страна, и я ей обязан. И ничего не дал взамен, только беру. Какие тут могут быть обиды?»

Все возмущение и негодование Наум направил против врагов, которые не дают нормально жить новой родине и даже угрожают самому ее существованию. Если бы не они, все, разумеется, было бы иначе. А собственную значимость Наум поднимал за счет того, что уверовал в распространенную в израильском национальном лагере теорию ментальной порочности арабов. «Они понимают только силу! Они от рождения враги цивилизации, враги всего демократического мира», — все эти клише были попытками оправдать в собственных глазах моральную сомнительность такой бескомпромиссной черно-белой позиции. Наум все-таки был по советским меркам интеллигентным человеком, ему тяжело было признаться себе в том, что такая точка зрения, в сущности, сводится к очень простому: они, арабы, от рождения плохие, а мы, евреи, от рождения хорошие. Уж слишком это что-то напоминало...

Тем не менее большинство русскоговорящих израильтян придерживалось таких же взглядов. В число единомышленников входила в полном составе и их более или менее постоянная компания, сколоченная, естественно, Светой. Это были несколько семей из Украины, приехавших примерно в одно время. Мужья поголовно евреи, жены самые разнокалиберные — типичная для «большой алии» ситуация. На совместных пикниках доставалось и палестинцам, и местным арабам, самым мирным из предлагаемых решений было выселить их к чертовой бабушке в другие страны. Вполне возможно, что это был так необходимый им предохранительный клапан, куда сбрасывалось все накопившееся с годами эмиграции недовольство. Ругать Израиль, «лить воду на мельницу антисемитов» никому не хотелось. Это, по существу, значило бы признать эмиграцию ошибкой. Слишком тяжелый вывод. Кстати, вот вам одна из существенных причин, по которой новые репатрианты из СНГ почти поголовно становились яркими ультрапатриотами.

Жизнь, увы, с каждым годом требовала все большего напряжения. И это было естественно. Они не молодели, Света уже не могла заниматься относительно прилично оплачиваемой уборкой и перешла на малоденежную и морально тяжелую работу — уход за престарелыми. Вскоре Наума уволили, так как сторожам старше шестидесяти пяти лет работать по ночам запрещалось во избежание неожиданной кончины на боевом посту. Наум по пятницам мыл две лестницы в соседнем доме и изо всех сил старался облегчить домашние хлопоты Свете и Жене. А в свободное от этих забот и чтения Ницше время слушал политические передачи на русском языке, на чем свет стоит ругал арабов и порицал евреев за мягкотелость и недостаточно жесткие меры. Он никогда не был особенно чутким к реакции окружающих и совершенно не замечал, что в собственной семье сочувствующих уже давно не было. Зато постепенно появились убежденные противники его ура-патриотических взглядов.

Открытую оппозицию возглавил пасынок Наума Женя.

«Маленькие дети — маленькие хлопоты, большие дети — большие хлопоты», — так не слишком оригинально, но убедительно описывал свои отношения с Женей Наум.

Когда они со Светой поженились, Жене было пять лет. Уже довольно большой мальчик, многое осознавал и многое помнил. И очень любил папу. Папа был веселый, легкий человек. Он не мог ужиться с общественным и семейным темпераментом Светы и поменял ее на мягкую домашнюю жену. В семье у него всегда было легко, уютно и сытно. Ухоженные детишки — брат и сестра, вечно что-то напевающий, довольный собой и всеми вокруг глава семьи. Контраст не в пользу Наума. Это сразу создало сложности между отчимом и пасынком. Наум даже не делал попыток называться папой — это было нереально. На всю жизнь остался Ньюмой. Шансов заслужить любовь и полное доверие Жени у него практически не было. Из людей такого типа, как Наум (вы и сами, наверно, уже поняли), хорошие педагоги не получаются. А здесь был очень непростой случай. Ребенок был сложный, умный, толковый, но то ли от природы, то ли в силу описанных обстоятельств малоуправляемый.

И все-таки стабилизация отношений произошла. В свое время гордая Света отказалась от алиментов, а поющий папа с легкостью необыкновенной с этим согласился. О своем первенце он вспоминал от случая к случаю, и даже в день его рождения не всегда. В конце концов взрослеющий Женя начал осознавать, кому он нужен, а кому до лампочки. Наум, в сущности, был добросовестным, доброжелательным человеком, он любил Свету и дорожил своей семьей. Постепенно отношения стали равными, хоть и без особой теплоты.

Так продолжалось до переезда в Израиль. К сожалению, эмиграция обладает способностью, как сказали бы медики, обострять хронические заболевания. Так произошло и в этой семье. Как и большинство детей новых репатриантов, Женя оказался не в восторге от встречи с новой родиной. Основания для этого были: эмигрантов везде встречают не слишком приветливо. А дети страдают от неприязни окружающих больше всего. Но общие трудности на первых порах сплотили семью, тем более что в начале пути, как я уже говорил, стыдиться особо было нечего. Зато когда Наум пошел в сторожа, а Света — в уборщицы, Женя стал ощущать некоторую неловкость. Но основные перемены произошли после того, как в честь шестнадцатилетия ему дали возможность отправиться в гости к отцу. Инициатором этой поездки был большой демократ Наум.

Женин отец, Василий Николаевич Беляев, к этому времени стал в Одессе бизнесменом средней руки. Он держал магазин и что-то там еще по мелочам. Принадлежал ему и небольшой, но уютный особнячок в тихом элитном районе. Словом, контраст был очевиден. Женин отчим Наум Сипитинер (в Израиле даже лишившийся отчества) в своей родной еврейской стране был нищим парией. И если бы только это! Он перестал быть уважаемым членом общества. Самое интересное, что это отношение не слишком зависело от национальности в глазах общественного мнения. Все новые репатрианты чохом зачислялись в графу «русские» и в той или иной степени находились в этой дискомфортной зоне.

После поездки в Одессу Женя понял, как хорошо и приятно не выпадать из общего потока. В Украине он был бы таким, как все. Нормальным человеком. Антисемитизм ему не угрожал. Кого могла заинтересовать далекая еврейская бабушка по маминой линии из Литвы? Казалось бы, по аналогии он должен был понять, почему Наум так

ценит не слишком церемонившийся с ним Израиль и столь многое ему прощает. Но, к сожалению, так в жизни не бывает, особенно в молодом возрасте. И Женя незаметно для себя главную причину нелегкой перемены своей судьбы стал видеть в Науме. Как-то постепенно он забыл, что инициатором поездки была мама. Но мама явно проиграла вместе с ним, в эмиграции она оказалась на дне общественной жизни, стала прислугой. Это была еще одна, кровоточащая рана в сердце Евгения. Как Наум мог такое допустить? Какой это глава семьи и мужик, в конце концов? Все свои и мамины неудачи он постепенно стал вменять в вину Науму. Их отношения портились, как в сказке, не по дням, а по часам.

Может, если бы Наум почувствовал изменения в настроениях Жени, если бы хоть немного поумерил громогласную и безапелляционную защиту бедного, всеми обижаемого Израйля, раскол происходил бы не столь стремительно. Все-таки вначале в сопротивлении Жени значительную роль играло естественное для подростка чувство противоречия. Да и любого невольно заставил бы возражать менторский тон, который почему-то прорезался последнее время у Наума в «воспитательной работе» с пасынком, явно не испытывающим особой благодарности к приютившей его стране. Почему такое происходит? Может быть, потому, что наша правда доступна только настоящему еврею, а Женя, как ни крути, еврей лишь на четверть... Об этом — упаси бог — не говорилось вслух, но мысли нередко жалят больнее слов.

Не способствовали дружбе и очевидные ранние успехи Жени у противоположного пола. Он стал высоким, интересным парнем, и начиная с восьмого (!) класса в его комнате стали задерживаться до утра подружки. Наума это, разумеется, шокировало до крайности, но командарм Света объявила его отсталым и несовременным, а под горячую руку и попросту ханжой. Во многих израильских семьях такое поведение молодежи, точнее подростков, было обычным делом.

— Пусть лучше мальчик делает это дома, чем где-нибудь в компаниях с бутылкой водки. Пройдись по нашему парку — увидишь и услышишь такое!.. Ты этого хочешь?

Действительно, из близлежащего довольно запущенного парка по вечерам и допоздна доносились не слишком трезвые мужские и девичьи голоса. Весь район мог бесплатно проходить курс российской неформальной лексики. Что там происходило, ни для кого не было секретом. Но Наума это не убеждало — «ханжеское» воспитание слишком въелось в плоть и кровь. Почему должны быть только крайности? Есть же что-то более приличное? На открытый бунт он не решался, но по утрам встречал «задержавшихся» соучениц Жени мрачно и неприветливо.

— Ходит как сыч, — довольно громко резюмировал «мальчик».

Наум изо всех сил старался этих слов не расслышать.

3

Школу Женя закончил с грехом пополам. Способности не слишком помогли. К сожалению, не было у него того, что было в избытке у Наума, — упорства и трудолюбия.

Женя от звонка до звонка отслужил положенные три года в армии. Впрочем, не без скандалов и гауптвахты. Пожалуй, надежды Наума на то, что армия научит «мальчика»

уму-разуму, не оправдались. К его удивлению, в лучшей армии Востока оказалось слишком много демократии и мало дисциплины.

Большую часть службы Женя провел на территориях, охраняя поселенцев. После демобилизации стало ясно — в Израиле ему не жить. Его приговор ситуации «поселенцы — Израиль — палестинцы» был столь же бескомпромиссен, как и взгляды Наума, но со знаком минус. Поселенцы не работают и работать не будут, агрессивны, фанатичны, они не дают никому покоя. Арабы тоже не подарок, но жизнь их ужасна и унижительна по вине Израиля. Конца этому не будет, а будет серьезное кровопролитие. Все это было сказано резко, четко, безо всяких вопросительных и сомневающих интонаций.

— Но почему, почему ты во всем винишь Израиль? Ведь нам не с кем разговаривать. У нас нет партнера по переговорам. Что может Израиль сделать? С кем говорить?

— Дело не в этом. Это все демагогия.

— А в чем? Объясни бестолковому старику.

— Попробую. Там двести пятьдесят тысяч поселенцев. По всей Иудее и Самарии. По всей территории. Я на них посмотрелся. Они оттуда не уйдут, и у Израиля никогда не хватит сил их увести. Пока поселения на территории, там будет армия, иначе их всех вырежут за одну ночь. И ни один араб не вступится. Пока на территориях будут армия и поселения, не может быть там ни порядка, ни правительства — ничего. И никаких партнеров. Будет все та же оккупация. Таким способом демократию не насаждают.

— А Германия? А Япония? После войны? Оккупация перешла в демократию, ведь так? История нас учит...

Женя его непочтительно перебил:

— Что ты сравниваешь?! Там не было поселенцев из Англии и Америки. Никто им колонизаторов не расселял и земли у них не отнимал. А это самое главное.

— И какой выход?

— Только тяжелая война и тяжелое поражение Израиля. Только если кто-то насильно выкурит оттуда поселенцев, мы сможем отделиться от арабов. Другого варианта нет.

Наум задохнулся от ужаса. Это было больше чем святотатство. Даже больше чем антисемитизм.

— А если будет война, разве ты не должен защищать страну, которая тебя приютила?

— Не приютила, а позвала. Пригласила. Но дело не в этом. Я не хочу воевать на неправой стороне. И быть уверенным, что только наше поражение принесет мир. Слишком это глупо выглядит.

Больше говорить было не о чем. Было ясно, что Женя отсюда уедет, Наум останется. Куда ему ехать, кому он нужен? А Света? Впервые Наум видел ее такой напуганной и потерянной...

Два года после демобилизации Женя болтался без дела. Не мог ни на что решиться. Начинал и бросал какие-то курсы. Работал ровно такой срок, какой был нужен для

получения пособия по безработице, ни днем больше. Да, трудолюбие не было его коньком. Наум пытался вмешаться, но получил довольно грубую отповедь:

— Сидишь на пенсии, ну и сиди тихо у себя в комнате. Своих успехов ты уже добился. Дай попробовать другим.

Наум надулся и больше советов не давал. А Света безропотно взвалила на себя еще две работы, но упреков от нее никто не слышал.

Женя созрел. Он, никому из домашних не говоря ни слова, поступил на подготовительные курсы Техниона. Постепенно осознал, что для отъезда в серьезную страну нужно иметь хоть какое-то образование и специальность. Армия частично оплачивала первые годы дальнейшего обучения, и нужно было этим воспользоваться. Он мобилизовал всю свою — не слишком большую — волю и, опять-таки с грехом пополам, проучился три года в хайфском Технионе (один из них на подготовительных курсах), слегка подрабатывая по вечерам. До получения первой степени осталось меньше двух лет, включая экзамены. Рукой подать. Но не получилось. *«Человек предполагает, а бог располагает»*, — заключил Наум.

За это время в жизни Жени произошли очень важные события. Первое — он выиграл в лотерею (проводится такая в Израиле) грин-карту, прошел собеседование и получил разрешение на переезд в США. И второе — женился на своей соученице Наде, занимавшейся в том же Технионе. Она приехала по программе «Наале» — особой программе для выпускников школ, имеющих право на репатриацию, чьи родители не хотели переезжать в Израиль. Надя была внучкой еврея. Она уже защитила первую степень по химии и грызла гранит науки для получения второй.

Пара получилась очень симпатичная. Высокий, стройный, темноволосый Евгений и среднего роста, с отличной фигуркой, зеленоглазая блондинка Надя. Крашенная блондинка, но все было в меру и общего впечатления не портило. Оформили бракосочетание на Кипре — в Израиле нет брака для неевреев, свадьбу отпраздновали в ресторане.

А вслед за этим произошло третье, незапланированное, но очень тесно связанное со свадьбой событие: по недосмотру родилась у них чудная девочка Верочка. *«Семь раз отмерь, а один отрежь»*, — что точно имел в виду Наум, неизвестно, но догадаться можно. Произошло это настолько быстро, что молодые даже не успели снять собственную квартиру.

Итак, родилась еще одна русская на еврейской земле. Тут уже даже Наум осознал, что новой семье Беляевых придется уезжать.

Помогло ему убедиться в этом министерство внутренних дел Израиля.

При оформлении новорожденной у бдительных чиновников неожиданно вызвала подозрение бабушка Светлана Кириченко с вызывающим отчеством Ивановна. Света родилась в Литве в сорок пятом году незадолго до Победы. Время было горячее, наша страна освобождала одних, расстреливала и сажала других. Дел невпроворот. Отец Светы был солдатом-освободителем, а его фронтовая подруга-жена не смогла следовать дальше за своим госпиталем и осталась рожать в Клайпеде. Может, действительно в те смутные времена свидетельство о рождении было оформлено не слишком идеально, а скорей всего, это было очередное служебное рвение на популярной в Израиле ниве

«еврей — нееврей», «настоящий — ненастоящий». Короче, Верочка в таком случае оказывалась правнучкой еврея. Этот статус требовал особого оформления, с какими-то временными правами, сроками и определенными условиями. Никто толком в этих сложностях не разбирался, потому что правнуки евреев, родившиеся в Израиле, еще были редкими исключениями.

С группой подозреваемых обошлись довольно вежливо, еще по-божески, только отобрали у всех документы и месяца три не давали никакого ответа. Но три месяца на пороховой бочке оказалось совсем немало. Даже Света похудела на пять килограммов. Затем документы вернули со словами: все в порядке. МВД связывалось с Литвой и получило соответствующие подтверждения. Разумеется, никаких извинений не было, в израильском МВД это не принято. Объяснили, что если бы Женя не отслужил в армии, результат мог бы быть другим. Но и такой вариант был достаточно убедителен. Без лишних слов все поняли, что пора паковать вещи.

Пора паковать вещи.

Света выглядела просто-таки оглушенной, она не отходила от Верочки ни на шаг.

Растерянный и испуганный Наум без особой надежды пытался остановить катастрофу. Он мямлил, что это просто отдельный несчастный случай. Женя только пожал плечами.

— Насмотрелся я на эти отдельные случаи, пока сидел в приемных. Неевреи в Израиле не могут быть спокойны, вокруг них все время что-то происходит.

— Но это не может, не может быть правилом, — скорее убеждал себя самого Наум.

Женя с иронией посмотрел на отчима сверху вниз, в прямом смысле сверху вниз — он был на голову выше Наума.

— Ну не правило, так тенденция. Какая главная цель Израиля? Основная? Создание еврейского государства. Государства для евреев.

— Так, — согласился Наум. — Конечно, государство для евреев.

— А раз так, то любой нееврей в стране — лицо в принципе нежелательное. В принципе. Он одним своим присутствием уже мешает главной задаче. Во всяком случае, не помогает — это безусловно. Отсюда и последствия. Страна при такой основной цели не может быть справедливой. У меня две нееврейки, которые будут рожать неевреев. Что им тут делать, в национально озабоченной стране?

— И религиозно озабоченной, — добавила Света.

Это было демонстрацией поддержки. Она прежде никогда не вмешивалась в разговоры такого рода. И вот нейтралитет был нарушен. Во-первых, она в глубине души хотела, чтобы дети жили там, где нет постоянных войн, — вполне законное желание матери. Но был еще один мотив. Света недавно нанялась к новым хозяевам, ультраортодоксам, пожилой паре примерно такого возраста, как Наум, немного моложе. Хозяин был довольно важным в своей среде человеком, членом одного из религиозных советов, которые в Израиле обязательно состоят при любой, даже самой малюсенькой мэрии. Один-два раза в неделю он надевал тщательно отглаженный для такой цели костюм и уходил на пару часов на заседания. Это была его работа. В Израиле эти религиозные чиновники получают немногим меньше депутатов кнессета, так что семья была достаточно обеспеченной. Хозяйка не очень скрывала свою уверенность в том, что

нерелигиозные евреи — вообще никакие не евреи. И Светиной золовке нужно пройти гиюр, если она хочет быть не хуже других. Религиозная чета гордилась тем, что у них 95 прямых потомков. То есть детей, внуков и правнуков, без учета их жен и мужей (такое, надо сказать, не редкость в ультраортодоксальных семьях). Согласитесь, был предмет для гордости. Девяносто пять! По восемьдесят детей в семье, ранние браки, пошло четвертое поколение. Все в вере, все служат Господу и соблюдают традиции. Мужчины в ешивах, женщины в семье. Семь раввинов. Трое в религиозном совете. Пятнадцать преподавателей ешив.

— А кто работает? — не удержалась однажды Света.

— Служение Господу — самое важное для еврея дело. А для чего мы создавали еврейскую страну? Если бы не мы, евреи уже давно в Израиле были бы в меньшинстве.

Определенно, прямое потомство Светы, состоящее всего из двух человек — Жени и Верочки, заведомо проигрывало будущее их потомкам и количественно, и качественно. Высшая математика здесь не требовалась.

Все были наслышаны об этой истории. Света не из тех, кто таит в себе неприятности. Было понятно, кого конкретно она имеет в виду.

— Инкубатор какой-то, — неожиданно даже для себя пробурчал Наум.

Все с удивлением посмотрели на него. Это было явное отступление и намек на перемирие. Наступила сочувственная пауза.

— Ну хорошо, ехать нужно, — продолжил с горечью Наум. — Кто спорит! Но я бы на вашем месте прежде закончил Технион. Трудно, даже, признаю, обидно. Но все налажено, и мы с мамой рядом. Когда еще будет такая возможность вам обоим получить дипломы? И будет ли вообще? Нужно уметь терпеть, в конце концов. *Терпенье и труд все перетрут!*

И нарвался на очередной втык.

— У меня всю жизнь перед глазами пример терпенья и труда. Попробую иначе.

Наум опять надулся.

— Ладно, я предпочел бы быть плохим пророком, но боюсь... — и осекся под взглядом Светы.

А Надя? Она просто любила Женю и довольно равнодушно относилась к Израилю. Считала страну чем-то вроде промежуточной станции, где дальней ветви евреев создают хорошие условия для получения образования. Во всяком случае, эти условия были лучше, чем для детей репатриантов. Это называлось «большой эмиграционной политикой». Кроме того, англоязычные страны ее не пугали. Надя была во всеоружии, она еще чуть ли не с младших классов решила, что не будет жить в России, и с финансовой помощью всегда и во всем согласных с ней родителей закончила солидную частную школу английского языка. И училась и сдавала экзамены в Израиле тоже на английском. К сожалению, наши репатрианты такой возможности не имели...

Молодые оформили в Технионе необходимые документы для перевода в другое учебное заведение, и спустя два месяца семья Беляевых отбыла в Сан-Диего, где у Жени жили друзья, сбежавшие из Израиля еще раньше.

Наум со Светой остались вдвоем. Дети оказались очень далеко. Нелегкая, но, увы, обычная ситуация для наших репатриантов.

Переход был очень резкий. Несколько последних месяцев в их не слишком большой трехкомнатной квартире было шумно и тесно. Теперь наступила удивительная тишина.

— *То густо, то пусто*, — резюмировал Наум.

— У нас стало безлюдно, — поддержала его Света.

Наум долго обдумывал, обидеться ли ему на это замечание или согласиться с ним. Никакая подходящая цитата не приходила в голову — и он промолчал.

Итак, действительно, тишины могло бы быть поменьше. Затем появилось чувство, в котором они даже самим себе не признавались: их в пустой квартире стало как-то слишком много друг для друга. Общепринято, что, оставшись вдвоем, не слишком молодые родители еще больше сближаются. Возрастает взаимопомощь, поддержка, зависимость друг от друга. Да и потребность в этом, кстати говоря, увеличивается — годы здоровья не добавляют. Но перейти на новые рельсы не так просто, как это может показаться. Много в отношениях приходится заново перестраивать, снова нужно приспособливаться друг к другу, и чаще всего это не легче, чем в молодые годы. Физическое влечение, секс, который так сглаживал все нестыковки и противоречия в те счастливые времена... чтобы никого не обидеть, сформулирую так: все это уже не играет столь существенной роли. Словом, новая жизненная ситуация требует серьезной перестройки семейных отношений, не уступающей по сложности горбачевской.

Чаша сия не миновала и Наума со Светой. Они никогда так подолгу не были наедине, а главное, в качестве «лиц без определенных занятий». Света отказалась от доброй половины работ — необходимости в этом уже не было. Да и сил тоже. Дел по дому с трудом хватало только на то, чтобы загрузить изнывающего в поисках занятий Наума. Читать ему было трудно, очень быстро ухудшалось зрение, и даже израильская медицина оказалась бессильной. Размышлять было решительно не над чем, приходилось скорее изображать задумчивость. Оздоровительные прогулки отнимали всего полтора, от силы два часа. Телевизионные сериалы он, естественно, не любил, а к политике после всех приключений последнего периода резко остыл и даже чувствовал к ней какую-то органическую антипатию. Оставалось обмозговывать так и не решенную проблему сотворения мира и всего с этим связанного. Время от времени — как лакомство — он позволял себе в малых дозах чтение Ницше, каббалы и какой-нибудь литературы о паранормальных явлениях. Но все эти вопросы требовали обсуждения. Наум остро нуждался в партнере по разговорам, а точнее, в слушателе. У Светы эти темы отклика не находили, ее вполне устраивали сериалы, любимая мемуарная литература и бестселлеры. Включая ненавидимые Наумом женские романы.

Связь с друзьями стала заметно сокращаться. Вся их компания постепенно тоже перешла на социальное пособие, и, в соответствии с израильскими законами, все остались без машин. Естественным образом прекратились субботние шашлыки — общественный транспорт, как известно, в эти дни не работает. Остался телефон, которым усердно пользовалась Света. Науму телефон был противопоказан — слишком

несерьезное занятие, мирового значения проблемы по нему не объяснишь, тем более что без жестикюляции истинный еврей Наум мало что мог доказать.

В этой новой ситуации неизбежно было обострение противоречий. Света с удивлением обнаружила, какой он нудный. То есть она и раньше это понимала, но не до такой же степени! Как нелепы его «высокие поиски» или, как Света их про себя, а иногда и вслух называла, «завиральные идеи» на фоне мизерного социального пособия и в съемной квартире! А Наум осознал, что своими разочарованиями и несбывшимися надеждами поделиться не с кем. Вряд ли она, оторвавшись от телевизионного сериала «Дорогая Маша Березина», сможет его ну если не понять, так хотя бы выслушать...

Но отступить было некуда, и в действие вступили защитные силы организма. Они постепенно осознали, что находятся на необитаемом, в крайнем случае, малообитаемом острове. Их двое, и никому до них нет, в сущности, дела. Кто из них цивилизованный Робинзон, кто дикий Пятница — деление чисто условное. Нужно быть реалистом.

И они, каждый по мере сил, начали приспосабливаться. Наум стал меньше нести вслух наукообразную ахинею, Света научилась в определенной степени изображать интерес к теориям медитации и реинкарнации. Временами их можно было увидеть сидящими в обнимку на диване и внимательно наблюдающими за перипетиями мексиканского сериала. Объединяли их, естественно, и проблемы семейства Беляевых. *«Бытие определяет сознание».*

А тут еще Света стала от излишнего спокойствия поправляться, что было совсем ни к чему. Но *«не было бы счастья, да несчастье помогло»*, — и Наум решительно взял контроль над ее весом в свои руки. С этих пор они в любую погоду дружно совершали довольно длительные совместные прогулки. Это уже было похоже на настоящую семейную идиллию.

В число важнейших развлечений входила бесплатная связь с Сан-Диего. Женя оставил им компьютер с программой Скайп и даже с видеокамерой. Теперь Света теоретически могла вести бесконечные разговоры и даже непосредственно наблюдать, как растет Верочка. Одна беда — взрослые заокеанские участники диалога были людьми слишком занятыми и слишком усталыми, чтобы больше двух-трех минут высидеть возле компьютера. И то далеко не каждый день. Положение усложняла и большая разница во времени — десять часов. Чтобы никого ночами не будить, из Америки можно было звонить только с утра, в первой половине дня или поздно вечером. А утром по будням всем было не до переговоров. Поэтому на практике сеансы связи проходили только в субботу. Но Света надеялась, что, когда Верочка подрастет, она будет ей на расстоянии вслух читать Корнея Чуковского.

Так они и жили.

Не знаю, соответствует ли это теориям Эйнштейна, но ближе к старости время в течение дня тянется бесконечно и уныло, а сама жизнь протекает невероятно быстро и со все возрастающим ускорением. Недели, месяцы, годы — фьюить, фьюить, фьюить... Непонятно, как это сочетается, но факт остается фактом.

Пролетели, промчались два года. К счастью, Наум оказался плохим пророком — дела у семейства Беляевых продвигались неплохо. На удивление неплохо. Все-таки приехали они в новую страну, имея на руках только два незаконченных образования и полугодовалого ребенка, но ни копейки — почти буквально — денег. То есть без всякой подстраховки. О финансовых возможностях Наума и Светы вы знаете, о трудолюбии Жени догадываетесь, и все вместе они наскребли при отъезде только на билеты в один конец. И тем не менее все складывалось вполне благополучно. Казалось, Соединенные Штаты на примере наших молодых и отчаянных решили напомнить сомневающимся, что являются страной неисчерпаемых возможностей.

— *Судьба Евгения хранила*, — удивлялся Наум.

Им действительно во многом везло. Анатолий, Женин друг в Сан-Диего, оказался серьезным и надежным парнем. Он заранее снял им по соседству с собой неплохой «трехbedрумный апартамент», что в переводе на русский означало квартиру из четырех комнат, включая салон. Он же с согласия своей жены Любы, бывшей Жениной одноклассницы, одолжил им небольшую сумму на первое время, хотя они сами отнюдь не купались в роскоши. И даже порекомендовал интеллигентную русскоговорящую няню Беллу, эмигрантку из Черновцов, пятидесяти пяти лет, не нашедшую себе в новой стране другого применения. Она оказалась дамой, приятной во всех отношениях и достаточно чадолубивой. Белла была одинока и могла работать столько, сколько потребуется, даже при необходимости оставаться на ночь. Постепенно почти добровольно (но за дополнительное вознаграждение) она взяла на себя и солидную часть домашних забот. Остановка была только за оплатой, что, как вы догадываетесь, являлось ахиллесовой пятой новых американцев. Няня стоила очень недешево. У нее оставалась в Украине дочь с двумя детьми и неудачным мужем, этот финансовый насос работал очень эффективно.

А зачем бедным эмигрантам вообще понадобилась няня? Все было обдуманно. Само собой разумелось, что завершить образование одновременно двоим не удастся. Кодекс чести настоящего мужчины требовал, чтобы в первую очередь это сделала Надя. А раз так, то все равно нужно было ребенка на кого-то оставлять. И выгоднее было Наде учиться и одновременно подрабатывать на полноценную солидную няню, чем придумывать различные комбинации. Во всяком случае, так было решено на семейном совете. И, видимо, решено разумно.

Но самое главное — тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, — Женя начал избавляться от своей инфантильности, стал проявлять энергию и растущее на глазах осознание ответственности главы семейства. То есть во всех этих успехах было не только везение. Уже через неделю после приезда он нашел довольно неплохую работу в небольшой частной фирме, занимающейся техническим обслуживанием компьютерных систем. Диплом соответствующих шестимесячных израильских курсов, два года обучения в уважаемом даже в Америке хайфском Технионе были только предпосылкой. Женя с блеском выдержал испытательный срок, он действительно был способным человеком и компьютерным фанатом. Правда, чтобы обеспечить необходимые семейные расходы, ему приходилось вкалывать по десять-двенадцать часов в сутки, мотаться по всему

городу и даже по пригородам. Зато ему выдали служебную машину, которой он мог пользоваться и в личных целях. Тоже экономия.

И еще оказалось, что Женя очень выгодно женился. Разумеется, не в смысле богатства. Денег у Нади не было. Зато было кое-что другое, не менее важное.

Для Нади четыре года самостоятельной жизни в Израиле не прошли даром, да и от природы она была активной и не робкого десятка. Вскоре по приезде она поступила для продолжения учебы на химический факультет престижного Калифорнийского университета и еще до начала сессии досдала необходимые по новой программе предметы. Это было совсем не просто с учетом обрушившихся на ее голову забот, связанных с устройством на новом месте. Мало того, она сумела попутно решить очень непростую в Калифорнии проблему трудоустройства. Как-то само собой получилось, что на кафедре буквально все, начиная от секретарши, не говоря уже о мужском педагогическом составе, прониклись сочувствием к симпатичной русско-еврейской блондинке с обаятельной улыбкой, стройной фигуркой и отличным для смешанного населения Сан-Диего английским. О своем тяжелом положении эмигрантки она рассказывала с таким скромным достоинством, что это вовсе не выглядело мольбой о помощи. Ей с непривычной для этой снобистской организации легкостью предложили четыре часа в день на должности лаборантки здесь же, на кафедре. Формально говоря, основания для этого были серьезные — первая степень и отличные оценки в аттестате. Но местных химиков, выпускников этого же университета, примерно с такими же данными было более чем достаточно. Надя доказала, что скромное обаяние при прочих равных условиях играет не последнюю роль. Таким образом, она с самого начала почти зарабатывала на няню. Правда, только «почти», остальное тянул Женя. И это «остальное» со временем только увеличивалось.

Словом, в течение двух лет Света и Наум получали из Америки только хорошие или очень хорошие новости. Правда, вначале была небольшая заминка. Женя по старой израильской привычке как-то попытался продемонстрировать хозяину свое свободомыслие и строптивость. Тут же ему толково объяснили, что если нечто подобное повторится, то он с треском вылетит из фирмы и не получит никаких рекомендаций. Это была нешуточная угроза. «В Америке, — объяснили ему, — демократия на производственные отношения не распространяется. Полное подчинение. Тут вам не папа с мамой. И не ваша армия — мы знаем, какое там панибратство и либерализм». Струхнувший Женя все осознал, и дела пошли на лад.

Ему регулярно увеличивали зарплату и даже как-то послали на курсы повышения квалификации за счет фирмы. Женя действительно оказался ценным работником. Природа наградила его талантом успешно пользоваться смесью знаний и интуиции, необходимых в этой новой для человека компьютерной системе. Он без видимых усилий быстрее всех выяснял, где, что и почему «не фурычит» (любимое его выражение) и что нужно сделать, чтобы все было о'кей. И в результате со временем был назначен бригадиром. Правда, бригада была небольшая, в нее входили два русских эмигранта и один свежее испеченный американец китайского происхождения. Само собой разумеется, в такой среде повышать уровень английского они не могли. В этом заключалась серьезная проблема, потому что на самостоятельное изучение языка у

Жени не оставалось сил. Или не хватало воли. А скорей всего, и того и другого... Время между тем стремительно уходило. Но успехи на работе были налицо, можно было, ничего не приукрашивая, с гордостью рапортовать родителям.

И все-таки самых впечатляющих успехов добивалась Надя. То, что она сдавала все работы и экзамены на «отлично», никого не удивляло — так было и в Технионе. Но вскоре ее официально ввели в штат, затем последовали некоторые льготы, пенсионные отчисления, страхование — довольно необычное явление в престижном заведении по отношению к молодой эмигрантке, пока еще даже не имеющей гражданства. Естественно, она это заслужила своим старанием, но многие не могли избавиться от впечатления, что одного старания явно недостаточно. Где-то, возможно, была группа поддержки. И тем не менее зависти это не вызывало. Симпатии и, я бы сказал, уважение к ней и студентов, и преподавателей со временем только возрастали. Надя использовала каждую свободную минуту для того, чтобы приобрести интеллектуальный и информационный багаж, которым, по ее мнению, должен обладать интеллигентный американец. Она хотела знать и чувствовать то же, что знает и чувствует каждый из них.

— Двужильная, — с одобрением говорила о ней Белла и старалась помочь, чем могла.

Возможно, в другом районе Соединенных Штатов добиться столь заметных успехов было бы сложнее, но в Сан-Диего, где у каждого второго речь с каким-нибудь акцентом и физиономия, отличающаяся от британского образца, акклиматизация проходит намного быстрее.

6

Первой опасность почувствовала Света. Наум стал замечать, что победные реляции об успехах Нади ее не воодушевляют. Наоборот, она все чаще впадала в совершенно не свойственную ей задумчивость. Следующим показателем стало то, что в разговорах с Наумом вместо привычного «Надюша» стало все чаще появляться официальное «Надежда». Долго скрывать свои, даже не полностью осознанные, предчувствия Света, разумеется, не могла. И однажды в ответ на вопрос Наума — в чем проблема? — хлынул поток сомнений и опасений.

— Ты обрати внимание, Надежда вращается в высших академических кругах! — это красивое выражение ей определенно понравилось, и она со вкусом его повторила: — В высших академических кругах!

Наум, с видом человека, отлично знающего эту систему изнутри, иронически ухмыльнулся.

— Не преувеличивай. Всего-навсего преподаватели кафедры. Это не бомонд. Сключники и скандалисты. И далеко не богачи. Я-то их навидался...

— Ну да, навидался, особенно в Америке. Все меришь по своим НИИ, давно отдавшим богу душу. В Америке все иначе. Там все они снобы. И кто для них Женя? Простой иностранный работяга, в потрепанной служебной машине. С акцентом. И даже твоего Ницше не читал. Ты слышал, как он рассказывал о парти, куда его с Надеждой пригласили?

— Нормально рассказывал. Был доволен тем, как там к Надюше относятся. По моему, гордился.

— Ох, Ньюма, Ньюма. Нет у тебя музыкального слуха, и вообще никакого. Витаешь в своих эмпиреях.

Света была права. Все так и было. На этих корпоративных вечеринках, которых было слишком трудно избежать, Женя чувствовал себя явно не в своей тарелке, человеком с другой планеты. Дикий — с их точки зрения — акцент, неумение легко перебрасываться репликами о вещах, всем хорошо знакомых, и тому подобное. И деликатные Надины сослуживцы с таким сочувствием смотрели на нее, так явно старались протянуть руку помощи, демонстрировали такое равноправие... Все это было тем более обидно для Жени, что у себя на работе, на своем уровне общения он был вполне уважаемым человеком. А о женщинах и говорить нечего — он по-прежнему пользовался у них большим успехом. Совсем недавно на корпоративной вечеринке своей организации он путем тайного шутивного голосования был избран секс-символом фирмы. «Документ», подтверждающий это, с подписями и печатями, он со смехом, но не без удовольствия предъявил Наде. Мол, и мы не лыком шиты.

Надя пыталась как можно мягче приспособлять Женю к новой культуре. Разговаривала с ним по-английски, поправляла неграмотные выражения. Подсовывала журналы: смотри, тут интересная статья, а вот это прочитай непременно; покупала билеты на спектакли. Но встречала все возрастающее сопротивление. Конечно, он очень уставал, но, кроме того, стал чувствовать какое-то унижающее его давление. А Женя, как вы помните, этого не переносил с детства.

Как-то после одного субботнего разговора с родителями они забыли завершить сеанс связи, и в Хайфе услышали раздраженную реплику Жени:

— Ты хочешь поднять меня до своего уровня? Куда уж мне! Не стоит стараться, меня устраивает мой. До Пуделя я все равно не дотянусь.

Наум тут же тактично отключился, Света промолчала и только тяжело вздохнула.

О Пуделе они слышали не первый раз. Так Женя называл профессора Пауделла, куратора Нади. Тот действительно очень напоминал пуделя — черные курчавые волосы, черные глазки, носик пуговкой, невысокого роста. Женя с очевидным злорадным удовольствием переслал в Хайфу по Интернету фотографию с одной из парти, на которой Надя держала под руки его и Пуделя. Преимущества высокого и стройного Евгения по сравнению с низкорослым и довольно поношенным Пауделлом были очевидны. Не говоря уже о разнице в возрасте не менее двадцати лет.

Впрочем, у Пуделя была серьезная компенсация этих недостатков. Он был доктором наук, профессором, крупным специалистом в своей области и одним из самых влиятельных людей не только на кафедре, но и в университете. И что не менее существенно, мистер Пауделл был одновременно совладельцем нескольких химических фирм, которые, фигурально говоря, пожинали плоды его творческих успехов. То есть работали по его патентам. Он был эдаким Гейтсом в миниатюре, хотя определение «в миниатюре» являлось скорее следствием финансовой масштабности Гейтса, нежели бедности Пауделла. Последний был тоже далеко, далеко не нищим.

По мнению Жени, Пудель слишком опекал Надю.

«Дети» по-прежнему сообщали о себе только хорошие новости, но даже «не имеющему слуха» Науму было ясно, что отношения в семье становятся далеко не безоблачными. Счастливый брак грозил превратиться в мезальянс.

Однажды Наум со Светой сидели, как голубки, на диване и смотрели очередное ток-шоу. Главная героиня, встретив большую любовь, разбила семью, забрала половину детей и ушла к другому. Сейчас она счастлива, бывший муж не очень. А хорошо ли это? И все на полном серьезе... Женщины относились к этой проблеме по-разному, но на вопрос «А вы лично могли бы поступить так же?» все, как одна, отвечали: «Нет, я бы так не смогла». Мужчины были менее категоричны.

Наум вяло реагировал на предмет дискуссии, лично его это не волновало. Поезд уже ушел, время для перемен упущено. Во всяком случае, он так считал. А Света скептически пыхтела и явно соотносила все услышанное с событиями в Сан-Диего.

— Ох, скорей бы уже Надежда закончила свою учебу, и они поменялись местами, — наконец обнародовала она свои мысли. — Как такая смена называется в политике? Рокировка?

— Ротация.

Наум кисло поморщился. Он не любил напоминаний о своей былой привязанности.

— Жене пошел тридцать первый год. Если он сейчас не пойдет учиться, то все. Он и так уже забыл даже то, что знал.

— Я говорил. Нужно было потерпеть здесь всего два года, и было бы у обоих высшее образование. Но Женя терпеть не умеет.

— Ох эти твои «я говорил»! Кому от них легче? Ты только Жене не ляпни, он эти «я говорил» на дух не переносит. Так и ждет, что ты ему это скажешь. Нам только скандала не хватает. Ему и так нелегко.

— Им обоим нелегко.

— Да, конечно, Надежде тоже. Но женщинам нельзя давать слишком большой форы.

Наум заинтересовался.

— Почему женщинам? Надюша любит Женю. И вообще, женщины — ты слышишь, что они там говорят? — больше дорожат семьей, чем мужчины.

Света с иронией посмотрела на экран и на Наума.

— Знаток женщин... Когда такое было? Давно и... почти неправда. Говорят. Говорите тоже — помнишь анекдот? А статистику слышал?

Наум этот момент пропустил. Света постепенно раскалялась.

— Шестьдесят процентов заявлений на развод подают женщины. Нет, не верю я в их самопожертвование. Особенно в Америке, с их самостоятельностью. Они свой шанс не упустят. Не знаешь ты женщин.

— Одну знаю, мне хватает, — миролюбиво закончил Наум.

Света снова скептически хмыкнула. Наум отнес это на счет участников ток-шоу.

Наступило наконец с нетерпением ожидаемое время больших перемен, но, увы, надежды на ротацию не оправдались. Вместо них разразился настоящий кризис. Надя,

как и следовало ожидать, с успехом — третьей на курсе — закончила университет, получила диплом и степень бакалавра. Но — к огорчению Жени — этим дело не закончилось. Мистер Пауделл предложил ей не работу, как ожидалось, а продолжение учебы. То есть вакантное место в аспирантуре и по окончании ее, через два года, маячила куда более солидная академическая степень магистра. Это уже был совсем иной уровень, нежели присваиваемая выпускникам не только университетов, но и простых четырехгодичных частных колледжей степень бакалавра. Но самое главное, была заранее обещана после защиты серьезная и хорошо оплачиваемая должность в одной из его фирм. И это были не голословные обещания — во время обучения Надя должна была проходить стажировку в отделе этой фирмы, заранее готовясь к будущим обязанностям. О такой карьере можно было только мечтать.

Женя был в транс, Света в полной растерянности. Наум не осмеливался выразить восхищение прекрасными перспективами Надюши, а уж он-то лучше, чем кто-либо другой, знал, как непросто этого добиться. Но сейчас такие восторги были бы неправильно поняты. Тем более, что Наум с трудом сдерживал столь «любимую» Женей фразу: «Я говорил!..» Пришлось просто помалкивать от греха подальше...

Мистер Пауделл вызвал Надю и долго беседовал с ней. Тон беседы — подчеркнуто уважительный и равноправный. Никакого второго плана не было даже в помине. Начал он с того, что откровенно признал: одной из важнейших задач своей университетской деятельности считает комплектование собственных фирм надежными и толковыми специалистами. Это основа успеха. Дальше шли обычные похвалы ее трудолюбию, констатация ее достижений за столь короткое время и т. д. Но особо Пауделл подчеркнул, что ценит ее целеустремленность и умение находить контакт и с боссами, и с подчиненными, сохраняя при этом симпатии и уважение и тех и других. И внутренне сохраняя дистанцию. Последнего качества Надя в себе не замечала, но ему виднее. Весь этот набор очень важен для руководителя и встречается не так часто. Мистер Пауделл надеется, что из Нади получится отличный и грамотный босс. Он так и сказал — босс.

Но как бы ни повернулась ситуация в дальнейшем, степень магистра и стаж практической работы в солидной фирме очень важны и уже сами по себе обеспечивают конкурентоспособность в будущем. Ни для кого не секрет, что прямо с учебной скамьи, без протекции найти работу ох как непросто. Специалистов этого профиля в Калифорнии избыток.

Пауделл умел говорить солидно и убедительно. И в то же время мягко давал понять, что в случае несогласия умывает руки.

Он прозрачно намекнул, что готовит ее к должности начальника отдела, который отвечает за внедрение всех новых разработок, проведенных под его руководством. Это означает ответственность за многомиллионные финансовые объемы, а также контакты на высоком уровне с весьма солидными людьми, серьезное и стабильное положение в сочетании с соответствующей оплатой. Судя по всему, Пауделл действительно верил в природную целеустремленность, надежность и контактность Нади. И в то же время заметил, что для этой важнейшей работы у него должно быть полное взаимопонимание с руководителем. Требование выглядело чисто деловым, но глаза Пауделла при этом затянулись едва заметной поволокой. А может, все-таки показалось? Подозрительность

провинциалки? Или следствие бессмысленной ревности Жени? Она внимательно посмотрела на солидного и делового руководителя и готова была устыдиться своих подозрений. И все-таки...

Пауделл продолжал:

— Есть и недостаток в моем предложении, — Надя напряглась. — Получать вы будете немного, примерно столько же, сколько и сегодня. Аспирантура за счет фирмы, согласитесь, это уже немало. И потом, я не могу платить вам больше, чем остальным. И уверен, что вы и сами не захотели бы, чтобы я это делал...

Пауделл внимательно посмотрел на Надю. Та энергично замотала головой.

— Нет, конечно, нет. Ни в коем случае.

— Рад, что я в вас не ошибся. Не ошибся? — повторил вопрос Пауделл. И не ожидая ответа, продолжил: — Ну и отлично. Подумайте, посоветуйтесь с близкими. Время до начала следующей сессии у вас есть.

Надя ушла обдумывать предложение. Все оказывалось не слишком просто.

Разговор с Женей тоже был нелегким, а начало его просто обескураживающим.

— Я обо всем подумал — и ни за что не соглашусь, чтобы ты с этим Пуделем терлась еще два года бок о бок.

— Женя, ты что говоришь? Куда тебя понесло? Терлась...

— Я сказал «бок о бок». Не знаю, о чем ты подумала...

— Только пошлостей нам не хватало.

Мрачная пауза затянулась.

— Женя, давай не будем бодаться. Какой может быть выход?

А выхода не было видно даже на горизонте. Правда заключалась в том, что альтернативы предложению Пауделла у них фактически не было. А если и была, то в высшей степени скверная. Пауделл прав на все сто процентов: слишком много специалистов такого профиля выпускают местные учебные заведения. И особенно сложно трудоустроиться эмигрантам без гражданства. Если Надя откажется от этого предложения, то найти такую работу, чтобы Женя смог продолжить учебу и чтобы платить няне Белле, не удастся. Даже при условии, что Женя останется на полставки в своей фирме, а на это нынешний его хозяин может и не согласиться.

Пауделл, призналась Надя, намекнул: он при отказе умывает руки, что можно понимать по-разному. Влияние его в этой области огромно. Во всяком случае, в Сан-Диего. А переезд из обжитого места в полнейшую неизвестность — что может быть страшнее?

— Теперь ты видишь? Он нас, а точнее тебя, загоняет в угол. Не говори, что ты этого не видишь.

— Женя, не примешивай ко всем неприятностям ревность. Ты мне не доверяешь?

Женя хотел с ходу возразить, но потом махнул рукой.

— Понимай, как хочешь.

— Подумай сам, у него могут быть любые красавицы. Ты сам видел одну такую на прошлой партии. Помнишь, чуть не упал? Зачем ему такая серая мышка, как я?

Женя обиделся за нее, а еще больше за себя.

— Почему серая? И почему мышка? Впрочем, он их покупает, тут много ума не надо.

— Не просто покупает. Женя, это не так. Он многого добился. И это такое же преимущество, как молодость, рост, красота...

— Я смотрю, у него появился ярый защитник. Надежда, ты научилась красиво говорить. Впечатляет. Как по писаному. В какой книжке вычитала?

— Тебе не все равно? Ты же ни одной не прочел.

Женя действительно, как и многие нынешние молодые люди, художественной литературой, мягко говоря, не увлекался. Точнее — вообще не читал.

— Я парился по двенадцать часов в день, чтобы ты могла на этих книгах торчать...

— А я бездельничала? Ну да, поэтому у нас сейчас скандал, что я бездельница, а ты деловой.

Против этого Женя возражений не нашел. Замолчал и отвернулся. Надя поняла, что все прозвучало очень обидно. Перебор. Взяла себя в руки.

— Женя, мы не о том говорим. Мы можем выйти на совсем другой уровень жизни.

— Но это будет твой уровень, а не мой. А я хочу свой, — Женя заметил протестующий жест Нади. — Ну хорошо, наш общий. Мы же договаривались. Сейчас моя очередь стать умным.

— Это правда, Женечка. Ты полностью прав. Я же не спорю. Я просто не знаю, что делать...

— Зато я знаю, чего не нужно делать. Если ты согласишься на эту долбаную магистратуру — я уйду. Так и знай.

И после паузы подвел итог:

— Тебе решать.

Надя признавала, что, в сущности, Женя прав. Они на такую двусмысленную ситуацию согласиться не могут. Не могут — пока вместе. В этом была основная сложность проблемы. Перед каждым из них возник соблазн серьезного успеха, качественного изменения жизни. Но, увы, только каждого в отдельности. Вместе не получалось.

Занятая своими проблемами Надя даже не догадывалась, что и с другой стороны — у Жени — тоже есть ящик Пандоры, который вот-вот грозил открыться. Опасность молодой семье грозила с двух сторон.

Женя прекрасно понимал, что для дальнейшего роста в качестве специалиста ему нужен как минимум диплом об окончании колледжа. Без этого никакое реальное продвижение по службе невозможно. Да и дистанция в этом случае между ним и Надей, будущим магистром и солидным боссом, станет непреодолимой. Но уже сейчас он ощущал огромное нежелание снова садиться за книги и сознавал, что еще через два-три года это будет практически невозможно. Зато змеем-искусителем перед ним маячила возможность стать бизнесменом — а в таком случае необходимость официальных регалий отпадала.

Путь для этого был проторенным и старым, как мир. Дочь хозяина Нелли, вполне симпатичная и абсолютно американизированная молодая женщина с трехлетним ребенком от первого пробного брака, не скрывала своих симпатий к молодому

израильтянину. И не только она. Сам хозяин фирмы благоволил к Жене и поощрял ее увлечение. Молодого парня, который меньше чем за два года стал признанным авторитетом в фирме, наверняка ожидало неплохое будущее, а это с точки зрения матерого бизнесмена дорогого стоило. Со свойственной многим американцам старой закалки бесцеремонной прямолинейностью, он почти не скрывал желания видеть в потенциальном зяте не только партнера по бизнесу, но и в ближайшем будущем своего преемника. Хозяин признавался, что в столь быстро развивающемся деле, связанном с новыми технологиями, он уже не в состоянии угнаться за тенденциями. И просто человечески устал. Приходится доверять наемным помощникам, а хотелось бы опереться на родного человека. Кто мог стать этим гипотетическим родным человеком — нетрудно было догадаться. Дополнительным, но немаловажным стимулом было и то, что дед хозяина, основатель династии, помесь грека с евреем, в начале прошлого века эмигрировал в Америку из Одессы, и на этом основании все семейство сентиментально считало Женю земляком и едва ли не родственником.

А почвой для таких настроений было невесть как проникшее в фирму подозрение, что в его семейной жизни не все обстоит благополучно. Причем эти слухи возникли еще раньше, чем сам Женя это неблагополучие осознал. Как распространяется такая молва — объяснить невозможно, но каждый из нас знает подобные примеры из личного опыта...

Было бы гораздо легче бороться с соблазнительными перспективами, если бы Наде и Жене приходилось преодолевать неприязнь к новым кандидатам, особенно физическую. В этом случае появилось бы ощущение, что они продают себя за будущие блага. Но ничего похожего не было. Скорее наоборот...

С такой по-настоящему красивой и эффектной молодой женщиной, как Нелли, Женя и без всяких меркантильных целей с удовольствием завел бы шашни, если бы не опасался вызвать гнев хозяина. А тем более приятно было бы это сделать в отместку за ревнивые мысли и вполне ощутимый комплекс неполноценности, которые у самонадеянного ловеласа появились в последнее время по вине жены.

Условия для этого были как по заказу. Женин босс придерживался так называемого японского подхода к ведению бизнеса. Он старался, чтобы работники фирмы считали ее своим домом. Поэтому там нередко (намного чаще, чем в университете) устраивались корпоративные вечеринки с угощением и непременно танцами. И атмосфера на этих парти была очень демократичной, Женя чувствовал себя свободно и раскованно. Его английского вполне хватало для далекого от снобизма смешанного общества.

Демократизм хозяина доходил до того, что на важнейшие семейные торжества он устраивал фуршеты, на которые приглашалась верхушка фирмы, работники со стажем, опора хозяина. Последний год в эту местную элиту вошел и Женя. Ни для кого не являлось секретом, по чьей инициативе молодой эмигрант удостоился такой чести.

Общение с Нелли давалось ему без всякого напряжения, тем более что больше приходилось танцевать, чем разговаривать. Высокие, стройные (Нелли была почти такого же роста, как Женя), они любили и умели танцевать. И когда до них долетали реплики: «Прекрасная пара!», то обоим казалось, что это вполне может относиться не только к танцам. Фотографии молодых и красивых, разгоряченных танцем и эмоциями

партнеров, больше напоминающие открытки, Женя хранил на работе, домой они не попадали — зачем гусей дразнить. Но время от времени рассматривая их и сравнивая с уже упомянутой фотографией, на которой был запечатлен низкорослый и потрепанный Пауделл, Женя высокомерно ухмылялся. И напрасно.

Дело было не только в деньгах. Настоящие «ходоки» не слишком часто бывают красавцами, а Пауделл в этом деле знал толк. Немалый опыт, ум и чувство меры делали его в общении что называется приятным во всех отношениях. Он с успехом использовал не только свои достоинства, но и недостатки. В том числе позволял себе быть иногда немного смешным, иногда немного нелепым, что в женских глазах делало его «милым». Никак не меньше богатства на его имидж покорителя женских сердец работал огромный, да еще обросший легендами «послужной список» — это интриговало, создавало вполне ощутимую ауру. В этом списке, как гласила молва, явных авантюристок было немного, зато по секрету, шепотом назывались имена вполне обеспеченных и знающих себе цену умниц и красавиц. Значит, было в нем что-то такое...

И хотя Надя была немного ханжой — неизбежное следствие «совкового» воспитания, — ей тем не менее льстило уважительное и ненавязчивое внимание Пауделла. Временами ей казалось, что отношения между ними — если бы они возникли — могли бы быть достаточно серьезными. Пауделл в ее присутствии не раз говорил, что ему надоела роль немолодого плейбоя, что он давно созрел для того, чтобы пойти по стопам Майкла Дугласа и остепениться. Нужно только найти свою Кэтрин Зету-Джонс, но Пауделлу хотелось бы, чтобы его избранница была серьезной, скромной и не столь вызывающе эффектной.

Все это высказывалось в узком кругу, на кафедре и, разумеется, в шуточной форме. Но при этом Пауделл так индифферентно смотрел на собеседников, подчеркнуто никого не выделяя, что на щеках у Нади невольно выступал предательский румянец.

Нет, интрига определенно была.

И в одном Женя был абсолютно прав — решать придется Наде. Во всяком случае, в зависимости от ее решения события начнут разворачиваться в ту или иную сторону. Но пока они оба не предпринимали никаких шагов. Надя не рассылала свои резюме, как принято при поисках работы. Она сознавала, что сразу же в университет посыплются запросы, а это бы означало открытую конфронтацию с Пауделлом. Выяснить же, почему Женя не подает документы в какой-нибудь колледж, не было смысла, в ответ на одну такую попытку он очень резко ответил:

— Если ты не ищешь работу, значит, тебя не должно интересоваться, что я буду делать дальше. Это будет мое и только мое дело.

Больше Надя ни о чем не спрашивала.

— Чего они ждут? На что рассчитывают? — возмущенно хлопала себя по широким бедрам Света в далекой Хайфе. — Это как беременность — само не рассосется.

Так прошел месяц. За ним другой. Через две недели должен был начаться учебный год. Времени уже почти не оставалось. В доме Беляевых сгущались тучи. Не только советоваться друг с другом — поддерживать любой нейтральный разговор стоило больших трудов. Фразы повисали в воздухе. Няня Белла, обычно говорливая, на сей раз

была тише воды и ниже травы и старалась держаться от хозяев на безопасном расстоянии.

Но таково свойство человеческой природы: чем реальней становилась перспектива разрыва, тем больше оба осознавали, насколько дорога им семья. Как тяжело рвать столь прочные узы. И кроме того, несмотря на молодость, оба в глубине души понимали: если они согласятся на перемены, если разойдутся, то отношение к ним нынешних соискателей может немедленно измениться. Они вполне могут оказаться героями римейка известной картины Репина «Не ждали»... Такое слишком часто случается в жизни.

8

И в Хайфе настроение было хуже некуда. Хотя дети старались не огорчать стариков и ничего, кроме «мы пока ничего не решили», им не рассказывали, но Света видела на экране компьютера их лица, ловила взгляды, которыми они обменивались. Она разбиралась в ситуации, пожалуй, не хуже, чем они сами. Что-то вылавливала между строк, о чем-то догадывалась. Например, видя удивительное спокойствие Жени, она давно поняла, что «этот паршивец» нашел запасной выход. «По глазам вижу. Я его знаю как облупленного».

В перерывах между сеансами связи Света с Наумом переваривали увиденное и услышанное. Света как неприкаянная ходила по квартире из угла в угол. Но молчать и таить все в себе она никогда не умела, поэтому свои бесконечные сомнения и размышления обрушивала на единственного слушателя, который всегда был под рукой.

Теперь их прогулки были не только полезны для здоровья, но и насыщены увлекательными разговорами, сопровождаемыми по одесской привычке бурной жестикуляцией. Пожилые пары, прогуливающиеся по оживленному маршруту вдоль моря, как правило, делали это в молчании — обо всем за много лет давно переговорено. И они с завистью оглядывались вслед супругам, которые, судя по всему, не утратили интереса к жизни и друг к другу.

Наконец Света окончательно подвела итоги ситуации в Сан-Диего и на одной из прогулок постаралась донести эти выводы до своего личного мыслителя, разбирающегося в каббале и Ницше, но ничего не понимающего в реальной жизни.

— Слушай, товарищ ученый... извини, сейчас ты господин ученый. Можешь решить простую задачу с несколькими неизвестными? Я обычный человек, с обычным советским институтским дипломом, то есть практически без образования. Я решения не найду. Но ты же кандидат наук, а в Израиле даже доктор.

— *Одна голова хорошо, а две лучше,* — добродушно поддакнул Наум.

— Вот тебе первое неизвестное. Надежда не может не согласиться на это предложение. И главное, на работу в фирме. Такой шанс выпадает один раз в жизни, и то не каждому. У меня рука не поднимается ее осуждать.

— *Не судите, да не судимы будете,* — удачно вставил Наум.

— Погоди ты... Но у Пуделя свои виды. И Надежда это понимает. И я понимаю. Слишком все гладко и шито белыми нитками.

— Да, это не исключено, — вздохнул Наум. — Мистер Пауделл...

— Он должен понять, как дважды два, что тут ему ничего не светит, — и отказаться от своих планов.

— Если они есть.

— А ты сомневаешься?

Наум только пожал плечами. Света безнадежно махнула рукой — что с тебя возьмешь! — и продолжала:

— Но Надежду в фирму он должен принять. Понял? Вот тебе второе неизвестное.

— Почему неизвестное?

— Потому что неизвестно, как это сделать.

— Ну знаешь ли... Понял — не понял, отказался от мыслей — не отказался. Как это определить? Нет четкой информации. И индикации.

— Вот! А должно стать всем ясно. Главное — Жене должно быть ясно. А иначе он из семьи уйдет. Ты его знаешь...

— Знаю, — опять вздохнул Наум. — Кому знать, как не мне...

— Это какое по счету неизвестное? Третье? Но самое главное четвертое — должно хватить денег на учебу Жене, на няню, на квартиру, на жизнь. Еще на два года. Если Женя не получит диплом, а она станет большой шишкой, то тогда все, на этой семье можно ставить крест, — Света горестно покачала головой. — Но Надежда, Надежда! Толковая же девица. И так любила Женю. Чего она тянет?.. Неужели решилась...

— Не верю, — решительно возразил Наум. — Ни за что не поверю. Но в одном ты, Светочка, права. Должно быть системное решение. Только системное, одним пунктом не отделаешься. Но самое важное — без образования сейчас дороги нет... А ведь все можно было предвидеть. Я гово... — и Наум осекся. Сейчас это было ох как не вовремя. Впрочем, он всегда любил изрекать что-нибудь не вовремя.

Когда в Хайфе уже перестали надеяться и ждали со дня на день самых огорчительных известий, раздался телефонный звонок. Был будний день, около восьми часов вечера, для связи с Америкой время самое неподходящее. Света взяла трубку — она всегда брала трубку, так как общение Наума с внешним миром постепенно свелось к минимуму.

— Что такое, что-то случилось? — и она тяжело опустилась на стул. Трагические интонации в ее голосе на Наума не произвели большого впечатления. Света всегда очень драматично реагировала на любые новости в любой беседе. Всплескивала руками, удивлялась, ужасалась — почти вне зависимости от содержания разговора. Такой темперамент. Эта ее манера прогрессировала с годами. Сказанная с дрожью в голосе любимая фраза: «Какой ужас!» — могла с равным успехом означать и то, что соседский котенок написал на диван, и то, что сама соседка попала в больницу в тяжелом состоянии. Наученный опытом Наум спокойно слушал краем уха обрывки разговора, а сам разыскивал что-то в Интернете.

— Ну, слава Богу хоть на этом... Да говори ты толком... Да, здесь, конечно, здесь... Где ему быть... Хорошо, я набралась терпения... Я слушаю...

И дальше наступила долгая пауза, прерываемая только шумными вздохами Светы. Но вот прозвучало излюбленное:

— Какой ужас! Ох, какая я дура. При чем тут ужас?.. Прости, это я от неожиданности. Сколько времени?.. Полтора месяца? Это точно?.. А кто об этом знает?.. Всё, слушаю, слушаю...

И опять длинная пауза. Света слушала не прерывая и не вставляя реплик — очень на нее не похоже.

— Да, огорошила ты меня. Это комбинация... всем комбинациям комбинация. Надо еще поговорить. Такое дело... Я завтра позвоню, когда... Примерно в это время... Не все мне понятно... Надо подумать, обсудить. Ну, целую...

Света положила трубку и застыла, глядя куда-то в пространство.

«Комбинация», «целую»... Наум заинтересовался.

— Кто звонил? Что-то случилось?

— Ничего, наши бабские дела. Тебе не интересно.

Весь вечер Света двигалась как сомнамбула, со скоростью в несколько раз меньше обычной. Что-то забывала, что-то роняла. На вопросы отвечала невпопад. То же продолжалось и на следующий день. Наум даже забеспокоился:

— Что с тобой, давление?

— Если бы только давление... Да нет, все в порядке.

Она неожиданно склонилась над сидящим в кресле Наумом и с чувством поцеловала его в лысину. Наум даже просветлел — давненько он не удостаивался такой чести.

— Ох, Ньюма, Ньюма... Так ты говоришь — системный подход? Иначе нельзя? Ну-ну, доктор наук...

Вечером, часам к семи, Света объявила, что на прогулку не пойдет, болит голова. А Наума отправила в магазин за черносливом — уже закончился.

— Из магазина пойдешь на море, а я пораньше лягу.

Наум послушно отправился по маршруту.

По возвращении он застал совершенно необычную картину. На журнальном столе, покрытом праздничной скатертью, был выставлен отличный натюрморт. В центре стояла бутылка дорогого импортного коньяка, подаренного друзьями к недавней годовщине их свадьбы. Некошерная ветчина. Банка черной икры из особых запасов. Печень трески нерусского происхождения. Овощи, фрукты, неизменный хумус — словом, все то, что в крайне торжественных случаях позволяют себе русские репатрианты. Удивительным было и то, что стол был накрыт в салоне, хотя, как правило, они ели на кухне. Мало того, все это изобилие являлось глазу в девять часов вечера, а согласно строгому семейному режиму позже половины седьмого есть было категорически запрещено.

За столом в праздничном платье восседала причесанная и накрашенная Света. Наум отметил, что глаза у нее были немного красными.

— *Это праздник со слезами на глазах?* — игриво спросил Наум. — Опять я что-то забыл? Кто-то из нас женился, родился, развелся?

— Иди, остряк, прими душ и оденься поприличнее. Не тяни.

— Но кто виновник торжества? Мы ждем кого-то?

— Никого. Мойся, обо всем расскажу...

Когда Наум в чистой футболке и наглаженных шортах подошел к столу, в тарелках была закуска, в рюмках — коньяк, и возле каждой рюмки соблазнительно выглядывал бутерброд с толстым слоем икры. Все это было неспроста, и Наум наконец проявил проницательность.

— Так что мы празднуем? Неужели новости из Америки?

— Да. Из Америки. Но сначала выпьем за здоровье, оно нам очень понадобится...

На это Наум, которого Света обычно ограничивала в выпивке, охотно согласился.

Выпили, чуть закусили, и Света тут же налила по второй.

— *Между первой и второй — промежутки небольшой.* Но новости хоть со знаком плюс?

— Плюс, плюс, успокойся. Системный подход... Давай сначала еще по одной.

— Ну ты даешь... Впрочем, я всегда за. *Ин вино веритас.*

С аппетитом закусывая после второй, Наум нетерпеливо сказал:

— Ну давай рассказывай. Хватит интриговать.

Света не интриговала. Она явно и очень сильно нервничала, и любой, кроме Наума, давно бы это заметил.

— Так, значит, эта беременность все-таки рассосалась? Как, каким образом?

— В том-то и дело, что не рассосалась. Надя ждет ребенка.

Наум выдал немую сцену. Это было настолько смешно, что Света не выдержала и, несмотря на свое с трудом скрываемое волнение, рассмеялась. Правда, в смехе ее звучали слегка истеричные нотки.

Но главное было сказано. Оставалось все по порядку объяснить Науму, который, по его собственному признанию, «пока не врубился».

В изложении Светы это выглядело примерно так.

Надя беременна уже полтора месяца, и этот неожиданный шаг, кажется, действительно помогает решить все проблемы.

Она сейчас может смело подавать документы в магистратуру. У Пауделла нет никаких оснований их не принять. Только через два-три месяца он воочию убедится, что все его планы можно выбросить на свалку, но будет уже поздно. Это — Света отметила с явным удовольствием — первая пара неизвестных в том уравнении, которое она недавно предлагала решить Науму.

И третье неизвестное. У Жени теперь нет никаких оснований противиться ее дальнейшей учебе. Никаких поводов для ревности. И нечем будет оправдывать свои шашни на стороне, в чем Света его не без оснований подозревает. Жена с двумя маленькими детьми — надежный якорь.

Света замолчала и никак не могла набраться решимости закончить объяснение.

Но кандидат технических наук Наум Сипитинер оправдал возложенные на него надежды и догадался сам. Не напрасно он в не слишком далеком прошлом отличался умением четко видеть последовательность в цепи доказательств и безошибочно выделять основное звено.

— Постой. Постой. А четвертое неизвестное? Деньги? Раньше их не хватало на одного ребенка, теперь их будет два. И та же няня Белла теперь будет обходиться еще дороже... Как же Женя пойдет учиться?

Ответа не было. Наум внимательно посмотрел на Свету. Она отвернулась, и глаза ее наполнились слезами. Впрочем, это и был ответ.

— Ах, так... — Наум даже не успел испугаться. — Ты поедешь в Америку. Бесплатная няня Света заменит дорогую няню Беллу. Действительно системный подход. Света украдкой вытерла слезы и заторопилась:

— Почему я? Мы оба поедem туда. Надя говорит, что мы оба...

— Надя говорит... На какие шиши? Два старых человека без гроша в кармане, без прав, но с болячками...

Света продолжала сыпать словами. Нет, нет. Не все так безнадежно. Она как одинокая старенькая мама вполне может получить медицинскую страховку, у них это называется иншуренс, — это самое главное. В семье двое детей, и одинокая старенькая мама — она со вкусом повторяла это сентиментальное определение — даже может получить грин-карту. Надя узнавала. А уж на тарелку супа Света всегда заработает. Полдела, таким образом, уже решается... Правда, с Наумом на первых порах хуже, для иммиграционных служб он чужой человек, не член семьи, но гостевую визу...

Наум почти не слушал. Он как-то застыл и внезапно со всей очевидностью осознал масштаб и неизбежность ожидающих его перемен. Это был шок, настоящий шок. Равнодушно и устало он сказал:

— Света, оставь. Мне семьдесят два года. Жить на птичьих правах я уже не могу. И не буду. И ты это прекрасно понимаешь. И содержать меня без статуса и медицинской страховки они не смогут, это ежу понятно. Ты — другое дело. Ты одинокая старенькая мама и незаменимая бабушка. Ты можешь там жить и помогать. А если мы будем жить там за печкой оба, то будем приживалами. И это будет на порядок дороже няни Беллы. Зачем попусту тратить слова... У меня, к примеру, операция простаты на носу, а там это немереные тысячи. Ха! Простата на носу! Здорово сказано! *Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...*

Света продолжала плакать и уже не пыталась это скрывать.

Наум налил рюмку. Поднял. Рука дрожала. Выпил без тоста.

— Ньюма, только два года. Пока Женя закончит учебу, а Надя — аспирантуру. Пока они встанут на ноги. — И неожиданно перешла в наступление: — Если бы это был твой сын, то ты бы понял, что ломать ему жизнь в самом начале нельзя. Даже ценой двух лет неудобств. Ты же не ребенок и, тьфу-тьфу-тьфу, пока вполне можешь себя обслужить. А если Женя бросит учебу — всё. У них будет совсем другая жизнь. Он нам не простит. И я себе не прощу.

— И мне...

— Да, и тебе тоже, — жестко сказала Света.

Это была угроза. Может быть, первая за всю совместную жизнь. Но Наум в ответ только кисло улыбнулся. Какие угрозы могут быть в таком положении? Чем его теперь можно напугать? И Света это без слов поняла.

То ли коньяк сыграл свою роль, то ли экстремальная ситуация взбудрила, но в Науме проснулись его аналитические способности и, казалось, навсегда почивший в прошлой жизни обиженный, злой сарказм. Он увидел дальнейшее развитие событий на много ходов вперед.

— Всего на два года... Света, мы все знаем — в Израиль не возвращаются. Раньше хоть под старость бывшие израильтяне приезжали умирать на родную землю, а сейчас даже этого нет...

— Ньюма, побойся Бога. О чем ты говоришь? Мы столько лет вместе. Дети встанут на ноги, и мы...

— Ладно... Проехали... Как я понял, это Надя одна все решила, без Жени?

— Да, Женя пока не в курсе.

— А как же ребенок появился, если Женя не в курсе?

— Старым способом. Ты уже забыл, как это делается...

Несмотря на трагичность момента, Наум смутился. Он действительно последнее время как-то стал забывать...

— Ладно, не обо мне речь. Ну Надежда, ну железная леди. Все за всех решила. Никому выбора не оставила. Пауделл действительно ее примет, и потом, когда увидит, чем дело кончилось, вынужден будет помалкивать. Женю тоже за шкуру — и назад, в многодетную семью. И тебя, Света. Да, и тебя. Точный расчет. Двух малюток ты бросить на произвол судьбы уже не сможешь, должна будешь поехать, если у тебя есть сердце. И помочь сыну закончить учебу — тоже дело святое. Отличная комбинация с жертвой пешки.

— А что, что было делать? Какой был выход?

— Хоть посоветоваться. Особенно с теми, кто страдает. Хотя бы... со мной.

Наум замолчал. Больше в этот вечер Свете не удалось выдать из него ни слова.

Часть вторая

МААЛОТ

1

Самыми тяжелыми для Наума оказались двадцать дней до отъезда Светы. Невыносимыми. Он растерялся, испытывал страх перед будущим, иногда переходящий в панику. Даже образ спокойного, доброжелательного, интеллигентного человека, который он скроил на себя в юности и с которым сжился в течение многих лет, стал расплываться по швам. До громкого скандала дело не доходило, но в его голосе иногда прорывались довольно резкие, даже какие-то визгливые нотки, совсем не соответствующие стандарту типичного представителя образованной алии, прибывшей из Советского Союза. Эти давно забытые даже его родителями скандально-местечковые интонации удивляли и его самого, и Свету.

Когда люди много лет живут вместе, не расставаясь ни на день, они обычно перестают видеть друг друга. Скорее, чувствуют и ощущают. Взгляд привычно скользит по бесконечно знакомому лицу, фигуре, почти ничего не различая. Но в этой экстремальной ситуации супруги многое увидели другими глазами.

«Как он постарел, — думала Света. — Почему я этого не замечала? Стал еще больше сутулиться, хотя и раньше за ним это водилось. Но не до такой степени. Немного усох, что ли? Нет, определенно он стал не то чтобы меньше, но как-то помельче. А как он напуган, я таким его еще никогда не видела. Родненький мой. Боже мой, как же я могу его оставить?!»

Она непривычно много хлопотала вокруг Наума, учила готовить, складывала вещи с большими, во весь лист записками-памятками типа «Здесь теплое постельное белье». На холодильник вывесила инструкцию на двух листах.

— Ей-богу, я же не младенец, — сопротивлялся Наум. И тут же скисал — *старэ як малэ*.

Света совершенно не задумывалась о том, что ее ждет в Америке. Даже вещи в дальнюю дорогу стала собирать лишь за день до отъезда. Все мысли были только о Науме. И он не мог не оценить это. Но в то же время не мог не видеть, как изменилась Света за эти короткие двадцать дней, когда в ее жизни возникла необходимость (и возможность) перемен. Это было буквально чудесное превращение. Она на глазах помолодела лет на двадцать. Движения приобрели былую легкость, плечи расправились, все ее крупное тело излучало энергию, словно получило солидную порцию адреналина в крови.

И это вовсе не свидетельствовало о черствости или бездушии — такое превращение происходило помимо ее воли. Она была надежным и верным по своей натуре человеком, она по-настоящему страдала от предстоящей разлуки с Наумом, и глаза ее частенько были на мокром месте. Но эти же самые глаза стали смотреть на мир совершенно иначе. В них загорелась надежда.

Надвигающаяся старость в Израиле, когда можно с полной гарантией предвидеть все до самого конца, была Свете органически противопоказана. Что их ждало? Съемная квартира, постоянное убогое пособие, однообразная жизнь. Зато не было опасности попасть в критическое положение. Минимум, на который они могли рассчитывать, включая медицину, был стабилен. Единственными ожидаемыми изменениями становились новые болячки или очередные более или менее серьезные военные обострения, без которых ни Израиль, ни его соседи уже не могли обойтись. Но ни то, ни другое, разумеется, не радовало. Один свет в окошке — возможность время от времени поехать в гости к детям и внукам. Туда и обратно. Короткая вспышка, только освещающая практически неизменное однообразное житье-бытье. Оказалось, что к этому спокойствию и стабильности наши пенсионеры относятся по-разному.

Наум неожиданно для себя обнаружил, что его гражданская жена все еще довольно-таки молодой и энергичный человек, во всяком случае, по сравнению, увы, с ним. Грядущие перемены, поездка в неизвестное, трудности, чужие обычаи и чужой язык ее несколько не пугали. Скорее наоборот, помогали вновь ощутить себя живой. А Наум с ужасом представлял себе, что ему подобное когда-нибудь может угрожать. Нет, на преодоление он уже не был способен. Они со Светой, как выяснилось, довольно давно жили в различных временных измерениях, хотя этого и не осознавали. Вывод не из приятных.

Свету он даже в мыслях не обвинял. Не решался. Он действительно не видел другого выхода из сложившейся ситуации. Ради будущего сына любая мать — думал он — пожертвовала бы всем, а не только двумя годами разлуки со старым мужем. Смущало его, правда, это условное определение — два года. И сама Света все чаще использовала формулировку: «Ты будешь с нами, не волнуйся, я костыми лягу...» «Я вернусь» — не прозвучало ни разу. Но Наум трусливо не решался ставить точки над «i». «Там видно

будет, — говорил он в ответ. — К тому времени *или шах умрет, или ишак*. И мрачно про себя добавлял: «Или я...»

Проводы и поездка в аэропорт были мрачными донельзя. Наум в соответствующем настроению ключе сострил, что это похоже на похороны, но довольно оригинальные — сам покойник является провожающим. Света черного юмора не понимала и не признавала, она посмотрела на Наума с таким неодобрением, что он без слов понял: нужно держать себя в руках.

— Ты права. Не буду. *В хоккее играют настоящие мужчины*, — пообещал он.

Все остальное время до прощальных объятий включительно Наум даже пытался подбодрить совсем расклеившуюся Свету и держался вполне достойно. А по приезде домой добросовестно постарался напиться. Единственным результатом была страшная головная боль на следующее утро, но настроение от этого лучше не стало. Под бдительным присмотром Светы он в последние годы совсем потерял квалификацию — я имею в виду умение напиваться. А впрочем, как и положено интеллигентному еврею, пристрастия к алкоголю никогда не питал.

Назавтра, ближе к вечеру, позвонила Света и сообщила, что долетела благополучно; что дети ее встречали в аэропорту на двух машинах; что домик у них отличный, с ухоженной лужайкой; что у нее отдельная комната с отдельным входом и им (разумеется, вместе с Наумом) там будет прекрасно; что Верочка — это не ребенок, а чудо...

Голос ее вибрировал от избытка впечатлений и эмоций. Под влиянием этого разговора Наум напился с тем же результатом, что и накануне. В полной прострации он провалился еще двое суток на диване, даже не включая телевизор. А на пятый день (был четверг) позвонила лучшая Светина подруга и попросила его никуда вечером не уходить.

Подруга пришла не одна, вместе с ней ввалилась вся их компания в таком полном составе, в каком они давно не собирались. С продуктами, выпивкой, шутками и прибаутками. Бурное их веселье носило какой-то немного истеричный характер. Быстро общими силами накрыли стол. Наум хотел было сказать, что рановато они пришли, сегодня еще не седьмой день, — имея в виду поминки по еврейской традиции. Хватило соображения сдержаться. Но все друзья, особенно женская половина, смотрели на него с сочувствием, вполне соответствующим этой невысказанной остроте. А любимая Светина подруга подошла к окну и выглянула из него с таким ужасом, как будто хотела проверить — убьется Наум, если в приступе отчаяния выбросится из окна, или, даст бог, останется жив.

Но если что-то могло заставить Наума взяться за ум, так именно этот визит. Все-таки он на доисторической родине привык в течение долгих лет бороться со всеми обстоятельствами и с самим собой за сохранение хотя бы показного самоуважения. Не всегда получалось, последние годы в Израиле он совсем расслабился и махнул на свое реноме рукой. Но закалка-то была! И в тяжелое время Наум призвал на помощь весь свой прошлый многолетний опыт.

Как и положено научному работнику, он начал с расчетов. Света от щедрот детей оставила ему две тысячи долларов — на первое время, сказала она. Наум твердо решил жить только на свои. Расчеты показали (впрочем, можно было обойтись и без них), что на социальное пособие одиночки в Израиле прожить нельзя. А в этой квартире и в этом районе, да еще без Светиных подработок, и подавно. Все складывалось одно к одному. Прежде всего, следовало заняться делом — лучшим средством от тоски и депрессии. На прибежище в алкоголе Наум рассчитывать не мог, опыт предыдущих попыток это доказал. Второе — следовало уйти от расслабляющего сочувствия своей компании. В этом желании проявился самолюбивый мазохизм, в значительной степени свойственный ему и раньше. Вывод следовал автоматически: нужно поменять не только квартиру, но и район, и город, то есть переехать куда-нибудь в Тмутаракань — даже в маленьком Израиле есть такие места. Туда, где относительно дешевые квартиры на съем и куда не доберется даже лучшая Светина подруга. Израильская Тмутаракань носит гордое название «города развития».

Почему-то сразу же в его сознании всплыл Маалот — маленький городок, расположенный в лесистой части Верхней Галилеи на высоте 600 метров над уровнем моря. В туристических рекламах он был очень хорош и назывался там «Швейцарией в Галилее». Но Наум побывал в этой местной Швейцарии не так давно проездом, и ему не очень понравилось. Однако теперь все представлялось иначе. Городок действительно симпатичный, хоть и не слишком ухоженный. Зато отдаленный, а богатая для Израиля природа предгорий действует успокаивающе и умиротворяюще. Выглядевшие вполне естественно лесистые склоны выгодно отличаются от синтетических насаждений перенаселенной Хайфы и ее окрестностей. Здесь можно гордо лелеять свою обиду, ни перед кем не позируя и не пытаясь делать хорошую мину при плохой игре. Правда, Маалот расположен недалеко от границы, что в Израиле всегда вызывает опасения. И к нему примыкает арабская деревня Таршиха. Но последние шесть лет север был самым спокойным районом. Ливан, Сирия и «Хизболла» (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить) не проявляли признаков агрессии, а от буйных палестинцев городок находится по местным меркам относительно далеко. Впрочем, Наума это мало волновало, он с большим успехом уверял себя, что ему нечего опасаться, так как нечем дорожить. Зато там был не такой убийственно влажный климат, как на побережье. Немолодые репатрианты из СНГ, как правило, не могли себе позволить кондиционер и в летнюю жару на побережье испытывали муки днем и ночью, а в горной местности в основном только днем — ночью было полегче.

План, как и следовало ожидать, первое время давал отличные результаты. Наум загрузил себя до такой степени, что на страдания и бессонницу ни сил, ни времени уже не оставалось. Очень много усилий отняли поиски квартиры в другом городе. Телефон в этом ему почти не помогал — слишком часто отвечали на иврите. В таких случаях Наум говорил одно из немногих знакомых ему ивритских слов — «слиха» («извините») — и безропотно отключался от абонента. Приходилось брать ноги в руки и самому отправляться на поиски — труд нелегкий, даже учитывая небольшие, по советским меркам, расстояния. Бесконечные пересадки с автобуса на автобус в период уже

начавшихся осенних пыльных и душных хамсинов, осмотр похожих друг на друга запущенных и облезлых квартир, переговоры с посредниками и хозяевами — только человек, прошедший через это горнило, может по-настоящему оценить подвиг нашего уже немолодого героя.

В конце концов он действительно остановил свой выбор на Маалоте.

Он снял невысокую пристройку, прислонившуюся к задней стене солидного, но очень облезлого двухэтажного дома. В Израиле такие пристройки в свое время были распространены, да и сейчас в старых районах они не редкость. Дом с пристройкой были расположены на небольшом, относительно плоском участке, в гордом одиночестве — от остальных зданий он был отрезан дорогой, ведущей в город. По другую сторону, метрах в двадцати от пристройки, начинался крутой спуск в долину, местами почти обрыв. Фасад главного здания снизу вверх смотрел на каскад улиц и домов, ярусами поднимающихся к центру, а из окон пристройки Наума открывался веселенький вид на красные крыши коттеджей и на маленькое искусственное озеро (которое бы в Украине называлось попросту прудом), расположенное довольно далеко внизу, в долине.

Видимо, отдаленность дома не способствовала популярности его среди квартиросъемщиков. А если жильцы и были, то заботы о доме явно не проявляли. К нему уже много лет не прикасалась рука человека, за исключением случаев, когда нужно было что-то ободрать, отбить, исцарапать или испачкать. Но до сих пор было заметно, что в свое время этот дом строился добротнo, для солидной семьи и за солидные деньги. Главное здание, судя по всему, давно и безнадежно дожидалось нового хозяина. А следов жизни в пристройке вообще не было заметно.

Словоохотливый агент из конторы по найму прямо вон из кожи лез, чтобы соблазнить неожиданного кандидата. Но что можно было придумать, глядя на запущенный участок, отслаивающуюся штукатурку и прочие прелести?

— Кладка в два ряда роскошных кирпичей. Как крепостная стена. Их пушками не пробьешь.

— Какой дурак станет пробивать их пушками? — досадливо поморщился Наум.

Но он ошибался. Желающие впоследствии нашлись.

Агент изменил направление агитации на ходу. Такие стены полуметровой — немного преувеличил он — толщины делают помещения теплыми зимой и прохладными летом.

— Без подогрева и без кондиционера? — не удержался от ехидной реплики Наум.

— Именно так, — не смутился, судя по произношению, недавний репатриант из Украины: уж очень ему нужны были деньги. А в доказательство указал на действительно отличные кирпичи, то здесь, то там выглядывавшие из-под облезлой штукатурки. Впрочем, их можно было наблюдать и внутри помещения. Жутковатое зрелище. И до ближайшего продуктового магазина было не близко. Зато одиночество было гарантировано и арендная плата невысока. Вдвое меньше той, которую Наум платил в Хайфе. При такой квартирной плате на пособие можно было прожить — если постараться, конечно.

Пристройка состояла из большой, около сорока квадратных метров комнаты, в которой вполне могли разместиться спальня, гостиная и рабочий кабинет одновременно,

и солидной, по израильским меркам, кухни. Между ними размещался туалет и ванная комната, с настоящей большой ванной, что в таких пристройках не часто встретишь. Все было запущено, но фронт строительных работ, который ожидал Наума, мог стать огромным плюсом в борьбе с не отступающей депрессией.

Договорились, что стоимость материалов для ремонта Наум будет вычитать из и без того низкой арендной платы, зато свой труд он предоставит даром. На том и порешили. Наум перевез свой скарб из Хайфы и, хмыкнув (*не боги горшки обжигают*), принялся за дело.

Он не был мастером на все руки, но трудолюбие, педантичность и добросовестность частенько стоят не меньше, чем квалификация. А торопиться ему было некуда.

Прежде всего он перевел к себе из Хайфы телефон и Интернет и теперь по-прежнему мог общаться со Светой. Там, в Америке, при энергичном хозяйничанье Светы и еще более энергичном управлении Нади все налаживалось. Няня Белла, поплакав, нашла себе новое место. Женя безропотно поступил в солидный (и не слишком дешевый) колледж. Его босс, разочарованный последним поворотом событий, нехотя оставил бывшему любимцу два-три вечерних часа для подработки — гроши. Надежда (теперь уже Наум стал ее называть Надеждой) начала новый цикл учебы и работы в фирме. Она уже призналась мистеру Пауделлу в содеянном, так что на увеличение обещанной ей заранее очень небольшой зарплаты могла пока не рассчитывать. С деньгами в семье было туго, зато во всем остальном неплохо. Света получила полную медицинскую страховку и даже что-то около трехсот долларов ежемесячно на питание, что в их скудном бюджете было нелишним.

Основной темой разговоров были успехи детей и изумительное поведение Верочки. Наум изо всех сил старался гордиться и радоваться вместе с ней, но полного соучастия не было. И это его расстраивало. Это свидетельствовало о природной зловредности его характера, а значит, он вполне заслужил свой безрадостный финал...

К его удивлению, «комбинация», затеянная Наумом — переезд в Маалот и начало ремонтных работ, — шока у Светы не вызвала. Это лучше, сказала она, чем сидеть без дела и есть себя поедом.

— Ну да, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

— Нюмочка, так оно и есть. А что в этом плохого? Только помни, что по возрасту и по здоровью ты уже давно не дитя, и ни в коем случае не надрывайся. Потихоньку, полегоньку, будь осторожен, и все тогда будет в порядке.

Света всегда смотрела в корень и говорила то, что думала.

Дальше шли неизбежные взаимные вопросы о здоровье, о давлении. О простатите, который проявлял себя все более угрожающе. Отчет Наума о питании всегда вызывал самые большие нарекания.

— Потерпи, родной, — неизменно заканчивала она разговор, — скоро будем вместе.

Когда наступит это скоро и где они будут вместе, она не уточняла. Наум не спрашивал.

Итак, Наум приступил к трудотерапии. Наш доктор, он же кандидат наук, разумеется, все тщательно продумал. Перечень основных этапов работ выписал на листе бумаги, который вывесил на холодильнике. В основу были заложены два принципа. Первый — непрерывность. У него не должно оставаться свободного времени для того, чтобы задавать себе фатальные вопросы и посыпать голову пеплом. Бессонница должна стать непозволительной роскошью. Но при этом ни в коем случае нельзя перегружаться, нельзя пренебрегать инструкцией Светы — нужно помнить о возрасте. Части тела Наума и без нагрузки готовы были отказать в любое время, очень важно было не доводить их до греха. На входную дверь Наум приклеил любимое израильянами выражение «ляд-ляд» — потихоньку-потихоньку, но в русской транскрипции. Работа должна быть не слишком интенсивной, но непрерывной. *Торопитесь медленно!*

В Маалоте половину населения составляли русскоговорящие репатрианты, проблема языка, таким образом, перед ним практически не стояла. Наум долго и нудно, что было в его характере, консультировался с продавцами в строительных отделах магазинов. По их совету он познакомился с двумя немолодыми малярами, прекратившими профессиональную деятельность по причине дряхлости. Конкуренцию друг другу эта компания составить уже не могла, и поэтому старички ему выложили все, что знали. Особо их подкупило основательное отношение Наума к делу — получаемые инструкции он тут же четким почерком старательно заносил в толстую тетрадь. Такого в Израиле они не видели! От удивления один из них дал ему на время стремянку, другой — целый набор инструментов, который, судя по их виду, просто не решался выбросить на помойку. Тем не менее для Наума это было серьезной экономией в его хлипком бюджете.

Самым трудоемким делом оказалась доставка материалов из строительных и хозяйственных магазинов. Их потребовалось на удивление много, а денег на оплату транспорта, естественно, не было. Науму пришлось искать выход. Он спрятал гордость в карман, разыскал кем-то выброшенную детскую коляску для близнецов устаревшей конструкции с большими колесами и, насколько хватило умения и фантазии, замаскировал ее под рабочую тележку.

Регулярные медленные передвижения солидного человека в очках с бывшей детской коляской туда и обратно, туда и обратно не могли остаться незамеченными в маленьком городке. Постепенно Наум стал заметной фигурой — нет, не городским сумасшедшим, для этого он был слишком аккуратен и интеллигентен, но местной достопримечательностью определено. Впрочем, Наум об этом не догадывался. Никаких контактов, даже отдаленно напоминающих дружеские, он в городе не завел. Не было ни времени, ни желания. Впрочем, он и прежде не отличался повышенной общительностью, а теперь тем более. Но чувство юмора у него все-таки не исчезло полностью, и сам себе он иногда казался чем-то вроде одинокого Робинзона Крузо посреди 15-тысячного населения Маалота. Горький юмор. Только Пятницы ему не хватало. Впрочем, кандидат на роль Пятницы уже присматривался к нему из дома напротив. Но об этом чуть позже.

Трудовой день Наума начинался часов в семь-восемь утра, дотемна он работал на улице, а затем ковырялся в доме при электрическом освещении, пока сон буквально не укладывал его насильно в кровать. В основном все шло по заранее обдуманному плану. Трудотерапия помогала. Но были и срывы, особенно ночью. Коварную роль играл развивающийся простатит. Нужно было два-три раза за ночь вставать в туалет — и при этом умудриться не проснуться. Но иногда сон внезапно пропадал, и тогда тоска вместе с обидой мертвой хваткой стискивали горло. Почему так получилось? За что? Человек, защитивший диссертацию и начитавшийся каббалы, неизбежно приходит к выводу, что все имеет свои причины. Какую фатальную ошибку он совершил в начале жизни, где та цепочка событий, которая привела его к столь сокрушительному фиаско в конце ее?

Ни к каким разумным выводам он не приходил. Только к одному — нужно увеличить нагрузку.

Дни шли за днями. Пристройка постепенно приобретала божеский вид, лужайка перед ней, огороженная остатками низкого забора, была очищена от сорняков, сам забор подправлен и выкрашен. Дело двигалось. А хозяин, он же и батрак, постепенно втягивался в одиночество.

В один из пыльных и душных хамсинных дней Наум на лужайке ожесточенно боролся с остатками упорных, вгрызшихся в почву сорняков. Как обычно, возле двери стоял маленький рассыпающийся столик, возле него — дешевый пластмассовый стул. На столе — бутылка воды, кастрюля с фруктами, прикрытая от пыли крышкой. Привычная картина.

Стоя на коленях, кряхтя и поминутно хватаясь за поясницу, Наум воевал с упрямым корнем, который, казалось, уходил к центру земли. Неожиданно за спиной раздалось довольно громкое покашливание. Наум обернулся и увидел в двух шагах от себя невысокую, полноватую женщину с ярко-рыжими пышными волосами. На вид ей было, пожалуй, лет шестьдесят — шестьдесят пять. Добродушное, немного грубоватое лицо расплылось в кокетливо-виноватой улыбке. Легкое цветастое платье, довольно смелый для такого возраста (по мнению Наума) глубокий вырез, открывающий немалую часть солидного бюста, заметный макияж — визит явно не носил рабочего характера. Доказательством тому служил и поднос в руках посетительницы. На нем были какие-то предметы, укрытые беленькой матерчатой салфеткой.

— Вы меня простите, что я к вам без спроса. Я ваша соседка во-он из того дома.

И она подносом указала на двухэтажное здание, самое близкое к пристройке Наума, примостившееся над довольно высоким обрывом по ту сторону дороги.

— Я давно за вами смотрю. Как вы трудитесь, все один да один, без перерыва. Я думаю, нам, соседям, нужно познакомиться. А то как-то не по-людски.

Наум, изо всех сил стараясь не кряхтеть, поднялся с колен.

— Да-да, конечно, это очень приятно, — и замолчал, не зная, что сказать дальше.

— Меня зовут Циля. А вас?

— Наум. Очень, очень приятно.

— Вы разрешите, я немного похозяйничаю?

Не дожидаясь ответа, она решительно повернулась, подошла к столу. Наум — за ней. Чистым стол нельзя было назвать, даже делая скидку на хамсин. Циля протянула

поднос Науму. Тот послушно взял. Затем, с явным вздохом огорчения, она сняла с подноса сияющую белизной салфетку, ловко протерла ею сначала стол, а потом стул. Салфетка стала серой.

Наум взглянул на поднос. Там было пластмассовое блюдо с горкой аппетитных, румяных пирожков, пластмассовая открытая баночка с малосольными — судя по запаху — огурчиками, пластмассовая бутылка с каким-то напитком и несколько вложенных друг в друга стаканчиков, тоже из пластмассы. От этого непривычного изобилия у него потекли слюнки.

— Вот и Пятница появилась! — громко сказал привыкший к беседе вслух с самим собой Наум... и смутился.

— Какая пятница, вы тут уже совсем стали диким. Сегодня йом-ришон. Воскресенье.

Циля опять с огорчением посмотрела на салфетку, поискала глазами, куда бы ее пристроить, и ничего подходящего не нашла. Потом бросила ее на ступеньки.

— Пригодится вам на смиргут, — и, увидев непонимание в глазах Наума, перевела: — На тряпки.

Циля говорила с таким ужасающим местечковым еврейским акцентом, что Наум понял: она закоренелый и давний ватик — то есть старожил.

— Давайте сделаем перерыв. Никуда от вас работа не убежит.

Согласия Наума, видимо, не требовалось, потому что Циля продолжала:

— Идите принесите еще стул.

Наум безропотно пошел в дом.

— И не забудьте вымыть руки, — донеслось следом.

Наум выбрал стул покрепче, вытер его и пошел мыть руки.

«Интересно, почему пожилые женщины любят краситься в ярко-рыжий цвет? Это выглядит так искусственно, — размышлял он. — Наверно, они хотят сказать: дело вовсе не в том, что мы хотим скрыть седину. Мы просто любим яркие цвета, любим контрасты».

Наум долго стоял перед холодильником, раздумывая, прилично ли взять с собой початую бутылку вина. Бутылка была соблазнительно холодной. Взял.

Циля встретила появление бутылки как должное.

Через пять минут они сидели за столом напротив друг друга. Пили вино, ели пирожки, закусывая малосольными огурчиками. Беседа была недолгой — минут сорок, но на удивление емкой и информативной. Очень неожиданной для типичного интроверта, каким, без сомнения, был Наум.

Циля начала с рассказа о себе. Она была вдовой с двухлетним стажем, и ее покойный муж (прекрасный был человек, хоть и старше ее намного) в дальнейшем упоминался в любом разговоре с удивительной частотой. Сейчас она на пенсии, живет в своей очень неплохой четырехкомнатной — было подчеркнуто — квартире с 35-летним сыном, который никак, ну никак не хочет жениться. Приехали они в Израиль из Батуми в конце семидесятых годов. Наум с удивлением узнал, что она до эмиграции закончила педагогический институт, хотя, судя по всему, на ее образованности это не отразилось. Пройдя нелегкую школу эмиграции, включая тяжелую работу на конвейере в какой-то

мастерской, она наконец пристроилась в мэрию социальным работником. И в этом нашла свое призвание. Она помогала очень многим, и в гости к Науму пришла, движимая этим же благородным чувством. Тут же, почти без перехода, она сообщила, что человек не может быть один, это противно Богу. И она тоже не собирается быть долго одна, все ее подруги в один голос говорят, что она этого не заслужила.

— А почему вы все один да один? — напрямую бесхитростно спросила она. — Вы не похожи, простите меня, — как это слово? — на неухоженного старого холостяка. Они все на вид, извините, как эти старые козлы. А вы — нет. У вас, хасва халила (не дай бог), ничего не случилось?

И она уставилась на Наума своим профессиональным внимательным взглядом человека, привыкшего выслушивать всю подноготную.

«Беспардонная баба, — подумал Наум. — *Нахальство — второе счастье*». Он был шокирован, но странное дело, при всем при этом Циля его не раздражала. То ли польстило, что он до сих пор выглядит ухоженным и не похож на «этих старых козлов», то ли сказался ее богатый опыт социального работника... А может, слишком вкусными были пирожки и кисленький холодный компот в бутылке? Или проще того — потому что Наум устал держать все в себе?

Короче, к своему удивлению, он рассказал не отводившей от него глаз Циле практически все основное о своей жизни. Даже постыдную историю с фиктивным разводом. И с удивлением услышал в рассказе нотки обиды, больше того, робкое осуждение своего семейства. В этих чувствах и в таких крамольных мыслях он даже себе не осмеливался признаться. Но на душе, как ни странно, полегчало...

После этого взаимного потока откровенных излияний было сложно продолжать беседу. Возникла небольшая и неловкая пауза. И тогда Циля проявила неожиданную чуткость, решительно поднялась с места и попрощалась.

— Я к вам зайду на днях. Не скучайте. Человек не должен быть один. Это не полюдски. И противно Богу. Было очень приятно.

— И мне было приятно.

Наум долго смотрел вслед невысокой плотной фигурке под копной сверкающих на солнце медных волос.

Так у него появились наконец собеседники на новом месте — правда, пока в единственном числе.

Циля стала приходить регулярно, дня через два, иногда через три. Дома ей было скучно, подруги работали, сын, естественно, тоже. А с Наумом ей было интересно, и потом, он нравился Циле как мужчина. Об этом без тени смущения она объявила в один из первых же визитов, чем вызвала растерянность у объекта симпатии. Когда он начал мямлить что-то вроде «мое положение...», «у меня есть обязанности...», она прекратила эти объяснения своим любимым «Да бросьте вы!» — и перешла к какой-то другой теме.

Наум знал, что «кавказцы» в Израиле пользуются не слишком хорошей славой. К счастью, у Цили было не так много черт, которые им приписывала молва. Правда, она была достаточно бесцеремонна, настырна и в словах и в делах. Временами грубовата, а случалось, даже беспардонна. Словом, излишними интеллигентскими комплексами не страдала. Но при этом — удивительное сочетание — доброжелательна, неназойлива и

по-своему тактична. Во всяком случае, Науму она не только не досаждала, но и помогала, чем могла.

С подносом она больше не приходила. Вместо этого приобрела пластмассовую корзинку, из тех, что применяют во многих супермаркетах. Каждый раз она приносила что-нибудь домашнее, приготовленное своими руками. Пирожки, голубцы, долму, что-то восточное вроде люля-кебаба. Наум вначале очень смущался, но все было настолько вкусно, что, услышав привычное «Да бросьте вы!», он прекращал сопротивление.

Потом привык. Вносил свою долю — уже заранее купленную бутылку хорошего вина и фрукты. Сосиски и колбасу — свою обычную пищу — предлагать не осмеливался. Не стоило портить впечатление от приятного обеда. Правда, один-другой пластмассовый стаканчик вина немного мешал работе, зато значительно улучшал настроение.

Довольно скоро Циля стала вторгаться на кухню. Мыла посуду, наводила порядок в холодильнике, прибиралась немного на кухонном столе и плите, насколько это было возможно в хаосе строительства. Возражения Наума она не слушала: «Да бросьте вы, идите уже и работайте».

Наум опасался, что необходимость общаться с Цилей не только во время обеда помешает его работе. Нельзя же невежливо бросить человека, так бескорыстно ухаживающего за ним. Напрасно волновался. Циля решила проблему просто. Куда бы ни перемещался Наум, за ним следом с пластмассовым стулом перебиралась его гостья, усаживалась вблизи и неспешно продолжала беседу. То есть говорила она, а Наум время от времени должен был вставлять «да», или «ага», или что-то в этом роде. Совсем необременительно. И содержание бесед тоже не требовало больших умственных усилий. Кроме регулярных упоминаний о муже, который был хорошим человеком, хоть и намного старше ее, обсуждалось ужасное нежелание сына жениться. Перемыслились косточки подругам, которых она все-таки любит, несмотря на их многочисленные недостатки. И вслед за этим плавный переход к неизменной теме — мужчина не должен быть один и женщина не должна быть одна. А уж такая симпатичная, как она, тем более. Все ее подруги так говорят. В качестве иллюстрации часто приводились примеры из сериалов, которых Наум, естественно, не видел.

Цилину беседу Наум слушал вполуха, без малейшего раздражения, — все равно это было лучше, чем время от времени слышать свой надоевший ворчливый голос, в очередной раз выказывающий недовольство. Но конец разговора его обычно расстраивал. В конце Циля обязательно предпринимала наступление на заокеанскую Ньюмину семью и делала это изобретательно. От души.

— Вы, конечно, молодец. Держитесь. Я вообще не понимаю, как можно было бросить такого мужчину на произвол. В таком возрасте.

Наум не выдерживал:

— Циля, вы извините, никто не бросал. Я же говорил. Любая мать должна помочь ребенку. Вы же тоже...

— Сколько ему лет? Ее сыну?

— Тридцать один.

— А вам?

Наум промолчал. Он так и не научился называть свой возраст. Не из-за кокетства. Произнесенные вслух цифры пугали его самого. Циля, впрочем, и не ждала ответа.

— Так какому ребенку надо помочь? Вам или ему? Пока не поздно?

Она позволяла себе не церемониться.

Или, рассказывая с искренним сочувствием о том, как взрослые дети безобразно относятся к ее соседке, она тут же добавляла:

— И это родные дети. Чего же вы хотите от вашего неродного? Чему удивляться?

Или еще такой вариант:

— Я не хочу ни на кого намекать, — конечно, верить в людей надо, но не зря в Книге сказано, что, единожды предавши...

Прямо под дых.

Не слишком обращая внимание на реакцию Наума, она продолжала вариации на эту тему. Короткие реплики, не очень агрессивные, но регулярно. А Наум... Наум постепенно перестал остро на это реагировать, а со временем даже стал чувствовать какое-то, по его мнению, явно нездоровое удовольствие оттого, что нашелся наконец человек, который его защищает. Пусть не всегда справедливо, зато искренне. А может, в чем-то и справедливо...

Циля определенно имела большой опыт общения с обиженными людьми. Знала, где, когда и на какую чувствительную точку надавить...

Впрочем, никаких реальных оснований обижаться на Свету у Наума со дня ее отъезда не добавилось. Скорее наоборот. Она была по-прежнему внимательна, куда более ласкова, чем обычно. В прежние времена у них чрезмерные сантименты и сюсюканье были не в ходу. Не в ее характере. Сейчас через каждые два слова следовало или «миленький», или «родненький». И это были не только слова. Заранее было решено, что Наум приедет к ним в гости на два жарких летних месяца, которые в Сан-Диего тоже, правда, далеко не морозные. Но так как лишних денег в их семье не водилось, и нужно было учесть болезненно-самолюбивую щепетильность обиженного Наума, она стала подрабатывать на будущий его приезд. Когда Надя возвращалась с работы, Света два раза в неделю на три-четыре часа передавала ей Верочку и бразды правления, и уходила убирать офисы по соседству. Ей пришлось выдержать бой с Женей и Надей, которым было неловко перед собой и перед друзьями. Да и непрестижно выглядело это даже в трудолюбивой Америке. Но Света настояла на своем, хотя в ее возрасте такие нагрузки даром не давались.

— Родненький, теперь ты летом к нам приедешь на свои кровные. Не будешь дурью маяться, а то я тебя знаю...

— Ты же сама говорила, что нельзя забывать о возрасте.

— Ничего, на мне еще можно воду возить. Мы с тобой выдержим, вытерпим, Нюмочка, а потом заживем как люди. Возле детей.

Вот это и было самое ужасное. Света даже сама не замечала, насколько она внутренне утвердилась в решении в Израиль не возвращаться.

Она уставала, сеансы связи становились все реже. Надя и Женя в них участвовали только эпизодически — все были страшно загружены. Надежда — воистину железная леди — была подчеркнута внимательна и доброжелательна. А по смущенному

Жениному лицу было видно, что он чувствует себя виновным в одиночестве отчима и искренне расстраивается от этого. Не такой уж он эгоистичный, как временами казалось Науму. И не настолько Наум одинок в этом мире...

Женя купил хороший и дорогой цифровой фотоаппарат, и время от времени они посылали ему фотографии дома, лужайки, на которой по субботам готовили шашлыки. Стол ставили под специальным красивым навесом, дающим мягкую решетчатую тень. По воскресеньям молодые обычно выезжали куда-то на рыбалку. Света в воскресенье оставалась дома — слишком она уставала и иногда, признавалась Науму со вздохом, просто нуждалась в тишине и одиночестве.

У детей образовалась более или менее постоянная компания. Естественно, приятель Жени Анатолий с женой, еще одна живущая по соседству семья польского происхождения и, к удивлению Наума, негритянская пара. Негры, или, как говорила политкорректно Света, черные занимали вторую половину их коттеджа. Все молодые люди были примерно одного возраста, все или учились, или уже закончили учебу в колледже, у всех — так говорила Света — было много общего.

Судя по фотографиям, это были довольно симпатичные ребята, и черные лица не выпадали из ансамбля. Тем более что Наум давно привык к здешним еврейским эфиопам. Впрочем, по словам Светы, по-настоящему черным, с губами и зубами как у Армстронга, был только отец этой пары. Он тоже иногда смутно виднелся на фотографиях — его плотный курчавый полуседой ежик кое-где выглядывал из-за чьей-нибудь фигуры. Говорят, сплетничала Света, его покойная жена была белая или почти белая, но к этому в Америке давно привыкли.

Наум с удовольствием рассматривал на экране компьютера сочные качественные снимки. Видел довольных собой и раскованных молодых людей, ухоженных и здоровых детей. Нет, думал он, правильно ребята сделали, что уехали в Америку.

Но почему тогда он взял тысячу долларов из денег, оставленных Светой, которые прежде решил не трогать никогда и ни за что? Почему купил на эти деньги ярко-красный волнистый, отнюдь не дешевый специальный материал для крыши и установил возле дома довольно основательный навес? Даже нанял в помощники для его постройки одного недавнего репатрианта за целых сто пятьдесят шекелей (одному это сделать было не под силу). Почему под навесом сделал ровную цементную площадку? Зачем он тратился на временное жилище? Почему купил из тех же денег круглый садовый пластмассовый стол и четыре вставляющихся один в другой удобных пластмассовых стула? Какой все-таки черт сидит в нем? Почему он даже не пытается остановить Цию, которая находит все более и более изощренные способы, чтобы открыть ему глаза на истинное положение вещей?

Наум объяснял это себе просто: *«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».*

4

Всему на свете приходит конец.

Намеченные планы были выполнены. За два месяца и двадцать дней.

Наум отошел подальше от дома, остановился почти возле края обрыва, критически осмотрел свою работу и остался доволен увиденным. Больше всего он хотел, чтобы пристройка не выглядела такой унылой, какой ему представлялась его собственная жизнь. Старательности у него хватало, фантазии тоже, но со вкусом были проблемы. Частенько сил и мастерства хватало на обработку в один присест только небольшого участка поверхности, эти участки не слишком стыковались и не всегда получались однотонными. Изобретательный Наум проводил между ними приятную, по его мнению, розовую линию, маскируя дефекты под модерн. Общее впечатление было оригинальным. Зеленые оконные рамы, оранжевая дверь, светло-коричневые ступеньки, жизнерадостная небесно-голубая полоска под крышей, то тут, то там розовые пятна. Красная крыша навеса... Пристройка выглядела как вскочивший на облезлой спине старого здания свеженький веселенький фурункул, переливающийся всеми цветами радуги. Вскоре она тоже стала местной достопримечательностью, жаль только, что из-за массивного облезлого домины эта красота плохо просматривалась из города.

Впрочем, был окончен ремонт, но не работа. Осталась самая страшная ее часть — генеральная уборка. При одной мысли об этом Наум покрывался холодным потом, а волосы на голове не становились дыбом только из-за их отсутствия. Это было страшнее любого фильма ужасов. Отмыть, стоя на карачках, заляпанный многими слоями пол, отодрать налет на ванне и унитазе, отдраить старую кухонную плиту, промыть и протереть шкафчики, привести в божеский вид заляпанный с головы до ног холодильник, почистить и пропылесосить мебель — этому списку не было ни конца, ни края. А расставить все так, чтобы было похоже на что-то приличное, а не на казарму для бомжей?..

Наум поскреб по сусекам и подсчитал, что двести шекелей на уборщицу он выделить еще способен. Тем более, это действительно был крайний случай — его поясница недвусмысленно советовала не нахальничать и давала понять, что в любой момент готова перестать сгибаться-разгибаться. Может, и навсегда. Но где найти желающих?

Он, естественно, попросил Цилю помочь ему подыскать уборщицу на неплохих условиях — двести шекелей за шесть часов нелегкой работы. Цена нормальная. Просьба была высказана по телефону — они уже давно перезванивались. На том конце провода наступила пауза. Наума это не удивило — он кое-какой опыт в Израиле приобрел и знал, что народ на уборку после ремонта идет очень неохотно.

Но, к его удивлению, Циля сказала, что такой человек у нее есть на примете. Обещала перезвонить.

Вечером она сказала, что женщина будет у него завтра в девять утра.

— Молодая?

— Молодая, молодая.

— Здоровая?

— Здоровая, здоровая.

— Не каждая выдержит.

— Эта выдержит.

Наум рано лег спать, нацепив пояс из собачьей шерсти, привезенный еще из Одессы. Словом, сделал все возможное, чтобы встретить завтрашнее испытание во всеоружии. И подбодрил себя очередной цитатой: *«Это есть наш последний и решительный бой»*.

На следующее утро к девяти часам пришла Циля, на этот раз с двумя корзинками. В одной, как обычно, были продукты, а в другой «хомер» — материал по-русски. Наум уже знал, что таким емким определением здесь называют различные средства для уборки, стирки, ядохимикаты и многое другое. На голове у нее была косынка, футболка непривычно скрывала все прелести сверху, а спортивные шаровары — снизу.

— Вот вам и работница. Молодая? Здоровая? Выдержит?

Наум растерялся.

— Циля, я не могу принять...

— Вы обещали заплатить, я деньги возьму, все как договорились.

— Но мне неудобно...

— Ох, бросьте вы. Идите уже и начинайте.

Наум еще долго оправдывался, объяснялся, что-то виновато бурчал себе под нос, но потом, как это обычно у него заканчивалось в дискуссиях с Цилей, смирился.

Два дня они трудились не покладая рук, но в результате квартиру было не узнать. И удивительнее всего, что в этом холостяцком доме впервые почувствовалась женская рука. По тому, как была расставлена мебель, как там, где нужно (и только там, где нужно), лежали покрывала, клеенка и салфетки; особенно по ванной, снабженной веселенькой занавеской в разноцветную крапинку и специально купленным по Цилиному совету недорогим зеркальным шкафчиком; по аккуратно размещенным вещам в шкафах и на полках — по всему было видно: здесь живет ухоженный мужчина, а не какой-то там «старый козел».

Этот женский дух был настолько силен, что Наум не удержался и изрек:

— *Без женщин жить нельзя на свете, нет!* Вы, Циля, настоящая волшебница.

После этих слов бесконечно усталая Циля приободрилась и даже почти перестала чувствовать, что у нее тоже отваливается поясница.

— Ну так как? — торжествующе спросила она. — Как я выполнила ваш заказ? Как и договаривались? Работница молодая?

— Молодая, молодая, — в тон ответил Наум.

— Сильная?

— Сильная, сильная.

— Красивая?

Это уже было сверх программы, красоту Наум при заказе не требовал. Но тем не менее он ответил не задумываясь:

— Безусловно.

Расхрабрившаяся Циля сказала, что в таком ужасном виде идти домой не может и решила обновить ванну. Наум принес ей свое самое красивое полотенце и ушел на кухню.

— Наум, не могли бы вы потерять мне спинку? — неожиданно донесся из ванной игривый голос Циля.

В этот критический момент Наум проявил находчивость и остроумие. Он сделал вид, что не только принял это заявление за удачную шутку, но и высоко оценил ее. Он хохотнул и сказал:

— Ну вы двуязычная! У вас еще сил хватает на шуточки...

Нет, это было преувеличение. Сил у них уже не осталось даже на совместный ужин. Циля попрощалась, Наум проводил ее до дороги, и она ушла к себе наверх, из всех сил стараясь не хромать и не потирать поясницу.

В последующие два дня они с трудом приходили в себя и общались только по телефону.

А за эти дни произошли не менее важные события местного значения.

Оказалось, что Наум закончил ремонт как нельзя вовремя. Прежде он мог стучать и греметь хоть целые сутки, никому не мешая. Но сейчас малина кончилась — у него появились соседи. Все произошло очень быстро. Сначала на несколько часов появились рабочие, сделали косметический ремонт внутренних помещений, обдав из пульверизатора раствором все подряд. Побелка не успела еще толком высохнуть, как пришли две новые репатриантки и кое-как кое-что вымыли (Наум не мог сдерживать любопытство и время от времени заглядывал в соседнюю квартиру). И уже на следующее утро начался заезд новых жильцов — видно, обстоятельства поджимали, скорее всего, их откуда-то срочно попросили. А еще через день они уже праздновали новоселье и вежливо, по-соседски пригласили Наума.

Так Наум познакомился с Геннадием Бяльским, его женой Инной и всеми их чадами и домочадцами. Их было восемь человек, и недорогая пятикомнатная квартира подвернулась, судя по всему, очень кстати.

Номинальный глава семьи Гена был мужичок лет шестидесяти, невысокого роста, поджарый, седоватый, но еще бодрый. Он чуть-чуть косил, и это придавало ему вид пройдохи и хитреца, что совершенно не соответствовало действительности. Гена был человеком покладистым, не обидчивым и, безусловно, компанейским. А уж надуть кого-нибудь ему и в голову не приходило. В сущности, у него было только два недостатка, которые по расхожему стереотипу являются типичными для истинно русского характера: он был ленив и любил выпить. Сам Гена, человек откровенный, свой «русский характер» не скрывал и говорил:

— Я на своем примере доказываю, что еврей бывает всякий, а значит, мы вовсе не какие-то там избранные, как говорят ортодоксы. Люди как люди.

«И за что только нас не любят?» — частенько вопрошал он, поднимая рюмку.

У себя в Витебске он работал на каком-то заводе агентом по снабжению. Главным для него было движение. Шило в зад — говорила о нем Инна. Он и в Израиле органически не мог находиться дома и бродил по городу, знакомясь, беседуя, а заодно предлагая желающим что-то просверлить, что-то починить или, на худой конец, перетащить, если, конечно, вещи не слишком тяжелые. Заработанные им деньги, как правило, до семьи не доходили — по причинам, объясненным чуть выше.

Не главой, зато кормилицей семейства была мамаша Инны, сухонькая боевая старушка лет под девяносто, прошедшая закалку в немецком концлагере: на ее пособие и выплаты из Германии семья в основном и перебивалась.

Инна и две ее дочери тоже вносили посильную лепту в семейный бюджет, время от времени ухаживая за престарелыми. Но ни с бабками, ни с фирмами по найму у них постоянные отношения не складывались. Дочери были удивительно похожи на мать и друг на друга — неторопливые, рыхлые и какие-то снулые. У старшей было двое детей от двух бывших мужей, у младшей только один — на этом их различие и заканчивалось. Глядя на их житье-бытье, Наум понимал, почему Геннадий не стал домоседом.

Таким образом, у Наума появился еще один собеседник — Геннадий стал время от времени посещать не слишком разговорчивого соседа, чтобы посидеть под симпатичным навесом на удобных стульях. Отдохнуть после трудов праведных в городе Маалоте. И не только отдохнуть. Он появлялся с результатом этих праведных трудов — неизменной литровой бутылкой любимой им дешевой водки «Александров» и нейлоновым пакетиком колбасы на закуску. Одинокий сосед ему подвернулся очень кстати, так как Геннадий не любил «соображать» в парке на скамейке с алкашами, а в израильских кафе скрытно потреблять принесенную с собой водку не принято. Под навесом одной бутылки хватало на три-четыре раза, Геннадий норму знал и не перебарщивал. Хранились остатки обычно у Наума, «подальше от бабских глаз — начнут пилить...». Вскоре Наум сообразил, что, пока бутылка недопита, Гена ищет в городе не заработка, а только общения. Он был нетребователен и, как уже отмечалось, далеко не трудоголик.

Пить Наума он не заставлял, лишь символически, за компанию, чтобы самому не выглядеть алкашом. Но как-то само собой получалось, что символ с течением времени постепенно увеличивался в количестве. И опять, как в аналогичной ситуации с Цилей, Наум чувствовал себя неловко, каким-то нахлебником. Впрочем, выход нашелся: Гена однажды объявил, что лучшая закуска — это селедка с картошкой. С тех пор в морозилке у Наума всегда хранился запас филе сельди, а приготовить картошку в микроволновке было делом пяти минут. Домой Геннадий никогда в таких случаях не торопился.

Два круга общения в один не слились — может быть, и к лучшему. Контакта не получилось. Первая встреча Циля и Гены оказалась практически и последней.

Произошла она на следующий день после новоселья у Бяльских. Празднование было крутым, и непривычный к таким дозам Наум с трудом приходил в себя. Около часу дня появилась Циля (это было ее обычное время), и снова с двумя корзинами. Она объявила, что пора, в конце концов, устроить настоящее новоселье, а то как-то не полюдски. На стол были выгружены такие яства, что Наум понял: она нашла достойное применение двумстам шекелям, заработанным на генеральной уборке. Впрочем, чего-то подобного он и ожидал. И вскоре после начала пира, посреди рассуждений о вреде одиночества и, наоборот, о пользе общения мужчины и женщины, появился Гена со своей бутылкой.

Посыпались искры. Во-первых, Циля не скрывала, что не желает, чтобы какой-то прохиндей ел то, что она своими руками готовила для нуждающегося в женской опеке Наума. Но еще страшнее была ошибка, допущенная болтливым Геной, — роковая ошибка. Он беззлобно несколько раз подшутил над откровенными матримониальными атаками Циля. Сказал, что не собирается покушаться на всю эту наживку, — и указал на

заставленный яствами стол. И еще что-то в этом же роде. Короче, минут через двадцать Геннадий с позором бежал, унося с собой бутылку и забыв пакет с колбасой.

С тех пор гости Наума старались не встречаться. И это было нетрудно. Циля приходила обычно около часу дня, к четырем она уходила кормить сына. Геннадий же появлялся около пяти, наговорившийся в городе всласть. С интеллигентным, но не слишком разговорчивым соседом задушевной беседы не получалось. Во всяком случае, в начальный период их знакомства.

5

Изменения накапливались незаметно. После отъезда Светы у Наума, как уже сказано, наступили нелегкие времена. Он то впадал в отчаяние, то самолюбиво пытался бороться со свалившимся на него горьким одиночеством, с незаслуженной, по его мнению, обидой. Вовремя затеянный переезд и трудотерапия помогали отвлечься от тяжелых мыслей, а иногда, наоборот, вычерпывали моральные и физические силы до предела. Но так или иначе это были чувства, нормальные человеческие чувства, хоть иногда и на грани срыва. Казалось, что все самое тяжелое Наум с честью перенес.

И вдруг он стал замечать, что временами не чувствует ничего. Просто ничего. Пустота. Пугающая пустота. Вначале это случалось изредка, было каким-то неприятным отклонением от правил. И самое неприятное — причин для этого, в сущности, не было.

После окончания ремонта жизнь вошла в стандартную колею. Было чем себя занять. Дома всегда находились привычные для Наума дела — убрать, постирать, приготовить. Он и при Свете с охотой этим занимался. Поход в неблизкий супермаркет вполне можно было засчитать за полноценную зарядку плюс марш-бросок с полной выкладкой и даже за альпинистское восхождение средней категории сложности. Вместе с неразлучной детской коляской он старался совершать этот подвиг как можно реже, раза два в неделю. И все-таки выяснилось, что этой загрузки недостаточно.

Казалось бы, почему? Соседи его не забывали, во всяком случае общения с окружающим миром было не меньше, чем в Хайфе. Пожалуй, даже больше. Кроме посиделок под навесом он стал выходить в свет — Геннадий и Циля иногда приглашали его к себе в гости. А однажды Циля даже познакомила его со своей подругой, тоже вдовой, Зиной. Так что Наум мог бы расширить район поиска... если бы у него был хотя бы проблеск интереса в этом направлении. «Он какой-то холодный», — был приговор подружки. Скорей всего, это был эвфемизм, за которым скрывалось еще худшее подозрение. Правда, спустя некоторое время мнение изменилось. Но об этом чуть позже.

И все-таки большую часть суток он оставался наедине с собой. Беда была не только в том, что в квартире ему не с кем было поболтать. Со Светой они тоже не слишком баловали друг друга разговорами. Но она была рядом, была с ним. И в нем. Они жили как все люди, старились, болели — что делать, нормальный круговорот природы. Как все, так и мы. А эта неожиданная ситуация одиночества была ненормальной, противоестественной. Он чувствовал себя полным идиотом, и что еще хуже — тем самым старым козлом, о котором говорила Циля. Этот козел постепенно становился

идеей фикс. И почему так вышло? Никто же не умер, тьфу-тьфу-тьфу, что за мысли дурацкие... Наум три раза сплюнул, — станешь тут суеверным.

Время от времени он ловил себя на том, что застывает в каком-то неудобном положении и невидяще смотрит прямо перед собой. Утром все чаще первым чувством было нежелание начинать новый бессмысленный день.

Впрочем, это были только цветочки. Ягодки появились вслед за двумя событиями, случившимися одно за другим.

Первое и, пожалуй, самое главное событие — длительный, дольше часа разговор со Светой. Начался он, как обычно, со взаимных расспросов о здоровье. Затем — дети. Верочка — это чудо... Надя просто героиня... Женя сдал три экзамена...

Она не заканчивала фразы, бросала их где-то на полдороге, а это — Наум знал по своему опыту длиной в четверть века — у Светы всегда было признаком волнения. Что-то ее тревожило.

— Давай не тяни, что там стряслось? Я же слышу, ты вся на нервах.

По словам Светы, ничего не стряслось, новости только хорошие. То есть пока это еще не новости, но мы надеемся, что все утрясется, и вот тогда это будут хорошие новости...

— Ты не перебивай, дослушай все до конца и пойми, мы все хотим только хорошего...

— Та-а-к... — Наум приготовился к неприятностям.

Оказалось, Света зря времени не тратила. Она загрузила свою безропотную любимую подругу в Хайфе, и та для нее собрала справки из «Битуах леуми» — службы национального страхования и из министерства строительства (ведомства, выплачивающие пособия), удостоверяющие, что Света с Наумом в Израиле числились семьей. Кроме того, справки о проживании в одной квартире, справки... справки... справки... свидетельства, заверенные нотариусом и без заверения... просьбы... заявления... вырезки статей, авторы которых возмущались отсутствием гражданских браков в Израиле. Любимая Светина подруга уговорила бывшего лечащего врача Наума дать подробную медицинскую справку, где значились и диабет, и давление, и простатит, и еще куча всякой всячины.

— Толстый том получился, страниц на пятьдесят, — с чувством законной гордости сказала Света. — Мы его передали иммиграционной службе.

— Та-а-к...

— Что так, что так? Ты знаешь, сколько сил и нервов это нам стоило?! А Люсе? — это любимая Светина подруга. — Ей памятник нужно поставить!

— И что из этого может получиться? В лучшем случае?

— В лучшем? — к этому вопросу Света была готова. — Разрешение на проживание и иншуренс. Главное — иншуренс. Медицинская страховка. Конечно, не очень полная... и это все не по щучьему велению. Ты должен приехать, они обязательно должны говорить лично, так тут принято. Видеть глаза, они говорят...

Наум был готов подвести итог.

— А жить на что? Ни пенсии, ни пособия?..

— Нюмочка, дети будут хорошо зарабатывать. Неужели мы с тобой не заслужили, чтобы они нам на старости лет...

Наум не отвечал.

Света приступила к более энергичным доводам.

— Нюмочка, дорогой мой! Мы столько лет с тобой прожили. Не заставляй меня делать выбор между тобой и детьми. Детьми и внуками. Внучками. Пожалей меня, если себя не жалко. Здесь, с семьей, я человек, нормальная бабушка. Нормальный человек. А там, на отшибе, кто я и что я? Уж ты-то сейчас должен был это на себе прочувствовать, — неожиданно проявила она проницательность.

И беззвучно заплакала. Наум видел на экране, как она по-детски размазывает слезы по все еще гладким и пухлым щекам. У него защемило сердце.

— Светочка, ты же знаешь, это не от меня зависит. Я не смогу, проработав всю жизнь, жить у кого-то за печкой и просить денег на папиросы. Я не выдержу этого.

— Какой ужас! Ты стал курить? — слезы у Светы мгновенно высохли.

— Нет, это я фигурально, — он невольно улыбнулся. — А здесь я такой, как все, — он сделал ударение на слове «я». — Мне платят пособие, а не делают одолжение. Я, Света, представь себе, это ценю. И в ответ плюнуть в лицо...

— Сколько ты будешь, как страус, прятать голову в песок?! Твой Израиль...

— Ага, мой...

— Не придирайся. Он будет тебе только благодарен, если избавится от необходимости платить тебе пособие, тратиться на дорогую медицину. Это будет настоящий патриотизм с твоей стороны, а не придуманный. А на сэкономленные деньги они привезут молодых русских ребят по системе «наоле», таких, как Надя, чтобы их можно было послать воевать. Защищать завоевания Израиля. Я когда слышу слово «завоевания», мне дурно делается... «Не отдавать завоеванного». Как вы можете привыкнуть произносить это слово — «завоеванное»! Это же какое-то бандитское выражение — завоеванная земля. Какой ужас! Как у вас... ладно, как у нас там все в мозгу перевернулось!

— А у тебя сейчас все встало на свое место?

— Ньюма, отсюда все выглядит иначе. Там какой-то массовый гипноз, как говорит Женя.

— Женя? Понятно...

— Здесь по соседству нет евреев, кроме Анатолия. Ты и представить себе не можешь, какого мнения...

На политику сил у Наума уже не хватило.

— Света, давай о своем. У нас своих проблем хватает.

— Конечно, Нюмочка, конечно...

— Зачем *делить шкуру убитого медведя*? Давай *переживать неприятности по мере их поступления*, — наконец Наум оказался в своей стихии, народная мудрость успокаивала. — Мне нужно сделать операцию простаты, в таком состоянии я к вам ехать не могу, потом, бог даст, на лето приеду. Посмотрим, поговорим. Зачем так далеко заглядывать. Ты не думай, я очень рад, что ты там стараешься из-за меня. Иногда ведь кажется, что вы там меня забыли...

Света опять стала размазывать слезы по щекам.

— Все, все, успокойся...

Они еще долго говорили на разные, но уже менее опасные темы. Света опять советовала не прятать голову в песок (дался ей этот страус), идти скорей на операцию. Сказала, что к операции она приедет, потом они вместе уедут обратно. Наум открыл было рот, но возразить не успел.

— Не будь идиотом. И слушать не хочу. Приеду.

Это уже была Света — та Света, которую он знал.

Поговорили еще немножко. Наум держался молодцом, и Света закончила разговор почти успокоенная.

Наум остался сидеть у компьютера. Сил подняться не было.

Все тайное рано или поздно становится явным.

Впрочем, ничего тайного и не было. Просто он, как этот навязший за последний час в зубах страус, ничего не хотел видеть.

«Не заставляй меня делать выбор между тобой и детьми». Точнее не скажешь. И ее выбор будет справедливым. Наум не был настолько эгоистичен, чтобы даже попытаться лишить Свету детей. Особенно внуков.

Он не мог считать ее виновной, не мог обижаться. Не хотел разрывать на части. Нет, она не виновата. Тогда кто? Он? Его неконтактный и упрямый характер? Но он действительно физически не мог перейти на иждивение к семье Беляевых. Наум так и подумал о Жене, с которым он прожил вместе двадцать пять лет, — Беляев, семья Беляевых. За каких-нибудь два с половиной года они — Наум это отчетливо понял — стали ему чужими людьми. Господи, что же он за человек такой?..

А вообще-то никто, если разобраться, не виноват. Виновата жизнь, а точнее — эмиграция. И немалую роль сыграл инициатор этой эмиграции — Израиль. Науму очень больно, физически больно было осознавать вину новой родины, но объективный разум ученого вынуждал это сделать. Зачем страна приглашает людей, чтобы потом делить их на настоящих и ненастоящих? Чтобы потом ущемлять ненастоящих при каждом удобном случае? И детей делить на породистых и беспородных? Если бы не это, Женя, быть может, и не уехал бы.

Или все равно бы уехал? Кому нужны вечные войны? Непрерывные малые и периодические большие. И если бы хоть предвиделся конец этому... Новые репатрианты были, пожалуй, самыми яркими патриотами Израиля, но большинство — действительно большинство — хотели бы, чтобы их дети перебрались в другое место.

Дети многих знакомых Наума вместе с внуками уже уехали в Америку или Канаду. Совпадение или нет, но большинство из них неевреи по Галахе — наверняка это дополнительный стимул к отъезду. И немаловажный.

Старики, как правило, оставались в Израиле. Не хотели и не могли жить на шее у детей, а иначе их там, в новой эмиграции, не принимали. Здесь, в Израиле, было пособие и медицина. Так и жили отдельно от молодых деда с бабками, пока один из них не покидал сию юдоль печали. Тогда оставшийся на этом свете обычно перебирался к детям. Если успевал, и если у детей было желание объединяться. В сущности, еще живой Наум был просто одной из разновидностей этого варианта.

Ясно одно: он будет доживать свой век в Израиле. Он так мысленно и определил — доживать. И разумно будет не тратить нервы и силы на то, чего он ни понять, ни изменить все равно не сможет. Политику, которой Наум уже давно перестал увлекаться, он отныне и на порог не пустит. Нужно постараться выжать максимум из обычных житейских радостей, которые еще могут выпасть на его долю. А достанется ли ему хоть какая-то малость? — вот вопрос. Впрочем, кое-что у него уже есть...

Наум встал, решительно подошел к холодильнику, взял бутылку из запасов Геннадия. Какого черта! На него теперь ничьи запреты и инструкции не распространяются. Недрогнувшей рукой налил себе полчашки водки — и сам испугался своей решительности. Какого черта! Выпил, закусил яблоком. И буквально сразу же ему сделалось лучше. С непривычки. На голодный желудок.

К черту Америку и американцев! К черту политику! Безбожно фальшивя, он запел: «Веселитесь, пока вы молоды!» Подумал — и изменил редакцию этого старого студенческого гимна: «Веселитесь, пока вы живы!»

Наум не догадывался, что через полгода политика сама, без зова придет к нему на порог.

В эту ночь Науму приснился скиф. Как бывает во сне, он точно знал, что это скиф — здоровенный мужик татарской внешности, в мохнатой островерхой шапке, в шальварах, с огромной плеткой, но с пейсами. Скиф требовал у Путина вернуть ему Поволжье, а у Ющенко — всю Украину. Наум проснулся от звуков собственного смеха и высоко оценил свои подсознательные ассоциации и неугасающее чувство юмора. Отреагировал он на сон очередным изречением:

— *От великого до смешного — один шаг.*

6

Наум осознал, что расставание с прошлым неизбежно. Он сформулировал это, как всегда, «самобытно»: *жребий брошен, Рубикон перейден*. И с этим нужно смириться, чем раньше, тем лучше. А что ждет его по ту сторону Рубикона? За прогнозом дело не стало. Уже через три дня после разговора со Светой он понял, что надежды на светлое будущее просто неуместны.

В середине декабря в Израиль пришла запоздавшая зима. Полили дожди, температура довольно резко упала градусов на десять-пятнадцать. В горной местности условия были куда более суровыми, чем те, к которым Наум привык на побережье. Он простыл, и простыл довольно основательно. Кашель, насморк, боль в горле и, наконец, высокая температура. Прихватило крепко. И тогда Наум не теоретически, а на практике почувствовал, что значит быть одному. Он никогда не был ипохондриком, не пугался неизбежных болезней, терпеливо переносил то, что несла с собой старость. Но тогда рядом был живой близкий человек. Это, оказывается, совершенно меняло условия игры.

Наум не хотел никому навязывать свои проблемы и даже к соседям не обратился за помощью. Немного молока у него еще было, он его грел и пил время от времени. Полоскал горло раствором соли с добавлением йода. Но к такому развитию событий он подготовлен не был. Во-первых, в квартире было холодно, несмотря на полуметровые стены, — агент, конечно же, соврал. Маленький калорифер, привезенный им из Хайфы,

для этой большой комнаты, ворчал Наум, был *как слону дробина*. И второе: в доме был большой ассортимент лекарств от любых стариковских болячек, но не от простуды. И термометр куда-то подевался. Но и без него Наум чувствовал, как температура то поднималась до небес, и его трясло мелкой дрожью, то все тело покрывалось холодным потом, так что мокрым становились и спортивный костюм, в котором он лежал, и, главное, постельное белье. А менять белье сил не было. Наум попробовал русский народный способ — принял сто грамм с перцем, но чуть не отдал богу душу. «*Что русскому здорово, то еврею смерть*», — он еще пытался острить. Но повторять эксперимент больше не решался.

Ночь и весь день Наум стойчески переносил болезнь, холод и голод, а потом ближе к вечеру позвонила Циля. Он прохрипел в трубку, давясь от кашля, что все хорошо и все в порядке. Короче, уже через час Циля была у него — во всеоружии, с корзиной, наполненной всякими целебными средствами, включая мед, молоко, бутылочки с полосканиями и набор таблеток.

Наум представлял собой жалкое зрелище и отлично это сознавал.

Но Циля не стала тратить времени на соболезнования. Она принялась со свойственной ей решительностью за дело. Подошла к Науму, потрогала лоб.

— Градусник есть?

— Куда-то задевался...

Градусник был вручен больному.

Циля немного откинула одеяло и наглядно продемонстрировала, что означает выражение «покрутить носом». Наум еще раз почувствовал себя тем самым старым козлом с полным комплектом сопутствующих признаков.

Она сняла теплую куртку и осталась в легком домашнем халате, видимо, издавна любимом, но немного тесном для ее нынешних форм.

— Не замерзнете? — посмотрел на нее с испугом Наум. Он дрожал под кучей одеял и в спортивном костюме.

— Я? У меня горячая восточная кровь. Вы лучше скажите, бойлер включен?

Не дожидаясь ответа, она пошла в ванную комнату, включила там нагреватель. Перенесла калорифер туда же. И все это не обращая на больного внимания. Слез и сочувствия можно было не ожидать. Для нее это было дело житейское. Белье на полках она, если помните, раскладывала сама и наверняка лучше Наума знала, где что лежит. Приготовила комплект постельного белья, чистую футболку и семейные трусы.

Наум не очень ясно различал все вокруг. Сознание иногда заволакивалось, и тогда ему казалось, что это Света бродит по комнате...

Циля забрала градусник.

— Неплохо. Тридцать девять и три.

У Наума с перепуга округлились глаза.

— Какие вы, мужики, трусы. Все, пошли под душ.

Глаза Наума стали квадратными. Он знал, что в израильской медицине душ применяется обязательно при любой температуре тела, в любом состоянии — живом, полуживом и даже свежерезанном. Но совковый инстинкт — температура под сорок! — предупреждал: это опасно. Впереди замаячило воспаление легких и летальный исход.

Впрочем, его никто не спрашивал. Циля одним могучим движением вынула его из кровати и потащила в ванную. Ноги у Наума заплетались, голова кружилась, и при движении он невольно то тут, то там сталкивался с различными выступающими мягкими частями тела, которых у нее было на удивление много.

«Ну что ж, — снисходительно подумал он, случайно упершись в одну из грудей, чтобы не упасть, — немолодая женщина, это нормально. — И мстительно продолжил мысль: — Наверно, и Света уже такая, просто я этого не замечал».

Циля перебросила его в ванну и стала стаскивать влажную куртку со словами:

— Раздевайтесь быстрее.

— Циля, — Наум пытался удержать штаны.

— Что Циля? Да бросьте вы, на что там смотреть.

— Это уже обидно, — прохрипел Наум.

Циля быстро и ловко стала ему намыливать голову, спину и ниже, не забыв сообщить, что последние годы она мыла мужа, который тоже не мог уже сам...

— И это тоже обидно, — опять прохрипел Наум.

— Нет, я, конечно, не сравниваю, хотя он был очень хороший человек.

Она передала ему мочалку и сказала:

— Остальное мойте сами, чтобы у вас ничего не украли. Ха-ха. Но не возитесь.

Она ушла в комнату, минут пять ее не было, вернулась, как только Наум отключил душ, как раз вовремя. Крепко и быстро вытерла его большим полотенцем — сопротивляться у него уже сил не было. Надела на него новую смену белья. Обратный переход к кровати прошел легче. А там уже было застелено чистое, а главное, пахнущее свежестью белье. И Наум, к своему удивлению, почувствовал, что стало намного легче, и даже температура упала. Время от времени Циля скрывалась в кухне. Вскоре рядом с ним у кровати появилась табуретка, застеленная салфеткой. На ней — стакан теплого молока, маленький термос с кипятком, банка меда, какие-то таблетки. Яблоки. Мятные конфетки для горла. Тарелка с овсяной кашей была вручена лично в руки со словами:

— Хочешь не хочешь, а кушать надо.

Все действительно было сделано быстро и умело, и, конечно же, Циля не могла это не отметить. Промолчать было не в ее характере.

— Ну, какой я молодец?! Мой покойный муж жил за мной как за каменной стеной. Мои подруги говорят: Циля, ты такая заботливая и симпатичная женщина, почему ты должна оставаться одна? Ты чувствуешь, — впервые она перешла с Наумом на «ты», момент был подходящим, — как я могу помочь, какая от меня может быть польза?

— Циля, я чувствую, что меня знобит, — попытался он укрыться за недомоганием.

— Знобит? — весело подхватила Циля. — Сейчас приспособим грелку.

И она упорхнула в ванную. Потом оттуда раздалось пение. Испуганному беззащитному Науму оно показалось чем-то вроде завывания индейцев, вставших на тропу войны. Он не ошибся. Циля выскочила из ванной в цветастой ночной рубашке (припасла заранее!) и полезла к Науму под одеяло.

Обычно в подобные моменты тактичный автор прекращает описание сцены, предоставляя возможность сообразительному читателю представить себе, что было дальше. И только нахальный кинематограф со сладострастием поджидает эту ситуацию,

чтобы потом минуту, две, три, десять смаковать различные позы, крупные и мелкие планы. Но это совершенно не тот случай. В нашем варианте даже самому изобретательному режиссеру не удалось бы выжать и крупицу эротики.

Уже говорилось, что у Цили, кроме плохо контролируемого темперамента, был здравый смысл и своеобразное чувство такта, иногда запоздалое. И она не собиралась ничего добиваться от изнуренного Наума. Просто хотела закрепить дружеские отношения, придав им оттенок чего-то интимного, отогреть его и его одинокое сердце. Наум снова почувствовал, как много у нее теплых и мягких частей, и уже готов был выскочить из кровати. На холод, на мороз, на смерть — куда угодно. Цили уловила это.

— Да бросьте вы, — она опять перешла на «вы», — никто вас не укусит. Согреетесь немного, и я пойду домой. Сына нужно кормить. Лежите спокойно.

Она затихла, а потом как-то заурчала, как кошка, судя по всему, немного задремала. Наум старался не двигаться, все это было ужасно.

Через полчаса она встала, не торопясь натянула халатик. Потом снова захлопотала — вынула кусок курицы из морозилки, отварила бульон, что-то где-то немного убрала. При этом пересказывала недавно виденный сериал, где женщина своим телом отогрела умирающего красавца. Наш красавец на эту историю никак не реагировал. Может, Цили и испытывала неловкость, но по ней это не было заметно. А Наум просто страдал, он не мог дождаться, когда визит закончится. Наконец она оделась — «Ах, сын уже вот-вот явится!», поцеловала Наума в щечку (с ней это бывало и раньше), пообещала завтра прийти к обеду и ушла.

Как только за ней закрылась дверь, Наум стал есть себя поедом. И все начиналось с излюбленной им фразы: «Что ж я за человек такой?» Где естественная благодарность женщине, которая искренне, от души, так помогла ему в тяжелую минуту, вполне возможно, даже спасла его? Как получилось, что эта благодарность наглухо перекрылась чувством сильного, буквально органического неприятия не столько самой Цили, сколько всей ситуации? Домашние хлопоты вокруг него этой полной немолодой женщины, не говоря уже о постельной сцене, вызывали сильнейшее раздражение, а может, даже отвращение. Эти чувства были настолько определенными, что сомневаться в них не имело смысла. Они не зависели ни от обстоятельств, ни от героини. Нет, при любой другой было бы то же самое, в этом Наум был даже больше чем уверен. Дело в нем, он на другую реакцию не способен.

А если отбросить эмоции, то вывод следует простой и суровый, вполне научный и обоснованный: Наум остается в Израиле один. Во всех возможных вариантах один. Он то ли по характеру, то ли из-за возраста, то ли по сумме разнообразных причин — какое это имеет значение? — уже ни с какой женщиной не совместим. Органически не совместим. Не о друзьях и не о гостях идет речь. Гости приходят и уходят. Речь идет о том, что в своей квартире он всегда жить будет один. Как сказал бы более поэтически настроенный персонаж, чем наш сухарь-аналитик Наум, отныне он обречен на одиночество. С этими тяжелыми мыслями он уснул, правда, предварительно съев то, что было оставлено, выпив все лекарства и прополоскав горло в соответствии с инструкциями.

Наум настолько не хотел повторения пройденного, что его организм просто не мог не откликнуться: на следующее утро после посещения Цили у него упала температура, значительно уменьшился кашель. Таким образом, Наум мог позвонить ей и отрапортовать, что благодаря ее заботам он исцелился, сейчас готовит завтрак, все прекрасно, большое, огромное спасибо и приходите в гости. Что в переводе на русский язык означало, что скорая помощь уже не понадобится. Если Цилю и обидел этот «ответ с отказом», то она виду не подала.

7

Итак, в течение недели прозвучал окончательный, без права на обжалование, суровый вердикт: его ждет одинокая и безрадостная старость. Ничего удивительного нет в том, что загнанная было в подполье депрессия обрушилась на него, как лавина. Неуверенность и сомнения всегда были его ахиллесовой пятой, но он умел с ними бороться. Раньше. Сейчас любая, самая мелкая проблема приводила его в состояние полного душевного разлада. Он силой заставлял себя ежедневно бриться, принимать душ, как можно чаще менять белье. Пытался сделать не столь мрачным выражение лица. Но! Кроме волевых усилий и старания нужно еще и желание, а его не было. Растаяло без следа. Все держалось только на самолюбии — явно недостаточной и ненадежной опоре.

Все признаки депрессии были налицо. Наум не мог досмотреть ни одну телепередачу до конца — надоедало, уставал. О книгах и говорить нечего. И контакты, разговоры с ним тоже становились нелегким делом. Он мог внезапно замолчать на полуслове или уставиться куда-то за спину собеседнику, так что тот начинал ерзать на месте и оглядываться — что он там углядел за его спиной?

Оказалось, есть только один способ растормошить его хоть на время. И способ этот обнаружил Геннадий. Он же стал применять проверенный тысячелетиями безотказный метод на практике. Наум не сопротивлялся.

Потребляемые Наумом в «беседах» с Геннадием символические дозы, о чем мы уже упоминали раньше, потихоньку превращались в обычные, затем в солидные, и молчаливость его после приема порции на удивление быстро сменялась словоохотливостью. Он становился куда более раскованным и энергичным. Где здесь причина, где следствие — трудно разобрать, но связь очевидна. Прежде Наум никаких сведений о своем семейном положении, тем более подробностей, не сообщал. Никого его заботы не касались, собственно, потому он и уехал в Маалот, чтобы можно было начинать с чистого листа. Первый прорыв произошел в разговоре с Цилей. Неожиданная исповедь была хорошим уроком и долго терзала его самолюбие. Но постепенно шаг за шагом, а точнее рюмка за рюмкой, бастионы сдержанности пали. Вскоре и Геннадий стал доверенным во всех отношениях лицом. Полностью уяснив ситуацию, в которой оказался Наум, Геннадий однажды выразил сочувствие в такой форме:

— Значит, тебя бросили тяжело раненного на поле боя? А может, лучше было бы пристрелить?

— Гена, не перебарщивай. Я амикошонства не люблю...

— А ты не мог бы говорить по-русски?

— Не могу — не люблю материться.

Но проходил налет опьянения, и Наум еще больше замыкался в себе. Мрачнел, непрерывно растревлял душевные раны и даже получал от этого удовольствие. Считал, загибая пальцы, чего он в этой жизни не сделал. Дом не построил, дерево не посадил, ребенка не родил. Даже картофельными очистками народ в бывшем СССР перестал интересоваться. Он определенно никакого следа на земле не оставил. Тогда зачем было появляться на свет божий?

Облегчение приносил только следующий визит Геннадия. Приходилось применять средство все чаще и чаще. Намечалась цепная реакция...

К удовольствию всех участников посиделок под навесом, зима выдалась мягкая и не очень дождливая. Практически каждый день можно было, чуть потеплей одевшись, сидеть на уютных стульях на свежем воздухе, греться на все еще теплом солнышке и любоваться чудным пейзажем. Природа предгорий Израиля и не собиралась оголяться и отдыхать, как положено зимой. В марте, после праздника Ту би-Шват — нового года деревьев, а еще больше в апреле началось буйство на ярко-зеленом фоне самых разнообразных красок, свежих и сочных. Поистине волшебный край, райский уголок!

Известные вам соседи приходили под навес как к себе домой, без предупреждения. Правда, по уже описанным причинам «беседы» с Геннадием стали происходить чаще, чем совместные обеды с Цилей. Цилия постепенно стала сдавать позиции. Она потихоньку убеждалась, что планам ее альянса с Наумом не суждено сбыться.

Но она была не только бывшим социальным работником, но и просто по-настоящему доброй женщиной, поэтому отдавать Наума без боя этому растлителю Геннадию не собиралась («Не напрасно он мне так не понравился с самого начала, алкаши всегда такие вроде бы добренькие, но без совести»).

«Ну хорошо, — думала она, — у меня не получилось. Но это не конец света». Как и всякой настоящей женщине, ей было тяжело сознавать, что такой солидный и интеллигентный мужчина «валяется без пользы посреди дороги, и никто его не подберет».

Она проявила чудеса альтруизма и стала знакомить Наума с подругами. Правда, заранее их предупреждала, что он немного бука, зато мужик серьезный и непьющий. Но спустя какое-то время у нее появились обоснованные сомнения и в том, что он бука, и в том, что непьющий.

Науму в его нынешнем состоянии такие мероприятия были как острый нож в сердце. Но не сидеть же камнем дома. Унизительно! Какой выход? Новые знакомства, вежливые развлекательные разговоры, компания одиноких немолодых женщин, удивительно похожих друг на друга, — все это действовало на него угнетающе. Вы можете вообразить, что собой представлял Наум в еще более угнетенном, чем обычно, состоянии? В глазах новых знакомых Наум читал свой приговор — он полный идиот и все тот же старый козел в придачу. Это было невыносимо. Выход опять-таки нашел бывалый, прошедший огонь и воду (и не только воду) Геннадий.

Все, оказывается, решалось очень просто. Прежде чем отправиться из дому на такой междусобойчик, Наум по его мудрому совету выпивал пару рюмок проверенной водки «Александров» — и уже минут через десять, с мятной конфетой во рту для

отбития запаха алкоголя, был вполне похож на нормального человека. Запаса хватало часа на два-три. За это время его приглашали к обязательному на таких встречах столу, где он и добавлял вполне приличную для интеллигентного человека дозу — пару рюмок, больше ему и не требовалось. И тогда наш Наум превращался в разговорчивого и даже немного развязного собеседника. Он становился едва ли не душой компании, хотя этой компании слишком много и не требовалось. Пусть он довольно часто говорил заумные и малопонятные вещи, пусть хихикал первым над своими не слишком смешными остротами, но это был живой человек другого пола, от чего Цилены подружки уже стали отвыкать.

«Нет, он у тебя довольно-таки еще ничего», — говорили они Циле. А она в ответ помалкивала, начиная догадываться об истинных причинах столь странной метаморфозы.

Сам Наум нисколько своими успехами не обольщался. Он ситуацию рассматривал трезво, как ни парадоксально это звучит. Ничего хорошего в этом не было — цветник свободных женщин и он посередине. Это означало, во-первых, что значительное число его сверстников уже покинули поле боя, что само по себе наводило на мрачные мысли. А самому новоявленному любимцу публики приходилось все активнее пользоваться допингом в виде «беленькой», чтобы выглядеть на уровне. Но самое интересное — неизвестно зачем все это Науму было нужно: ни с одной из подружек он не согласился бы повторить спектакль, который они разыграли с Цилей во время его болезни. Да и просто общаться «в мирных условиях» не тянуло, ему и в голову не приходило назначить кому-нибудь из них свидание.

Наум поначалу усиленно бравировал тем, что ему теперь и море по колено, и сам черт не брат. Никого теперь его здоровье не волнует, а его — меньше всех. Пьет, не пьет — какая разница? Но ставшие почти ежедневными визиты под красный навес Геннадия со всеми вытекающими из этих визитов последствиями стали его постепенно настораживать.

Первый (а может, последний) звонок прозвучал для Наума 20 марта, когда счастливая Света сообщила, что родилась долгожданная вторая внучка. Ее назвали Ора, что на иврите соответствует имени Света. И бабушка неоднократно повторила, что для полного счастья ей не хватает только присутствия дедушки Наума. То есть у Наума был серьезный повод отметить это событие.

Гена в этот день не появлялся, Циля тоже. Наум вынужден был на радостях «принять на грудь» в одиночестве — и исполнил это очень добросовестно. Ночью были неприятности, которые давно назревали. Науму было отлично известно, что простатит и алкоголь — *две вещи несовместные*. Проснувшись от боли, он минут двадцать простоял без толку над унитазом, его заклинило. Он уже испугался, что навсегда. На сей раз пронесло, и в прямом и в переносном смысле. А когда на следующее утро ему неудержимо захотелось опохмелиться, он понял: пора принимать меры.

Нужно было не только решиться наконец на операцию, но и покончить с Гениным допингом.

Пьянству — бой!

Только на силу воли рассчитывать было опасно. Нужно было снова искать громоотвод, какое-нибудь занятие, которое отвлекло бы его от ничегонеделания. Но что-нибудь полегче, чем предыдущая трудотерапия, — на такой подвиг он уже способен не был.

Не объясняя причин, чтобы не обидеть партнера, Наум спросил у знающего всех и вся Геннадия, чем бы интересным можно ему, Науму, заняться в городе Маалоте. Гена с энтузиазмом откликнулся.

Курсы изучения иудаизма, курсы оригинальных маршеобразных израильских танцев, фитнес, что на иврите звучит как «хедер кошер», — все это особого энтузиазма не вызвало. Тогда дальше. Сейчас среди израильских пенсионеров очень модно обучение игре на фортепьяно, но это денег стоит. Проехали. Еще Гена видел объявление: «Требуются любители самодеятельности для участия в постановке пьесы Григория Горина «Поминальная молитва».

— У тебя есть талант артиста? По-моему, нет.

Затем, подумав, добавил:

— Есть еще вариант. Но я бы тебе не советовал. Как-то я от безделья сунулся туда. Это секция. Что-то из восточной религии...

— Секта?

— Нет, секция. Занятия. Они там медитацией занимаются и — забыл как называется — транс... какие-то полеты. Межзвездные. Чокнутые, одним словом. Но интересно.

— Трансцендентальные?

— Точно. Ты бы видел этих межпланетников. Есть и старые, и молодые, но сразу видно — все с приветом. Но интересно. А то все надоело... У них все иначе, все задом наперед.

— Почему?.. Я когда-то интересовался этим. А почему не советуешь?

— Там занятия два раза в неделю. И твердое условие — нельзя пить два дня до занятий и один день после. Иначе психика не выдерживает, мозги сдвигаются. И начинаются глюки. Я на себе проверил: сдвигаются... Это не для нас с тобой, Наум.

Легкомысленный болтун Геннадий не почувствовал, что потерял в эту минуту и место распития, и напарника, и собеседника — все сразу.

Часть третья

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЕ ПОЛЕТЫ

1

...Наум немного отошел от большого зеркала и повернулся в профиль. В таком ракурсе дело обстояло не слишком благополучно. И вовсе не потому, что трюмо было не слишком четким и расцвеченным всеми цветами радуги. Профиль стал сдавать. Но главное, фигура определенно выглядела не «на свои годы». Произошли какие-то удивительные и не сочетающиеся изменения — он определенно начал усыхать, ручки-ножки стали заметно тоньше. Плечевой пояс тоже выглядел не слишком внушительно, раньше определенно было лучше. Похудел? Весы этого не показывали. Происходит перераспределение массы. Откуда-то появились наплывы на бедрах, спускающиеся за

брючный ремень. Животик заметно увеличился и стал выезжать вперед. Если все время помнить об этом и втягивать... — но где наберешься терпения? Тем более что нужно следить за все увеличивающейся сутулостью и гордо забрасывать голову назад. Не позволять ей склоняться вперед как у понурой лошади. И не забывать расправлять плечи. Шею вытягивать вверх уже нет смысла, шея исчезла куда-то окончательно и бесповоротно.

Наум проделал все потребные манипуляции. Втянул, запрокинул, расправил. Красавцем не стал, но было вполне терпимо, даже моложе, чем «на свои годы». Но кто эту нагрузку выдержит? А главное, чего ради?

— Чего ради? — услышал он свой голос. И огорченно покачал головой. Говорить вслух Наум стал все чаще — неизбежное следствие одиночества. Он внимательно следил за собой, но слова неожиданно выскакивали не только дома, но и в «присутственных местах», например, магазинах. Было очень неловко. Приходилось прочищать горло будто бы от кашля, или делать вид, что про себя напеваешь песенку, а пара слов просто вырвалась наружу. Но оправдывать ситуацию было нелегко, потому что слова чаще всего явно были не из песен. Еще один парадокс одиночества. Наум обычно в разговоре не ругался матом. Не любил. Не было у него такой привычки. И даже морщился, когда это делали другие. А тут, поди ж ты, в качестве реакции на бесконечные не слишком веселые мысли время от времени выпрыгивало «ну вас всех на х...!» либо «вот б...!». В основном один из этих двух вариантов, без особого разнообразия. На удивление четко и громко. Тут уж не споешь и не прокашляешься.

Наум перестал напрягаться и сразу же утратил свою молодецкую выправку. Все части тела стали на положенные места. Действительно, чего ради?

Но он лукавил. Отлично знал, зачем проводит регулярно смотрины перед зеркалом. Это не было самолюбованием и не было подготовкой к свиданию. Причиной было самолюбие, если хотите — гонор. Это был контроль, проверка. Наум не хотел выглядеть опустившимся одиноким пожилым мужчиной, заброшенным на старости лет в убогую квартиру с потрепанной хозяйской мебелью, в городок, расположенный на задворках Израиля, того самого Израиля, который сам по себе не более чем задворки Европы. Невеселый финал жизни, и Науму очень не хотелось, чтобы его внешний облик соответствовал этому финалу. Не хотелось читать во взглядах сочувствие. Сочувствия и так было больше чем достаточно.

Нет, не напрасно до сих пор звонят ему их друзья из Хайфы, стараясь поддержать, подбодрить. Раньше он такой популярностью не пользовался.

Наум критически посмотрел на свое хоть и обновленное, но не слишком в бытовом отношении ухоженное жилище и подумал, что у него тоже появилось желание позвонить самому себе и поддержать... Хм...

Надежда умирает последней. Нравилась Науму эта сентенция, хотя к нему она не имела, как он считал, никакого отношения. Его надежда, увы, умерла, окончательно и бесповоротно. Но это не означало, что он раскиснет и опустится. Нет, он будет сопротивляться до конца. Отстреливаться до последнего патрона.

Наум еще раз внимательно оглядел себя в зеркало. Можно идти. Он готов сделать еще одну попытку в поисках хоть какого-то интереса в жизни. «Трансцендентальные полеты» — звучит заманчиво...

2

Наум спросил у Геннадия, где расположен клуб. Это место он знал — посещал с коляской магазин по соседству во время ремонта. Занятия секции проводятся вечером по воскресеньям и средам, это Геннадий помнил точно, а начало... то ли в семь, то ли в восемь часов. Наум пошел к семи.

Первые числа апреля, днем уже было по-летнему тепло, ночью еще немного прохладно. Идеальная погода, идеальная природа, прогулка доставила истинное наслаждение. Из-за изгородей выглядели растения самых невообразимых форм и расцветок. Многие из них не стеснялись расти прямо на улицах, на открытых склонах. Наум уже привык к этому изобилию, а может, не замечал его в силу своего отнюдь не романтического характера. Сейчас он открывал природу Израиля для себя заново.

Наум решил, что это обнадеживающий признак. Признак перемен. Может быть, он наконец найдет занятие, которое его заинтересует? И круг общения, основанный на духовных ценностях? Дай-то бог.

Здание клуба, правда, не вписывалось в оптимистический пейзаж. Оно было достаточно неухоженным, но Наум под влиянием общих эмоций простил ему неказистый вид. Главным было содержание, а оно — будем надеяться — не подведет.

На первом этаже, обнаружил Наум, располагался фитнес-клуб. Его открыли новые репатрианты, это было видно не только по состоянию здания, но и по тренажерам. Они отличались одним общим качеством — выглядели несовременно. Все было подобрано где-то по случаю и недорого... Посетителей было немного — три-четыре человека.

— Мы заканчиваем через час, — предупредил сидевший при входе не то хозяин, не то охранник, почти квадратный крепыш.

Наум спросил, где проводятся занятия «Трансцендентальные полеты».

— Ах, эти... — крепыш выразительно покрутил у виска. — Там, где им и положено быть. Ближе к космосу. Над нами, на втором этаже. Лестница за углом.

Наум поднялся наверх. Дверь была открыта. Он вошел в короткий коридор. У стенки справа стояла скамейка без спинки. Слева было две двери, прямо — одна, за ней слышалось гудение — кажется, работал пылесос. Наум постучал, ответа не было. Он открыл дверь и заглянул вовнутрь.

Это был скорее зал, чем комната. Довольно большой зал, около ста квадратных метров, примерно так. Может быть, раньше это был чердак. Впрочем, скорее всего что-то вроде мансарды, две стены с окнами, потолок плоский — нет, определенно не чердак. Странной формы светильники на потолке, по углам подвешены четыре аудиоколонки. У одной стены стопка из вставленных друг в друга пластмассовых стульев. Вот и все оборудование зала.

Но наибольшее внимание привлекало светло-зеленое ковровое покрытие всего пола, красивое, умеренно жесткое — Наум аккуратно попробовал его ногой. Татами? Заходить в обуви не решился.

Женщина у дальней стенки энергично пылесосила покрытие. Судя по всему, она уже вскоре должна была закончить процедуру. Наум решил не форсировать событий и подождать, пока она повернется к нему лицом.

Женщина действительно выключила пылесос, повернулась, увидела Наума и решительными шагами направилась к нему.

Так состоялось первое знакомство Наума с одним из членов загадочной команды путешественников по вселенной. Звали ее Роза.

Она была примерно такого же возраста, как и Светины подружки, безусловно, за шестьдесят, и на всем ее облике стояла печать — вдова. Боже, скольких мужей мы уже потеряли! До своей нынешней холостой жизни Наум этого не замечал...

Когда он признался, что хочет стать участником их команды, Роза скупой улыбнулась, предложила сесть на скамеечку в коридоре и побеседовать. Тем более, что до начала занятий оставалось более получаса, а она уборку уже закончила.

Они чинно представились друг другу и сели беседовать.

Судя по всему, поговорить Роза любила. Мнение о ней Наум составил быстро — и в главном не ошибся. Лицо смуглое, глаза немного злые, взгляд оценивающий. Даже для такого возраста она была достаточно некрасива, правда, не отталкивающе. О таких говорят — умная женщина, и закрывают этим все остальные вопросы. Она, как впоследствии выяснилось, действительно была неглупой, начитанной. Одна беда — не скрывала этого. Роза считала себя последней настоящей интеллектуалкой в Израиле. Очки и весь облик Наума пробудили было в ней надежду найти родственный уровень, но, увы, он испытания не выдержал. Чтение Ницше было неплохой заявкой, но с современной литературой и искусством он знаком не был, а с последними криками в области модерна тем более, это выяснилось почти сразу же. Словом, так, на хилую троечку, хотя для Израиля, по ее мнению, и это неплохо. Немного повысило его рейтинг признание, что он не пишет ничего — ни стихов, ни мемуаров.

— Вот это хорошо. А то у нас сейчас не культурная революция, а литературная революция. Все дружно бросили читать и дружно бросились писать.

Она взглянула на Наума, ожидая реакции. Наум реплику оценил, заулыбался. Нет, определенно Наум очень удачно попался под руку. Что бы она делала полчаса? Занятия начинались в восемь, а дежурный должен был начинать уборку в семь.

— Убирают все по очереди? — это Науму не понравилось.

— Вот именно, что по очереди. И мы все за эту очередь боремся.

Оказывается, убирали не в нагрузку, а за деньги. Они добились ставки уборщицы 250 шекелей в месяц, 30 шекелей в час, больше минимума. И все женщины-олимки борются за эту работу, устанавливают очередность. Потому что платить в мэрию нужно по 80 шекелей в месяц, это для них сумма.

— Аренда такого зала денег стоит. А тут, кроме нас, никого нет. Но работа легкая — видите, двадцать минут восьмого, а я уже свободна. Единственная неприятность — позже семи приходиться нельзя. Нас все время контролируют наши враги.

— У вас есть враги?

— Еще какие! Из тех, что не дремлют. Ультраортодоксы. Наш местный религиозный совет. Они говорят, что мы секта. И насаждаем буддизм. Один рав, самый

активный, заявил, что буддисты — те же язычники. У них много богов. Этот рав год тому назад в конце концов съел нашего гуру Веред.

— Как съел? — решил разрядить ситуацию Наум. — Так, как аборигены съели Кука?

— Примерно, — приняла шутку Роза. — Съел нашего гуру. Ту, что шесть лет тому назад организовала секцию.

— Гуру — женщина?

— Конечно. Веред на иврите — Роза. Мы с ней тезки. Вы и иврита не знаете? Наум решил реабилитировать себя на территории русского языка, и неудачно.

— Тогда, наверное, нужно говорить «наша гура»?

— Ох, Наум. Я от вас этого не ожидала. «Наша гура громко плачет».

— Да, действительно... — Наум смутился.

За полчаса, которые оставались у них до появления членов кружка, Наум успел узнать многое. Роза рассказывала толково и логично. А ее интеллигентному, рафинированному московскому произношению можно было позавидовать, особенно если учесть, что всю свою сознательную жизнь она прожила в Кишиневе. Немного, правда, уводили в сторону попытки экзаменовывать Наума, но это уже проявлялся характер, ничего не поделаешь.

— Наум, а знаете ли вы, в чем польза эзотеризма? — и далее в том же духе.

Наум, естественно, каждый раз признавал поражение. Отыгрался только однажды.

— Тут вы, Роза, извините, ошиблись. Трансцендентность и трансцендентальность — далеко не одно и то же. Трансцендентный — это лежащий за пределами опыта, недоступный познанию... — и еще несколько предложений в этом же духе, со ссылкой на философию Канта.

Роза не поняла, но взглянула на Наума с уважением. Нет, в нем определенно что-то есть, не так он прост, как кажется. И она решительно сошла с наукообразной колеи, перейдя к делам простым и понятным.

Суть ее рассказа сводилась к следующему. Шесть лет тому назад Веред, врач-психотерапевт, серьезно увлекающаяся восточными учениями, организовала этот кружок. Веред была авторитетным врачом, эмигранткой из Москвы с 1977 года, человеком далеко не бедным, да и муж ее был солидным бизнесменом. Она потратила немало сил на это свое детище — добилась официального статуса, согласия мэрии на аренду помещения, да и ее личных денег было затрачено изрядно. Она вознамерилась создать свою оригинальную школу, используя известные успехи медитации. Школу трансцендентальных полетов — ни больше ни меньше.

К секции никто вначале серьезно не относился. Ну, побалуется — и бросят. Со дня на день ждали разгрома. Их противником, как уже говорилось, со дня основания стал религиозный совет во главе с неугомонным равом Ядидия. Сила огромная и со стороны не управляемая.

Первые годы были очень нелегкими.

— Нас уже собирались закрывать, да и народ наполовину разбежался. И тут грянули результаты.

— Грянули? — скептически переспросил Наум. — И что же это за результаты, которые грянули?

— После вашего выпада я вам о них не расскажу, сгорайте от любопытства, пока Линда не придет.

— А кто такая Линда, хотя бы об этом я могу узнать?

— Дойдем. Имейте терпение.

Но достигнутые блестящие результаты, о которых обидчивая Роза пока не хотела говорить Науму, не остановили рава Ядидию и его соратников.

Они завалили все инстанции жалобами. Но это полбеды. Тут было все — пикеты, демонстрации, проткнутые шины автомобиля и даже самое действенное оружие религиозного пролетариата — мешочки с, извините, дерьмом, специально заранее заготовленные.

Главные раввины умывали руки, говорили, что это местная инициатива борцов за чистоту еврейского государства, и ни поддерживать, ни мешать они не намерены.

Наконец у Веред терпение лопнуло («мы, Розы, все самолюбивые»), и она переехала в Тель-Авив. И тогда раввины, поняв, что перегнули палку и Маалот лишился отличного врача, затихли.

— А мы выбрали Линду своим руководителем. Она, конечно, не гуру, она одна из нас. Но что очень важно — врач. Солидный знающий врач.

— Врач? — в вопросе Наума прозвучало сомнение.

— Каким образом к нам затесался врач? Как и мы все. Не от хорошей жизни.

Роза вздохнула и посмотрела на часы. До начала занятий еще оставалось достаточно времени, чтобы коротко рассказать историю Линды.

Семья Линды была примером образцовой абсорбции. Плакатным примером. Они эмигрировали в Израиль из Латвии в начале «большой алии», в 1989 году. Линда легко преодолела все преграды, включая изучение иврита на высоком уровне, прошла соответствующие курсы и стала терапевтом, на прием к которому было непросто попасть. Муж ее тоже без особых приключений довольно быстро стал главным рентгенологом больницы в Тверии. Вскоре они купили приличную виллу. Сын закончил хайфский Технион и получил приглашение на престижную работу в Бельгии. Солидная, преуспевающая семья.

Роза замолчала и еще раз печально вздохнула.

«Но трагический мотив начинается, вниманье», — подумал Наум, почувствовав перелом в рассказе.

Однажды — это было пять лет тому назад — Линда после работы поджидала мужа и сына, которые должны были отвезти ее домой. Внезапно она услышала вой сирен. Мимо промчались пожарная машина, скорая помощь...

На повороте недалеко от старой крепости машина с ее мужем и сыном свалилась с обрыва. Что случилось, почему потеряли управление — спросить было не у кого. Разнимали по частям...

— Ужас.

— Ужас.

Прозвучало, как эхо.

— Бедная женщина... А где эта старая крепость?

— На подъеме в город, возле клумбы. Знаете старое заброшенное здание? Его репатрианты часто так называют — старая крепость. Те, кто читали книгу Владимира Беляева. Помните такую?

— Я читал, читал, — успокоил ее Наум. — Но дом не заброшен, а просто запущен. Я там живу.

— Поздравляю.

Наум опять откатился в рейтинге.

— Кстати, и Линда живет где-то недалеко от вас.

Роза еще раз посмотрела на часы.

— Скоро начнут собираться. Ну вот, Наум, так у нас в группе появился еще один врач. А для нас — не было бы счастья, да несчастье помогло. Если бы у нас не было Линды, нас бы прикрыли.

— Не понял связи...

— Руководитель-врач — это очень сильный довод. То, чем мы занимаемся, небезопасно.

— Травмы на производстве? Вывих колена в позе лотоса?

— Наум, опять выпад? И напрасно. Я не шучу. Это все связано с психикой, а любой эксперимент с ней всегда опасен. Вы знаете, что о таких, как мы, говорят — чокнутые?

Наум вспомнил отзыв Геннадия. Согласно кивнул головой. Роза продолжала:

— И нередко это правда. То, что у нас происходит, это паранормальные явления, — она со вкусом произнесла красивое определение. — И человек часто не может понять: он действительно добился успехов — или просто тронулся, и ему все это только кажется. Сам он отправился в трансцендентальный полет, или туда поехала его крыша.

И Роза опять испытующе посмотрела на Наума — оценит или не оценит? Наум не подкачал.

— Отлично сказано! Звучит как афоризм.

Спустя короткое время он прочувствует не только форму, но и глубокий смысл этого афоризма.

— Жаль, что Линда в августе переезжает в Америку... Выходит замуж. Между прочим, как и положено в еврейской традиции, за младшего брата своего покойного мужа.

— Она религиозна?

— Нет, что вы. Он человек обеспеченный. Линда получит американское гражданство. Я думаю, что это брак по-родственному. Чтобы не оставаться одной. Бывают и такие браки. Но нам от этого не легче. Боюсь, на этом наша песенка будет спета.

Послышались шаги на лестнице.

— О, народ пошел!

Народ действительно пошел. Один за другим. Очень вежливо здоровались, потом заходили в комнату по соседству с залом, где оказалась раздевалка, она же складское помещение, в котором хранились немудрящие пожитки членов секции. Спустя пару минут они выходили и направлялись в зал. Форма одежды то ли спортивная, то ли домашняя, мягкие тапочки и у каждого в руках плоская подушечка.

Их оказалось немного — десять человек. Публика на удивление разномастная. Три неизбежные полноватые женщины за шестьдесят, репатриантской внешности, из той категории, которую Наум именовал «Цилины подружки». Включая Розу. Бородатый, жилистый, ярко-рыжий парень лет тридцати по имени Рудик (легко запомнить!). Блондинка Оля, примерно в том же возрасте, судя по виду, страдающая анорексией. Семейная пара давних эмигрантов из Польши, лет под пятьдесят, немного высокомерные и плохо говорящие по-русски. Плотный, с животиком, который он все время стыдливо и безнадежно пытался втянуть, седой вдовец-пенсионер, представившийся Аликом. И несовременный мальчик в очках лет семнадцати, из тех, кто слишком много читает, хотя это давно уже не принято. Полный разнобой. Последней пришла Линда. Наум почему-то не сомневался, что это Линда, и поднялся ей навстречу.

— Здравствуйтесь, я к вам.

Прежде всего, он отметил аккуратную, подтянутую фигурку, что не часто встречается в таком возрасте — ей на вид было лет шестьдесят пять. Впрочем, вероятней всего, меньше — серьезное и немного усталое выражение лица не помолодело. «Интересно, это результат тяжелого рабочего дня или депрессии?» — подумал Наум.

Линда, безусловно, была интересной женщиной. Что-то было в ней привлекающее внимание, какая-то породистость, чем часто в нашей прежней жизни отличались прибалтийские женщины от прочих советских. Голова поднята, плечи расправлены — а Наум на личном примере знал, как тяжело это с возрастом дается.

Необычной была прическа. Темно-каштановые, тронутые красиво разбросанными пятнами седины, густые, издали видно, что жесткие, волосы. Чуть волнистые. Спереди они непокорно — или так задумано? — стояли стеной вертикально вверх, были словно продолжением лба, постепенно к затылку укладываясь в нормальную прическу. Это не казалось африканской жесткой копной волос, вероятно, потому, что прическа была аккуратной, старательно постриженной с боков, и никаких излишеств над ушами.

— Здравствуйтесь, — голос ее, как и предполагал почему-то Наум, был достаточно низкий. Ему нравились низкие голоса. — Зайдемте ко мне.

Линда немного наклонилась, чтобы вставить ключ в первую от входа дверь. Легкая светлая курточка на ней сидела очень хорошо, брюки — еще лучше.

И Наум, к огромному своему удивлению, неожиданно подумал: «Ее бы я из кровати не выгнал». Он даже от неожиданности вздрогнул, почувствовал, что краснеет. И автоматически оглянулся, словно испугался, что кто-то подслушает его пошлые и нелепые мысли. А как можно иначе назвать этот вздор, который пришел в голову старому хрычу при взгляде на солидную и немолодую женщину? Наум себя не щадил и для надежности добавил еще несколько крепких эпитетов в свой адрес.

Линда открыла дверь, зажгла свет.

— Проходите.

Комната была узкая и длинная. При входе возле окна стоял небольшой столик. Стул с той стороны стола и стул по эту сторону. Дальше книжная полка с литературой, большую часть которой составляли ксерокопии. И вешалка. Вот и весь кабинет.

Линда села за стол, предложила сесть Науму. Посмотрела выжидательно.

Наум представился и сказал, что хочет записаться в секцию. Линда надела очки, взяла толстую тетрадь и занесла туда его данные. Очки ей определенно шли. Затем она их сняла. Без очков тоже было неплохо.

— Почему решили прийти к нам?

— Слишком много свободного времени.

— Нет, я имею в виду, почему именно к нам? Интересуетесь медитацией? Восточными учениями?

— Пожалуй, нет. Раньше немного интересовался реинкарнацией. Когда осознал наконец, что умирать все-таки придется... Но потом забросил эту тему.

В лице Линды что-то промелькнуло. Или, может, блеснуло. Наум не понял, что это было.

— Появилась надежда, что умирать не придется?

Она смотрела внимательно, но без насмешки, и Наум неожиданно почувствовал себя раскованно. Он даже поудобней устроился на стуле.

— Да нет, пожалуй, все-таки придется. Просто я понял, что все эти теории выглядят лишенными логики.

В глазах у Линды появился интерес. Не зажегся. Чуть-чуть обозначился.

— Если я сейчас не знаю, кем был в прошлом, и не буду знать в следующей жизни, что был когда-то мною... понимаете?

Она кивнула — мол, понимает.

— То какая мне разница, что было и что будет? Меня предупредили, что нет и не может быть никакой информации. Ну фараоном был, ну баобабом! Можно придумать все что хочешь. Даже на сказку не похоже.

На усталом и, прямо скажем, не слишком эмоциональном лице Линды опять что-то сверкнуло. На сей раз Наум, кажется, уловил, в чем дело. На мгновение в ее глазах мелькнула улыбка, нижние веки немного поднялись, уголки губ чуть раздвинулись. Науму почудилась улыбка Джоконды. Он пошел дальше: в этот момент ему показалось, что у Линды определенно есть сходство с Джокондой. Кроме прически. Тем более что недавний ярый сионист Наум еще с юности подозревал, что у Джоконды еврейский тип лица. Ладно, оставим это сходство на совести Наума. Скорее всего, в этом случае он был пристрастен.

Но все это продолжалось только мгновение, как вспышка фотоаппарата. Потом ее лицо приобрело обычное выражение.

— А почему трансцендентальные полеты вам не кажутся абсурдом? Или кажутся?

— Конечно, кажутся. Но есть отличие. Есть реинкарнация или нет — для человека практического смысла не имеет, раз он ничего не знал и знать не будет. А полеты, если они возможны, — совсем другое дело.

Линда в дискуссию не вступала. Науму очень захотелось увидеть еще «вспышку Джоконды», поэтому он взял инициативу в свои руки и (как он потом себя упрекал) распушил хвост.

— Я немножко посмотрел в Интернете. Что-то в этом есть. Расстояние между мыслью, сознанием и материей все время уменьшается. Уже неизвестно, есть ли вообще эта граница. Где кончается мысль и начинается природа. Похоже, что границы нет. Ведь Бог — или кто бы то ни было — сотворил все из желания. Из замысла. Так объясняют все религии. Из желания!

— Бога!

— Бога, ну и что? Главное, из замысла. В начале было слово. Значит, это в принципе возможно. Ну да бог с ним, с Богом...

Опять мимолетная улыбка.

— Но ведь есть телепатия? На огромных расстояниях близкие люди чувствуют друг друга? Значит, можно и увидеть, и прибыть на новое место, захватив с собой все, кроме тела, чтобы не нарушать законы физики. И то до поры до времени. Уф, устал... Линда, кажется, я вас убедил, что полеты возможны?

«Еще одна улыбка! Ну, Наум, ты сегодня в ударе!»

— А теперь вы убедите меня. Роза говорит, что у вас когда-то «грянули результаты».

— Да, но это было еще до моего прихода в секцию. Рудик, рыжий такой, наш самый талантливый, он родом из Новосибирска. И должен был лететь туда в отпуск. Он посоветовался с Веред, когда лететь. Было два варианта сроков. Они вдвоем решили проверить, когда лучше вылетать. Оба медитировали одновременно, и вернулись с одинаковым решением — 4 октября не лететь, там, по их словам, они видели огонь, гром и прочее в этом роде. При этом присутствовало человек пятнадцать учеников.

— Учеников?

— Так Веред нас называла. Она гуру, мы ученики. Рудик взял билет на другой рейс. А с тем рейсом вы знаете, что произошло...

— Тот, что на Украине подбили? Ну и ну!.. Похлеще летающих тарелок!

— Ну хорошо, мне пора, в зале уже заждались. Все остальное расскажу, если придете в следующий раз.

— Я обязательно...

— Всяко бывает. Спортивная форма, тапочки. Восемьдесят шекелей за месяц. Да, еще: действительно нельзя пить спиртное за два дня до занятий и день после. Это не антиалкогольная пропаганда. По этому поводу я вам тоже расскажу правдивую историю, и не одну. Психика — вещь очень хрупкая.

Они перешли в зал, который за это время буквально преобразился.

Сейчас это был живописный табор. Приглушенный чуть голубоватый свет, из колонок доносится слабый, еле слышный шум — приборя? — да, кажется, приборя... Помещение для десяти человек было просторным, расстояние между учениками (будем их называть так, как этого хотела Веред) — метра два-три. Позы свободные и самые непринужденные. Алик сидел, уставясь в угол, мальчик опирался спиной о стенку, Роза раскинулась на подстилке, с подозрением глядя в потолок. Рыжий Рудик сидел на полу в

позе лотоса, две «подружки», обе Лены, лежали на боку лицом друг к другу, изредка почти беззвучно перебрасываясь словами. Поляки сидели спина к спине посреди зала. Все создавало обстановку покоя, суета сует и всяческая суета остались где-то за порогом. Каждый был сам по себе, но не был один. Наум понял, что имел в виду Геннадий, когда говорил: «Интересно... У них все задом наперед». Впоследствии Наум узнал, что это были их постоянные места и излюбленные позы.

Наума Линда посадила на стул у самой двери и посоветовала думать о чем-нибудь приятном. Наум постарался, но ничего хорошего в голову не приходило. Он бросил это занятие, тем более что было за чем наблюдать в зале.

Линда вышла в центр и немного повысила голос:

— Ну что, пришли в себя? Отдышались? Давайте немножко йоги, но не переусердствуйте.

Шум прибоа сменился какой-то тихой мелодичной восточной музыкой. Ученики стали каждый по мере сил изображать нечто вроде асан. У Рудика и Оли получалось неплохо, остальные пытались застыть в несусветных позах. Наум смахнул с лица ехидную улыбку и подумал, что нехорошо смеяться над немолодыми людьми, тем более что он и сам будет выглядеть не лучше. Наверно, он уже начал просветляться.

Линда неслышно ходила между учениками, о чем-то тихо с ними разговаривала. Все на этом этапе Науму нравилось, он очень боялся, что придется стать в круг и что-то дружно выполнять по команде. Такой сугубо индивидуальный способ обучения его вполне устраивал.

Наконец Линда подошла к Науму. Наклонилась над ним и негромким голосом — чтобы не тревожить окружающих — спросила:

— Подумали о хорошем?

— Это не так просто...

— Но тем не менее необходимо. С этого, по учению Веред, все начинается.

Наум отметил про себя, что Линда всегда в вопросах учения ссылается на гуру. Завидная скромность.

— У каждого из нас есть свой, как бы сказать, код, пропуск, с чего мы всегда начинаем погружение в себя. Мы привыкаем к этому, и такой старт облегчает переключение. Мы его на иврите называем «сисма», личный код. У вас перед мысленным взором должно появиться изображение чего-то. Это что-то должно быть обязательно связано с хорошим в вашей жизни, что не приводило к разочарованию. Последнее очень важно. К примеру, если любимое, то без сожаления о потере. Вы понимаете? При мысли об этом не должно возникать ничего, кроме радостной улыбки просветления.

Линда попыталась улыбнуться для демонстрации сказанного. Получилось плохо.

— Это не мои слова, а Веред. Я так говорить не умею. Повторяю почти наизусть. Так вот вам первое задание на дом. Выберите себе «сисму», ваш личный секретный код, и научитесь быстро, а главное, всегда очень четко видеть его в воображении. А сейчас, я думаю, вам лучше пойти домой. Не всем приятно, когда за ним наблюдают со стороны, не все считают себя артистичными.

Линда невольно взглянула в сторону «Цилиных подружек».

— Приходите и будьте одним из нас. Тогда все будет выглядеть иначе.
Наум попрощался с Линдой и незаметно, по-английски удалился.

4

На следующее занятие, в среду, Наум не пришел. И не потому, что не захотел. Впечатление от увиденного у него осталось довольно приятное. И во вторник с утра, после легкого завтрака, он даже взялся за подготовку — стал придумывать себе «сисму». В прошлом было не много предметов, которые бы он вспоминал с радостью. Первый взрослый велосипед, к примеру. Радость была огромная, но его потом украли, и все закончилось морем слез. Отпадает. Родители? Нет, возникало чувство вины перед ними, часто он бывал несправедлив, иной раз явно их стыдился. Члены семьи Кириченко — Беляевых не возникали даже в качестве предложения. Настольная лампа? Компьютер? Откуда тогда может появиться просветленная улыбка?

Наум уже совсем было отчаялся, но тут ему в голову пришла неожиданная мысль: в качестве «сисмы» он выберет портрет Линды. Он так и подумал — «портрет Линды», видимо, подсознательно отождествляя его с портретом Джоконды. А что такого? Код личный, никто о нем никогда не узнает. Впечатление о ней хорошее, а главное, без всякого неприятного послевкусия. Будем надеяться, и дальше так будет.

Наум не осознавал, что этот выбор довольно смел, и вполне возможны далеко идущие последствия. Душа человеческая — дело темное и сложное. Несколько раз на дню начинать погружение в себя со светлой улыбки при виде симпатичного женского лица — это могло быть чревато... Конечно, такой ход событий не обязателен, но вполне вероятен. Даже со скидкой на возраст.

Но самое сложное, как понял Наум, было впереди. Прототип «сисмы» — Линда особо упирала на четкость и стабильность изображения. А вы попробуйте себе представить самый знакомый предмет. Изображение в лучшем случае получается как в безнадежно расстроенном телевизоре — серое, расплывчатое, в тумане, сплошное мелькание точек — «снег», говорили в России телевизионщики. Оно не стоит на месте, все время норовит уплыть, смешивается с кучей посторонних ляпов. Забегая вперед, могу сказать, что «сисма», пожалуй, далась Науму тяжелей всех последующих этапов.

«Ну что ж, не зря говорят, — резюмировал Наум, — *лиха беда начало*».

И все было бы хорошо, если бы к пяти часам не явился Геннадий. Наум напрочь забыл, что у соседа сегодня день рождения, хотя ему уже неделю об этом напоминали с намеком на подарок — разумеется, в виде какого-нибудь достойного спиртного.

Отказаться никакой возможности не было, Гена уже с утра был хорош. Наум поплелся, не дожидаясь дискуссии на тему: «Ты меня уважаешь?!»

Совсем не пить было просто неприлично, а в инструкциях Линды пределы были не указаны, только «да» или «нет». В результате Наум с трудом приходил в себя следующие полдня. Среду он пропустит, это сомнений не вызывало, но под вопросом было и воскресенье, потому что позвонила Циля и предложила пойти к одной из их подружек на аналогичное мероприятие в субботу. Конца этому не предвиделось. Неизвестно, что бы ей ответил Наум, если бы в соответствии с восточными чарами перед его мысленным взором не выплыла «сисма» и посмотрела на него сквозь «снег» с

укоризной. Наум собрал волю в кулак. *Взялся за гуж — не говори, что не дюж.* И он вежливо, но твердо сказал, что никак не может, что у него очень важное дело.

— Какое дело? — Циля была заинтригована.

— Не телефонный разговор. Объясню при встрече.

После чего Наум решил, что выбрал такую «сисму» не напрасно.

Отправить Геннадия ни с чем восвояси было уже проще. Словом, в воскресенье со спортивным костюмом и тапочками в сумке плюс с восьмьюдесятью шекелями в кармане Наум явился на занятия.

К его удивлению, никто не спросил, почему он не был в среду, включая Линду. Хотя по любопытному и испытующему взгляду Розы он понял, что ей очень хотелось позвонить на эту тему. Наверняка сдерживала ее традиция тактичности, заведенная еще со времен гуру Веред. Хорошая традиция.

Линда снова удостоила его короткой беседы в своем кабинете. Она сказала, что в принципе должна прочесть ему вводную лекцию, но... умеет ли он работать с литературой?

— Умею и люблю! — без ложной скромности сказал Наум. Действительно, это когда-то было сильной стороной его способностей.

— Вот и отлично, я вам дам записи Веред, вот они. Называются «Моя школа», — опять мимолетная улыбка. — Наша Веред немного тщеславна. Но ей это шло. И я подобрала для вас еще кое-какие материалы. А пока коротко.

Линда надела очки, они ей по-прежнему шли. Положила перед собой какие-то записи. Смысл сказанного ею был примерно таков.

В большинстве восточных учений считается, что нужно постепенно осваивать приемы, шаг за шагом поднимаясь все выше. Нельзя перескакивать через этапы, только время потеряешь. Веред, как и некто Ози, не слишком широко известный тибетский монах, которого она считала своим учителем, думали иначе. Жизни не хватит пройти, даже пробежать наследие многочисленных восточных школ, да это и не нужно. Основы, разумеется, необходимы, но их освоение с самого начала нужно сочетать с главной целью — настойчивым стремлением к освоению трансцендентальных полетов, высшим этапом духовного подъема человека.

Линда говорила, все время поглядывая в записи. Лекции явно не хватало воодушевления.

Еще одним отличием школы Веред было то, что она не навязывала методику, а в основном полагалась на индивидуальность учеников. «Делай так, как тебе удобно, но помни, куда идешь». Это было ее девизом.

— Это мне непонятно...

— Ну, например, я вам сказала, что нужно выбрать «сисму». Выбрали?

— Да, — кажется, Наум покраснел.

— Сказала, что нужно сделать изображение четким и ясным. Я объяснила, как этого добиться?

— Нет.

— И не объясню. Приспосабливайтесь сами. Ищите способ. Так и во всем. Мы ставим цели, а пути должен искать каждый, подходящие для себя. Способный найдет.

— А неспособный?

— Есть люди без музыкального слуха...

— Это я!

— Они музыкантами не будут. И композиторами — тем более. Есть люди, не поддающиеся гипнозу. Есть люди, неспособные к любым паранормальным проявлениям. Их тренируй, советуй, учи... — и она безнадежно махнула рукой.

— Почему вы так уверены? Говорят, *слона можно научить*.

— Не всему. И не каждого. Я по себе знаю.

Наум удивленно уставился на нее.

— Да, я совершенно не способна ко всем этим премудростям. За три года только и смогла научиться сдерживать себя, не впадать в истерику. Сон наладила. И все. Но это просто аутотренинг.

— А как же вы учите их? Если сами не верите в это?

— Я не верю только по отношению к себе самой. И, кроме того, о своих сомнениях никому не рассказываю. Зачем людей тревожить?

Линда на сей раз улыбнулась по-настоящему.

— А почему тогда...

— Вам рассказала? Не знаю. Я скоро уезжаю. И надоело молчать. Надеюсь, это останется между нами? Такие дела, господин Наум. Гуру утверждают, что люди после сильного стресса становятся очень способными. Впрочем, мне и это не помогло... Идемте, нас уже заждались.

По дороге в зал Линда свернула в раздевалку и вынесла для Наума персональную подушечку.

— Позвольте представить новенького. Наум. Прошу любить и жаловать. Ну что, пришли в себя? Отдышались? Давайте немножко йоги, но не переусердствуйте.

Наум нашел себе подходящее место у стены, на всякий случай, подальше от Розы. Начались занятия, которые станут обычными и привычными для него. Центр тяжести его интересов с этого дня переместился в группу «Трансцендентальные полеты».

Занятия проходили по привычной и устоявшейся схеме. Вначале, как уже было сказано, немного йоги. Доктор Линда (Наум стал мысленно так именовать своего руководителя, когда речь шла о здоровье и технике безопасности) ему вообще не рекомендовала увлекаться асанами, при его остеохондрозе это действительно было рискованно. Он делал те упражнения, которые еще в Хайфе рекомендовал физиотерапевт. Потом переходили к медитации, каждый работал по индивидуальному плану. Наум первое время отрабатывал «сисму», периодически посматривая на Линду и испытывая удовольствие, причем не только от улучшающегося качества картинки. Несколько раз Линда ловила на себе изучающий взгляд Наума и недоуменно поднимала брови. После чего он пытался делать фотографию исподтишка, незаметно. Это выглядело немного по-детски, но зато добавляло интриги, и время пролетало незаметно.

Потом переходили к трансцендентальному погружению — так это у них именовалось.

Музыка прекращалась, звучала запись проповеди — или как там она называлась — учителя Ози. В материалах Веред говорилось, что незнакомый язык, непривычный

голос, магическое, проверенное веками звучание слов способствуют погружению, и в то же время человек не отвлекается на попытку понять содержание. Часто безнадежную попытку. Как можно понять такое, к примеру: *«Переживание состояния медитации возможно при спокойствии трех тел: эфирного (физического), астрального и ментального. Когда ловушки отброшены на каждом из них, возникает стабильность, возможность получать проблески состояния медитации без потери осознания происходящего. Настоящая медитация возможна только после преодоления влечения к четвертому телу, но это уже скорее исключение»*. Лучше и не пробовать. Непонятные призывы Ози вполне всех устраивали.

— Так трансцендентальный полет или погружение? — спросил Наум у Линды.

— Это в сущности одно и то же. Нужно почувствовать себя частью всего космоса, мирового эфира, ощутить, как через тебя проходят все токи земли и вселенной, стать бестелесным. Способным переместиться в пространстве только по воле желания. Те, кто этого достиг, говорят о неповторимом ощущении.

Линда наморщила лоб — явно повторяла текст какого-то учения.

— Впрочем, гораздо лучше об этом сказано в материалах, которые я вам дала. Там же и указаны первичные цели, которых следует добиваться. Как? Но тут (она заговорщически понизила голос), вы знаете, я вам не советчик.

Потом все садились в кружок и рассказывали друг другу, каким способом и чего они сегодня добились. При этом глаза у них блестели довольно странно, так, скажем, Геннадий бы сделал вполне определенный вывод. Наум вначале скромно помалкивал, потому что у него успехов не было.

Так продолжалось недели три, до нашумевшей истории с пульсом.

5

Дома у Наума стало спокойнее. Геннадий проклинал тот день и час, когда проболтался насчет «секции чокнутых». Теперь он туда же — в чокнутые — зачислил и Наума. Но ходить под красный навес перестал — какой смысл? Правда, иногда, под солидной «нагрузкой», он появлялся, усаживался на стул и жаловался, что теперь, как Райкин «в греческом зале», должен пить в антисанитарных условиях и бог знает с кем. Но не скандалил, поддерживать компанию не заставлял. Он был, как уже известно читателю, не из буйных.

Циля тоже отреагировала довольно спокойно. Она была довольна, что Наум вырвался из сетей этого совратителя Геннадия («не зря он мне сразу не понравился!»). А то, что там, на секции, говорят, не совсем нормальный контингент, «так и вы, Наум, с самого начала тоже были, извините, немного с приветом».

Тем не менее она по-прежнему его навещала, часто прихватывая с собой подругу Зину. Ту самую Зину, которая сказала, что «он какой-то холодный». То ли Зине нравился «холодный Наум», то ли девушки просто скучали по мужскому обществу. Впрочем, значения это не имело, хозяин встречал их приветливо и даже составлял компанию, пригубив рюмочку сухого вина, — оказывается, это доктор Линда допускала. Рюмочку сухого — но не больше!

А уж посидеть под навесом и полюбоваться на пейзаж было само по себе наслаждением.

Возникало ли у Наума желание взбодриться старым добрым Гениным способом? Не без этого. Ничто бесследно не проходит. Но он не был предрасположен к этой пагубной привычке, да и вовремя остановился. И не следует забывать, что у него появился новый, достаточно сильный интерес. Можно было считать, что на сей раз он миновал серьезную опасность и легко отделался.

Света стала появляться в Интернете немного реже — двое детей на руках. Надя пошла работать, Ора не такая спокойная, какой была в ее возрасте Верочка. Света замоталась — уже не двадцать лет. И уборка офисов тоже здоровья не добавляет. Ничего, приедет летом Наум — ей сразу станет легче. Наум — золотой мужик, не бездельник, помощник на все руки. Уж кто-кто, а она это знает.

— Когда уже пойдешь на операцию? Не тяни. Учти, с билетами на самолет может быть напряженка. Я должна знать дату хотя бы за две недели до вылета из Лос-Анджелеса.

Наум оттягивал это удовольствие. Все-таки боялся. А может, втайне надеялся на магию?

Основания для этого вроде бы вырисовывались. К концу апреля в этой области наместились серьезные сдвиги. К тому времени Наум добился определенных успехов в стабильности изображения «сисмы», и она определенно стала похожа на Линду. Жаль, что портрет никому нельзя было показать, даже при всем желании.

На одном из занятий доктор Линда, во время очередного обхода, привычным жестом проверила пульс у Наума.

— Пятьдесят. Брадикардия. Результат лечения гипертонии. Наум, попробуйте добиться шестидесяти ударов в минуту.

Наум с трудом удержал вопрос: «Как?» Ответа все равно не будет. И почему-то просто почувствовал — уже шестьдесят. Почувствовал — и все.

Через какое-то время Линда вернулась к нему, измерила пульс.

— Ровно шестьдесят. Что-то делали? Учащенное дыхание, напряжение мускулов?

— Нет, просто подумал — вот уже шестьдесят. И все.

Линда посмотрела на него с интересом, но ничего не сказала.

В конце занятий, при обычном обмене впечатлениями, Линда рассказала о его достижениях. Но на вопрос, как это вышло, у него ответа не было. Подумал — и все.

Это был первый и последний раз, когда он говорил о своих успехах. И не от скромности. Просто потом у него бурно пошли косяком такие результаты, что о них просто нельзя было говорить, чтобы его не признали сумасшедшим. А может, он стал им, сам того не замечая? И Роза права? Эти мысли занимали склонного к самокритике и самоанализу Наума. Правда, утверждения Линды, что у людей, переживших стресс, результаты обычно быстро прогрессируют, кое-что объясняли. Стресс у него был, и не маленький. Но не с такой же скоростью все должно приходить, и не само по себе?

А может, количество перешло в качество? Но ведь и количества было не так уж много...

После этого знаменательного дня все комплексы заданий он выполнял играючи. При этом не копался в Интернете в поисках советов, не занимался аутотренингом более получаса в день. Он запрещал себе увлекаться этим, чтобы действительно не двинуться мозгами, как говорил Гена. Он и без того шел к трансцендентальным полетам семимильными шагами. Очень быстро научился медитировать по системе Магариши. *«Когда вся умственная активность успокаивается полностью, ум испытывает уникальное состояние спокойной пробужденности. Это простейшее состояние сознания, Трансцендентальное Сознание, в котором сознание открыто самому себе»*, — так было написано в ксерокопии. Тантра, визуализация, астральные проекции, эзотерика и т. д. — Наум даже научился интуитивно понимать смысл всей этой абракадабры, вычитанной из самиздатовской литературы. А утверждали, что добиться этого очень трудно. К середине июня он чувствовал, что выбился в тайные лидеры группы.

Посмотрев несколько раз на букет цветов, он мог мысленно, закрыв глаза, воспроизвести его до мельчайших подробностей с высокой точностью, а главное — со всех сторон. Научился, сидя на расстоянии от стенки, настолько активно прикасаться к ней, а затем мысленно стучать по ней, что на костяшках пальцев оставались царапины.

Не было у него раньше таких способностей, даже намек на них.

Ему частенько удавалось на занятиях представить себе совершенно отчетливо, например, цветок, затем совместить его с каким-нибудь человеком, и тогда он понимал, о чем тот думает. В точном соответствии с инструкциями Веред, Линды и Тантры. Только с самой Линдой эти номера не проходили. Она была закрыта для него.

Во внутреннем споре, сдвигается ли он по фазе или действительно совершенствуется в чем-то трансцендентном, «выходящем за рамки», были свои доводы за и против. Главное — он научился чувствовать, что и где у него заболит завтра. Постепенно научился делать так, чтобы оно не болело или почти не болело. На занятиях женщины говорили ему, что он стал хорошо выглядеть, помолодел. Что его прямо не узнать. Может, думал Наум, потому что проснулся интерес к жизни? Это не омоложение, а тонус? Но, с другой стороны, у него действительно пропала одышка, он мог теперь без напряжения гулять по склонам, что и делал регулярно. Спал сном младенца. Давление нормализовалось без таблеток. Видеть он стал лучше, и не так сильно, как раньше, болели глаза после чтения. Все эти признаки были, пожалуй, объективны.

И еще одно изменение было совершенно очевидным: он перестал быть букой, стал более раскованным, общительным и доброжелательным. Обаяшкой, разумеется, не стал, но от зажатости и комплексов, похоже, избавлялся. И без всякого Гениного допинга. *Ни в сказке сказать, ни пером описать.*

А «против» был только один фактор, но он ставил под сомнение все остальное: с простатой он ничего не мог поделать, все больше и больше времени проводил стоя над унитазом. Никакое самовнушение не помогало. Так, может, и все «за» тоже плоды самообмана? И, возможно, не такого уж безобидного. В одном поучении он вычитал: *«Недостаточно подготовленное физическое тело может сыграть злую шутку с желающим быстрых результатов: некоторые нервные болезни часто являются*

следствием сожженных эфирных каналов, психические отклонения — результат потери контроля над объективностью восприятий, преждевременная смерть, как неосторожное обращение с энергией кундалини и т. д.».

Физическое тело, разумеется, это он сам, Наум. Если бы еще знать, что такое кундалини... Но и так дело принимало нешуточный оборот.

Была и еще одна грань его нового увлечения, запоздало-романтическая, а потому тоже небезопасная.

Он стал отдавать себе отчет в том, что в компании межпланетников его в основном интересует Линда. И не просто интересуется. Конечно, это не любовь, какая может быть любовь в его возрасте? *«Влечение, род недуга». Горе от ума.*

Но и за это он был бесконечно ей благодарен. Он перестал думать о своей тяжелой доле и бессмысленности существования. Во всяком случае, когда просыпался, то первой уже не была привычная мысль: «Вот и еще один бесполезный день». А прямо противоположная: «Завтра у нас занятия». Это было замаскированное «Завтра я увижу Линду». Ему было неловко за эти «юношеские мечтания» перед своими седидами. Не говоря уже о лысине. Пожилой, официально-неофициально семейный человек. Может, все-таки не стоило выбирать эту «сисму», которая — и он это признавал — главное, что нам *строить и жить помогает?* Успокаивало то, что никаких успехов в отношениях с Линдой пока видно не было. Она была ровна и приветлива со всеми. И с ним в том числе. Его ждало очередное фиаско, на сей раз романтическое, может быть, последнее в этой жизни. Тоже на уровне кундалини...

Наум никак не мог выяснить, он становится паранормальным или просто ненормальным субъектом.

Впрочем, как ни странно, это его не слишком волновало. Привычка ученого, хоть и бывшего, к объективному анализу в данном случае приводила к парадоксальному выводу. Наум решил, что если даже его бурные успехи возникают на базе сдвинутого сознания — это далеко не худший вариант. Лучше быть веселым, жизнелюбивым, находящимся в согласии с собой и окружающими безобидным сумасшедшим, чем в здравом уме и твердой памяти безнадежно и с отвращением доживать последние годы, да еще рискуя привыкнуть к «зеленому змию». Альтернативы он не видел.

Как назвать такой вывод? Разумным? Сами решайте...

6

Депрессия определенно отступала. И одним из серьезных признаков этого стала решительность Наума. Бесконечные сомнения и колебания остались в прошлом. Сказано — сделано. Но была и обратная сторона его обновленной природы — он иной раз успевал энергично выполнить то, чего делать по здравом размышлении не стоило бы.

Лес рубят — щепки летят.

С Линдой, как уже говорили, сохранялась официальная дистанция. Наум решил ее сократить не только из-за юношеских романтических порывов. В сущности, главное было в другом. Знакомств, разговоров, самых разнообразных занятий у него сейчас хватало. В чем он ощущал острую нехватку — не было общения с близким по духу и в

то же время вообще близким ему человеком. Именно в этом пожилые люди ощущают острую, жизненно важную необходимость. Каждый из них в глубине души отдает себе в этом отчет. Без такого духовно родного человека и без такого общения остается ощущение одиночества в любой самой развеселой компании. Не стоит верить людям (я имею в виду людей в возрасте), которые говорят: мне лучше быть одному, быть независимым и тому подобное.

Наум интуитивно чувствовал, что Линда смогла бы быть таким другом.

Три-четыре реплики в зале по поводу медитации или здоровья — на этом далеко не уедешь. Когда все расходились после занятий, Линда задерживалась у себя в кабинете, что-то там писала, заполняла. И хоть жила она неподалеку от Наума, ждать ее и навязываться в провожатые было нелепо. Наум это понимал. Тогда он разработал план.

Прежде всего, он навязался в попутчики Розе — она жила в том же направлении, но где-то на полпути до дома Наума. Для него эти прогулки особого значения не имели, поэтому все проходило легко и без напряжения. Разговор поддерживать было нетрудно, да и необходимости в этом не было. Роза любила поговорить, ей нужно было не мешать. От Наума требовалось только подтверждать время от времени, что он высоко ценит ее остроумие и наблюдательность и прекрасно понимает все, что она до него пытается донести.

С ней действительно было не скучно. Наум узнал массу подробностей из жизни участников коллектива, и даже кое-какие городские сплетни.

Он узнал, что передовиками в секции являются рыжий Рудик, Ольга и поляк. Они действительно летают, и делают это регулярно. А иначе откуда бы они время от времени сообщали то, чего еще никто не знает? Хотя кто их разберет... Но сами они твердо верят в свои полеты.

Роза вскоре смилостивилась и рассказала о втором результате, который «грянул» года три тому назад.

— Ладно. Хотя я помню ваши выпады. Насчет травмы в позе лотоса.

Наум изобразил раскаяние.

Это было три года тому назад. На одном из занятий Ольга неожиданно вскочила и с криком: «Девочка, моя девочка!» — опрометью бросилась на улицу. За ней кинулся Рудик. До дома Ольги было полчаса быстрой ходьбы. Она пролетела это расстояние минут за двадцать. Рудик еле поспевал за ней. Когда они вбежали в гостиную, шестилетняя дочь Оли с ужасом смотрела на горящую корзинку с бумагами. Огонь уже начал лизать занавес. А бабушка мирно спала в соседней комнате и ничего не слышала.

— Что тут удивительного? Родители часто на расстоянии чувствуют, когда с ребенком беда.

Роза интригующе взглянула на Наума.

— В том-то и дело... Девочка бросила спичку в корзинку, и огонь вспыхнул только за две-три минуты до их появления. Когда Ольга в клубе закричала, дочка еще спокойно смотрела телевизор и ни о каких спичках даже не помышляла.

— Да?..

— Вот вам и да!

Когда все привыкли, что Наум и Роза вместе ходят домой, Наум перешел к следующему этапу. Он заявил Розе, что нехорошо, когда женщина одна идет в десять часов вечера через весь город. И не очень безопасно.

— Вы это о ком? О царевне Несмеяне? О Линде?

— Почему Несмеяна? — спросил Наум. Почему царевна — ему было понятно.

— Так она никогда даже не улыбнется.

— Улыбается, только не всем это дано увидеть.

Роза с подозрением на него посмотрела.

Наум добавил аргументов, главным из которых был: «в коллективе, основанном на духовной близости и взаимопомощи...»

Однажды они подождали Линду на улице и предложили вместе идти домой: «Нам всем по дороге». Все выглядело так, будто инициатором была Роза. Линда со сдержанной теплотой поблагодарила их. С тех пор и это стало привычным.

Полдороги они шли втроем, потом еще метров сто спину им сверлил подозрительный взгляд свернувшей в свое парадное Розы. Дальнейший путь, минут пятнадцать-двадцать, они проходили наедине. Это было немало.

Наум оказался прав. Они действительно нашли общий язык, и далось это им на удивление легко. Конечно же, не сразу — все-таки два немолодых человека с совершенно различной судьбой — но довольно быстро и без напряжения. Судя по всему, Линда тоже уже намолчалась вдоволь. Близких друзей их семья здесь не завела, да и приехали Линда с мужем в Израиль в возрасте, когда новые крепкие связи возникают очень редко. Вообще их троица была из породы людей очень ориентированных на семью, в семье был для них центр притяжения. И временный круг приятелей из числа в основном сослуживцев оказался непрочным, не выдержал испытаний. Так что пять лет тому назад она оказалась наедине с горем.

Они говорили обо всем. Табу касалось только разговоров о ее муже и сыне. У Наума табу не было. В какой-то из дней она просто, без всякой драматизации рассказала, что в августе у нее закончится срок, необходимый для получения пенсии, — настоящей пенсии, не обидного пособия. И она уедет в Америку. Там живет младший брат ее мужа, их близкий друг и ее единственный родственник. Других нет, так сложилось. А брак нужно оформить, чтобы без хлопот получить гражданство. В ее устах все это звучало просто и естественно.

В ответ Наум в общих чертах рассказал историю своего нынешнего — может, временного? — одиночества. Без жалоб и без подробностей, стараясь никого не обидеть. Рассказал, какой стресс получил, как переехал в Маалот, чтобы убежать от депрессии. Как взялся ремонтировать пристройку к старому замку. Пахал как папа Карло, ездил с самодельной тележкой за материалами.

— Так это вы знаменитый человек с коляской?

— Наверно, я.

— Вы стали легендой Маалота. А почему вы не поехали с женой?

Наум объяснил, почему он не может поехать в Америку на птичьих правах. И все время его не оставляло ощущение: его понимают. Рассказал, что Света не хочет

оставить детей и не слишком любит Израиль. На этот раз ему не повезло — Линда была со Светой заодно. Она сказала, что не выносит милитаризм Израиля.

Наум удивился. Милитаризм — так никто даже из левых в Израиле не говорил. Это был моветон.

— А как назвать страну, которая пыталась и пытается у всех соседей откусить территорию? У всех без исключения? Под охраной армии сажает своих поселенцев? Наш национальный консенсус — только силой все можно решить. А неприкрытый культ армии — наша армия самая сильная, самая-самая! Непобедимая и легендарная, в боях познавшая радость побед, трам-там-там. Нет парадов с криками «ура», зато все остальное есть.

Наум не вскипел, не зажегся. Во-первых, перед ним был не кто-нибудь, а Линда, а во-вторых, это уже был не тот Наум, что прежде. Он и сам на многое смотрел со скепсисом. *Хотя дым еще идет иногда.*

Он все-таки попытался возражать:

— Разве арабы не должны быть наказаны за то, что не признавали Израиль, что нападали на нас?

— Арабы наказаны, и крепко наказаны. А Израиль наказан за то, что после победы стал профессиональным оккупантом и вошел во вкус этого безобразия. А еще больше он будет за это наказан в будущем. И я не хочу быть к этому причастна. Стыдно. И причин оставаться нет... Хотя многое мне здесь нравилось. Да и сейчас...

Впрочем, политике они не слишком уделяли внимание. Говорили о книгах, об увлечениях. Вспоминали годы в Советском Союзе. И, конечно, о трансцендентальных полетах. Линда относилась к этому с долей сомнения, а Наум ничего не рассказывал о своих паранормальных достижениях — очень уж он дорожил ее мнением. Иногда — не часто — пытался без особого успеха продемонстрировать свои «научные» взгляды. Примерно в такой форме.

— Иммануил Кант придавал термину «трансцендентальность» гносеологическое значение. Понятие трансцендентальности в его философии характеризует множество априорных условий возможного опыта, формальных предпосылок познания, которые организуют научный опыт...

— Наум, пожалейте меня. Я не технарь. А кстати, если нет других проблем, лучше на досуге подумайте, кто современный врач — технарь или гуманитарий?

Наум с удовольствием отступал.

Им было легко и интересно друг с другом. Наум по-настоящему прочувствовал, что означает любимая им фраза из кинофильма «Доживем до понедельника»: *«Счастье — это когда тебя понимают».*

Иногда они по дороге заходили в маленький магазин-кафе, работающий допоздна, пили кофе с мороженым. И один разговор, состоявшийся в этом кафе, для Наума много значил. Точнее, это был его монолог.

— Знаете, Линда, я наконец у вас тут, в Маалоте, в вашей секции, кажется, понял, в чем моя основная ошибка в жизни. Хоть это звучит слишком красиво. Но зато правда. Я все время старался стать кем-то другим.

— Но, Наум, это нормально. Хорошо, когда человек хочет стать лучше.

— В том-то и дело, я не старался быть лучше, я старался быть кем-то другим, не быть самим собой. Я родился в семье, только приехавшей в Одессу из местечка, был Наумом Мееровичем Сипитинером, а все время старался стать чем-то вроде Степана Петровича Иванова, потомственного русского интеллигента. Я решил, что должен быть гладко выбрит, выдержан и очень интеллигентен. Я решил, что должен стать ученым, неважно в какой области, в той, куда меня как еврея пустят. Наверно, это тоже было не мое. А может быть, если бы я смирился с тем, что я Сипитинер и Меерович, и вообще я такой, какой есть, то не был бы так закомплексован, зажат. Обидчив. Иногда агрессивен.

Наум замолчал. Линда смотрела сочувственно и даже время от времени вздыхала.

— К сожалению, даже дома... Я все время старался быть тем, кем должен быть муж такой Светы, которая везде была своей. Но не самим собой. Пытался выглядеть современным, контактным, общительным. И интернациональным. А результаты были прямо противоположными. Спасибо Свете, она видела, что я стараюсь искренне, и приняла меня таким. А Женя не принял.

Опять тяжелая пауза.

— Сначала, в Союзе, я демонстрировал, что ничем не хуже его отца, Беляева. Это было глупо, потому что все понимали: я не такой, как он, по праву рождения. Мои претензии только усиливали контраст. Впрочем, там это и без моих телодвижений было понятно.

— А здесь стало легче?..

— Когда мы переехали сюда, я поступил еще хуже. Я пытался взять реванш. Из грязи в князи. Пытался доказать ему и себе, что здесь мы, Сипитинеры, главные, что это страна для нас. А остальные, даже наши неевреи, не могут понять и чувствовать то, что чувствуем мы. Им это не дано. Выглядело это так, как будто здесь неевреи тот второй сорт, каким мы были там. Не говоря уже о презренных арабах, те вообще... Я опять поддался тому, что принято большинством, снова пошел наперекор своему рационализму и скептицизму. Снова стал не самим собой. А тем более это было глупо в сочетании с моим положением — я работал ночным сторожем при недостроенных зданиях. Что может быть нелепей? И Женя был потерян для меня, его русская жена — само собой. И, кажется, Света...

Последняя фраза далась ему с большим трудом. А пауза была еще дольше предыдущей.

— И знаете, что интересно? Результат всех этих взлетов и падений. Я здесь теперь все потерял, зато мне незачем стараться быть другим. Не нужно ни притворяться, ни заноситься. И я это почувствовал. Я здесь, у вас, нахожусь сейчас в своем собственном трансцендентальном полете.

Ему самому понравилось это сравнение. Линде, судя по всему, тоже.

— Линда, я ничего особенного не хочу в этой жизни — успеха, славы, даже простого благополучия. Это уже невозможно, но я об этом и не жалею. Единственное, чего я хочу, — чтобы на земле был такой уголок, где бы я мог быть самим собой, таким, каков я есть. С такой фамилией, таким носом, с таким произношением, с таким лицом, с такими талантами или их отсутствием. И чтобы не нужно было стараться быть другим, это самое главное. Чтобы это всех устраивало. А если именно это будут любить, вместе

со мной, — вообще предел мечтаний. Это и есть смысл всего. Не было этого у меня в жизни.

Последние фразы были явно лишними. Наум по-прежнему не мог остановиться вовремя. Они прозвучали — неожиданно даже для него — как объяснение в любви. Он натолкнулся на такой взгляд, который, казалось, состоял из удивления, неловкости и даже, может быть, презрения. Так он его расшифровал.

Ну конечно же, Линда права! Нельзя превращать прекрасные отношения в нелепый любовный фарс пожилых людей. Наподобие советских мелодрам из жизни встретившихся на курорте пенсионеров.

— По-моему, я сейчас медитирую, — пытался он шуткой смягчить смысл сказанного, — иначе почему говорю так красиво? И длинно. Никогда так не умел. Поэтому не все получилось удачно...

— Нет, Наум, все в порядке, — Линда его простила. И поняла. Хорошо, когда тебя понимают.

Подхлестываемые отличным настроением, его успехи на поприще медитации продолжались со сказочной быстротой. При трансцендентальных погружениях Наум время от времени чувствовал, как будто он покачивается на невидимых волнах. Иногда чуть большая волна его приподнимала, затем опускала на место. Удивительное ощущение, неповторимое. А однажды — это было во второй половине июня — он почувствовал, что поднялся над полом и парит в воздухе. Как привидение. Немного левее — пожалуйста, левее, немного правее — извольте, правее. От восторга он едва не задохнулся, чуть с ума не сошел. А может, все-таки сошел?

А еще через занятие он так резко поднялся вверх, что стукнулся головой о потолок. Выйдя из состояния медитации, обнаружил приличную шишку на лбу. На следующее занятие принес с собой серую нитку, под цвет костюма. Уложил ее незаметно для окружающих на грудь, конец на полу. После полетов проверил — нитка лежала на месте. А значит, и тело. Что и требовалось доказать.

Событий хватало, чтобы чувствовать всю полноту жизни. И Наум ею наслаждался. Но как бы для того, чтобы уравновесить все хорошее, простата все серьезней давала о себе знать. Не лишенный суеверности Наум иной раз думал, что все последние месяцы стало слишком хорошо, и судьба имеет полное право потребовать расплаты.

Тянуть было больше нельзя. Он набрался мужества, пошел на прием к урологу и заявил, что созрел для операции. Затем обошел кучу врачей, сдал солидное количество анализов. На некоторые из них была очередь, иногда нужно было ехать в Нагарию и даже в Хайфу. Все это отняло немало времени. Наконец, к огромному облегчению Светы, ему назначили место и время операции: Хайфа, больница Илиша, 20 июля. Света взяла билет на 15 июля, на прямой рейс Лос-Анджелес — Бен-Гурион. А 12 июля началась вторая ливанская война.

7

Война кажется напряженным, захватывающим дух действием только со стороны. Поэтому ничего занимательного в этой главе быть не может. Черная дыра. Для

человека, который вынужден сидеть круглые сутки в убежище или, за неимением такового, в своей квартире, который только иногда по ночам выходит гулять (и то с опаской), а днем (очень редко), побуждаемый суровой необходимостью, в первую очередь элементарным голодом, короткими перебежками добирается до магазина и с огромным облегчением оказывается опять у себя под крышей, — для такого человека, уверяю вас, никакого проблеска интереса нет ни в чем. Ничего нет, кроме таящегося в глубине сознания страха и какого-то еле сдерживаемого отчаяния.

Ожидание воя сирены становится основным чувством, непрерывным, не оставляющим ни днем, ни ночью. И этот бесконечно ожидаемый вой оказывается тем не менее всегда внезапным и еще более пугающим, чем последующие взрывы. Человек вздрагивает, вскакивает, как подброшенный пружиной. Взрывы, даже если они прозвучали совсем близко, воспринимаются с облегчением. Хоть на какое-то время игра в русскую рулетку прерывается. Но уже через минуту-другую начинаешь ждать новой сирены. И так изо дня в день. Ужасающее, беспросветное однообразие. Интрига может быть только в одном варианте: человек, взмокший от напряжения, добрался до ближайшего магазина, а тот закрыт, и когда откроется — неизвестно. Вот тут возникает дилемма — бежать к следующему или назад, в укрытие. Но уверяю вас, это никакого приятного разнообразия в жизнь не вносит.

Попробуйте спросить человека, который провел таким образом месяц и шесть дней, что он может рассказать о своей жизни за этот период? Ничего интересного он вам не сообщит. Рассказа о себе хватит на пять минут максимум. Ну сидел, ждал сирены, ждал, когда это кончится. Постепенно, со дня на день, нарастала внутренняя истерика, которую он с успехом душил. К концу войны внутреннее напряжение стало почти невыносимым. Ракеты обычно шли сериями, если первый взрыв близко — дрожь по помещению и по телу, следующий еще ближе, потом почти рядом — и... затихло. Слава Богу, пронесло. Душа возвращалась на место из пяток не сразу, постепенно. Вот собственно, и все.

Интересно было в телевизоре. Там что-то кипело, картинки разрушенного Ливана были впечатляющими, наши доблестные летчики наносили удары, войска то входили, то выходили куда-то и откуда-то. Международная общественность непрерывно вскипала. Но это все было там, по ту сторону экрана, это он бы мог наблюдать из другого, более спокойного места и, наверное, с большим интересом. На его жизнь это не влияло, наоборот, обстрелы все ужесточались. Его мужеством восторгались Ольмерт и Буш, но поменяться местами с ним не хотели. А он бы согласился.

Наум был именно таким человеком, о котором мы говорим. И он был в доме один. Уезжать ему было некуда. Сразу после решения правительства о начале военных действий ему позвонила Света и предложила немедленно вылетать в Сан-Диего. Он сказал, что без операции вылететь не может, но она пока должна срочно отменить свой вылет. Первые дни его американские родственники не очень на этом настаивали, у многих, особенно за границей, была иллюзия, что «несокрушимая и легендарная» шарахнет пару раз, и «Хизболла» подымет ручки. У Наума иллюзий на этот счет не было. Факты он сопоставлять умел.

Дня через три, когда самолеты и ракеты стали регулярно и все чаще летать туда и обратно, все нормальные люди ситуацию осознали. По телефону Науму сообщили, что назначенная ему операция в связи с военным положением откладывается, сейчас делают операции только в срочных случаях. Ждите извещения. Если будет плохо, звоните по телефону такому-то. Наум поблагодарил...

К вечеру раздался телефонный звонок из Сан-Диего. Света его позвала на срочные переговоры по Интернету. У компьютера сидели Света и Женя. Женя выглядел обеспокоенным и очень виноватым. Света... ну, это само собой. В том, что не было Нади (она была на работе), Наум усмотрел своеобразную тактичность с их стороны.

Женя начал разговор. Он просил — именно просил, — чтобы Наум немедленно вылетел в Сан-Диего.

— Ньюма! Подумай о себе! — это Света.

И Женя:

— Ньюма, подумай и о нас. Мы не можем допустить, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Не можем! Найдем денег на операцию. Не в них счастье...

Науму это было приятно. Не чужим оказался Женя. Все же есть в нем...

Однако Наум постепенно спустил на тормозах разговоры о своем отъезде. Давайте посмотрим, что дальше будет, операцию бы хотелось сделать здесь. Рассказал, что его пристройка под прикрытием Гениной старой крепости практически в безопасности. Кстати, так оно и было: большое здание фасадом смотрело на север, в сторону Ливана, а пристройка находилась в его тылу. Так что Наум жил в своей квартире со всеми удобствами как в бомбоубежище. Он решил потерпеть и подождать. Но в Сан-Диего таким решением были огорчены.

А сам Наум больше всего был расстроен тем, что у него нет номера телефона Линды. Что за дурак, как можно было не подумать и под каким-нибудь предлогом не выпросить его. Теперь он не знает, уехала ли она, в Маалоте ли. Позвонил бы в поликлинику, но — трижды дурак — до сих пор не знает ее фамилии. В Израиле при общении фамилии упоминаются только в крайнем случае. Линда и Линда. Максимум — доктор Линда. Он был готов медитировать, чтобы заставить ее сообщить что-нибудь о себе. Но медитация не понадобилась.

Поздним вечером Линда позвонила и сообщила, что до конца войны все занятия отменяются. Это было и так ясно. А вы, как вы? Уезжаете? Нет, она остается, медицинские работники мобилизованы. Голос у нее был усталый, и теплоты, на которую почему-то рассчитывал Наум, в нем не было. Она звонит всем участникам секции. Но в городе остались только обе Лены, Роза, Наум и Алик. Те, кому бежать некуда. Рудик призван в армию. Остальные уехали.

Наум набрался мужества и попросил ее телефон. Она продиктовала номер домашнего телефона, затем мобильного и добавила:

— Если что-нибудь будет нужно, обязательно — звоните.

— А если ничего не будет нужно? — Наум обиделся.

— Тем более звоните, — Наум услышал в ее голосе улыбку. Это уже было куда лучше.

И потянулись бесконечные дни.

Снаружи то выло, то грохотало. Наум то включал телевизор с новостями, то переключал на ненавидимые им сериалы. Продуктов было в обрез. Когда это все кончится? Вопрос риторический.

Он звонил Линде раз в три дня — и не всегда удерживался, чтобы не звонить чаще, не надоедать. Судя по голосу, она очень уставала. Наум подчеркнуто по-деловому спрашивал, как дела, как настроение. Она отвечала приветливо, но желаемой теплоты он в голосе так и не обнаруживал. Обязательно спрашивала, как он себя чувствует, есть ли продукты дома, все ли лекарства. Это Наума немного обижало, и он переводил разговор на ее работу. Но об этом Линда говорила с неохотой. Чувствовалось, что ей там достается. По восемь часов приема и еще поездки по домам к заболевшим старушкам. Словом, задушевного разговора не получалось. А через день-два Наум все равно звонил.

Со Светой говорил вначале каждый день, потом — человек ко всему привыкает — через день, иногда даже через два.

Эти разговоры были, в сущности, его единственными непосредственными контактами с окружающим миром.

Сын Циля ушел в армию, а сама Циля уехала к подруге в Тель-Авив. Гена вместе с семьей уехал к родственникам в Ашкелон и просил присматривать за квартирой. Он доверительно сказал Науму, дыша легким перегаром, что смысла здесь оставаться нет, так как нельзя бродить по городу и общаться с народом.

Гена поступил очень предусмотрительно, так как где-то посреди войны ракета попала в стену его дома, но не пробила ее насквозь (молодец агент по продаже, честный человек). По стене и по крыше пошли трещины. А Наум получил солидный шок. Без вызова приехала скорая помощь, его чем-то укололи. У Наума еще неделю звенело в ушах. Но зато на следующий день лично приехала Линда, точнее, в данном случае доктор Линда. Привезла ему продукты, которые были очень кстати. Дала чек из магазина, все было официально. Пробыла у него целых полчаса. Шофер служебной машины, молодой солдатик, ждал ее под защитой стены пристройки.

Линда немного похудела и выглядела утомленной. Неудивительно. Наум тоже не посвежел, хотя позволял себе даже днем сидеть под красным навесом, надеясь на защиту могучих стен. Правда, это было до попадания ракеты в дом.

Сейчас разговор был таким же дружеским, как в мирное время. Линда рассказала ему о ситуации в городе, в котором он жил. Что-то мелькало в русскоязычной телевизионной программе, но чаще речь шла о более солидных городах. Никакой информации о том, что происходит в Маалоте, кроме грохота многочисленных взрывов, у него не было.

По словам Лиды, уехало примерно две трети населения. Остались бедные, старые и больные. Те, у кого не было сил или возможности уехать. Помогают в основном волонтеры — израильтяне и иностранцы. Государство, как обычно, в самом-самом хвосте. Маалот на почетном третьем месте по числу сброшенных на него ракет, после Кирьят-Шмоны и Нагарии. Заводы возле него прекратили работу. У многих кончились деньги. Серьезная проблема — продовольствие. Люди боялись появляться на улице, и для этого были основания: от сирены до взрыва считанные секунды, скрыться не успеешь. Жертвами в основном становились люди на улицах. Вроде бы стали кое-где

развозить горячие обеды, но Линде они пока не попадались. О бомбоубежищах и говорить нечего. Ну, это Наум знал. С личным бомбоубежищем ему повезло. А каково было жильцам типичных старых израильских домов на столбах — проржавевших курьих ножках. Их стены рассыпались от неосторожного удара молотком. Спускаться после сирены в имитацию «комнаты безопасности» на первом этаже было бессмысленно — мало кто из оставшихся в городе был настолько шустрым. А сидеть целый день в неподготовленных для этого якобы укрепленных помещениях просто невыносимо.

— Вы ездите по домам?

— Я врач, что делать... И прием в кабинете, и вызовы на дом. Кто не может прийти, а кто просто боится. И две мои сотрудницы, тоже мобилизованные, как и я, почему-то исчезли. У них связи...

Линда торопилась, попрощалась... и даже поцеловала Наума в щеку. Наум знал, что в Израиле это ни о чем не говорит, это входит в традицию — поцелуй в щечку при встрече и прощании. *Восток — дело тонкое.* Но все-таки было приятно.

После этого визита Наум звонил ей каждый вечер. Волновался: она каждый день по много часов ездит по городу. С еще большим вниманием прислушивался к взрывам. По сравнению с ее работой беды Наума немного стоили.

Разговор начинался стандартно:

— Вы дома? Ну и отлично.

Иногда он на этом или почти сразу после этого и заканчивался. Линда к нему больше не приезжала. Правда, через неделю забежал знакомый солдатик, ее шофер, и принес очередной сухой паек.

Медитация у Наума полностью вышла из подчинения. Оказывается, нельзя ожидать воя сирен и при этом чувствовать, что *«вся умственная активность успокаивается полностью, ум испытывает уникальное состояние спокойной пробужденности. Это простейшее состояние сознания, Трансцендентальное Сознание...»*

Единственное, что удавалось Науму, — вызвать «сисму». И он этим пользовался, ни у кого не спрашивая разрешения...

Разговоры со Светой. Короткие разговоры с Линдой. С отвращением — телевизор. Наум не жил, а переживал. Напряжение накапливалось, и было просто удивительно, насколько безгранично терпение человека. Но ведь когда-то и ему придет конец?

Уже всем было ясно, что все потуги и все жертвы бессмысленны. Но Буш и Ольмерт затягивали решение Совета Безопасности о прекращении огня. Надеюсь? На что? Или из бараньего упрямства, что на хозяина Белого дома очень похоже?

Последние два дня перед объявленным наконец ООН прекращением огня были самыми тяжелыми. Израиль ради престижа без всякого смысла гробил своих солдат, «Хизболла» ради престижа осыпала Север дождем ракет. Сирена практически не замолкала.

И вот 17 августа война так же бесславно закончилась, как и бессмысленно началась. Не было радости. Только опустошение на сердце.

Сразу навалилась накопившаяся нервная усталость. Наум неожиданно осознал, что последнее время в основном уставал от волнений за Линду. У него по сравнению с большинством маалотцев действительно были отличные условия — собственная безопасная квартира. Повезло. «Но, в конце концов, человеку, который умеет бороться с неприятностями, должно в чем-то везти. Это справедливо», — подумал он о себе с уважением.

Он позвонил в Сан-Диего, успокоил Свету и пообещал, что немедленно займется назначением даты операции. А пока два дня будет отсыпаться, не ожидая проклятой сирены. Позвонил на мобильный Линде, сказал, что рад за нее и за себя: она перестанет под ракетами мотаться по городу, и он наконец сможет уснуть спокойно. Звучало несколько двусмысленно: он сможет уснуть спокойно, зная, что она в безопасности, или просто сам по себе? Так хитро задумано не было, но Наум уточнять смысл не стал. Сказал, что через пару дней перезвонит.

Он действительно думал, что, не боясь сирен и взрывов, сможет полностью отдохнуть и расслабиться. Но это оказалось не так просто. Любой звук, даже отдаленно напоминающий сирену или отголосок взрыва, заставлял его вздрагивать и просыпаться. Кстати, этот рефлекс сохранился у всех северян надолго, особенно у детей и стариков. От такого не скоро, а в чем-то никогда не избавишься.

И все-таки за двое суток он с грехом пополам пришел в себя и был готов к новым поворотам жизни. Они не заставили себя ждать.

Добиваться новой даты операции ему не пришлось. Добросовестная больничная касса «Маккаби» приятным женским голосом на русском языке — само собой, со жмеринским акцентом — сообщила, что операция назначена на 10 сентября, но ему нужно заново собрать все анализы. Наум тут же сообщил это в Сан-Диего. Света пообещала вылететь 5-го, если будут билеты. Должны быть.

— Ох эта ваша война! Сколько она мне стоила — врагам не пожелаю. И опять говорят о новой...

— И какой выход?

— Наум, не хочу об этом говорить. Приеду — будем решать вместе. Только вместе.

— Мы уже один раз решали...

— Ньюма, тогда не было выхода. А сейчас все будем решать вместе.

Покончив с обязанностями, он перешел к приятному. Вечером, когда, по его расчетам, Линда должна уже быть дома, он позвонил ей, удобно устроившись на стуле, и приготовился к долгому и душевному разговору.

После общих вступительных фраз он для затравки спросил:

— Линда, а когда у нас снова начнутся занятия?

— Они не начнутся. Во всяком случае, не со мной.

На обоих концах провода наступила напряженная тишина. Первой ее нарушила Линда:

— У меня полностью набрался стаж, достаточный для оформления пенсии. Я уже подала заявление об увольнении, оформляю документы. Намечаю числа 20 сентября улететь в Америку. Меня там уже ждут.

— Ждут...

— А как у вас дела?

Наум почувствовал, что не должен оставаться в долгу.

— Тоже есть новости. Назначили новую дату операции простаты. Помните, я вам рассказывал?

— Наум... Ну конечно же, помню.

— На 10 сентября. Жена прилетает 5-го. Буду под присмотром. Потом полетим к детям...

Жена, дети. Он уже давно Свету и Женю так не называл. Но нельзя было ударить лицом в грязь.

— Очень рада, Наум, за вас. Все наладится. И не бойтесь операции, я знаю хирурга лично, отличный врач, все будет хорошо, я больше чем уверена.

— Линда, мы еще увидимся? — голос у него был не слишком бодрый.

— Я надеюсь. Правда, дел невпроворот. Документы, организации. Вещи нужно готовить к отправке. Квартиру пока продавать не хочу, кто его знает...

— *Береженого бог бережет*, — удалось вставить Науму.

— Ну, до свидания, Наум, верю в то, что у вас все будет хорошо.

— До встречи, — без особой надежды сказал Наум.

Разговор был окончен.

Теперь Наум понял, что означает абсолютная космическая пустота.

Дело даже не в любви — слишком уж это слово не соответствует его возрасту и статусу. Дело в том, что последние четыре месяца все мысли и интересы Наума вращались вокруг Линды. Занятия секции, «сисма», совместные прогулки после занятий, кафе, разговоры, взаимное понимание, подобного которому он не знал никогда в жизни. А сильнейший, непрерывный страх за нее во время войны? Если все это отнять, что у него останется?

Но что делать. Нужно принять все как есть. Да и у него нет права голоса — пятого приезжает жена. «Эйн брира» (нет выбора), — говорят израильтяне.

Почти неделю он сдавал анализы, ездил в Нагарию, Тверию и даже Хайфу. Гулял по городу. К его удивлению, в Маалоте было не так много разрушений, как это казалось из убежища. А с телевизионными картинками достижений в Ливане вообще никакого сравнения. Да, «несокрушимая и легендарная», безусловно, сильна, ей бы еще голову разумную где-нибудь раздобыть — цены бы ей не было.

Циля и Гена с семьей еще не вернулись. Поговорить было не с кем.

А вечером в субботу, в «моцей шабат», пришел его терпению конец. Он почувствовал, что больше этого выносить не может. Не может — и все!

Он позвонил Линде по телефону. Она была дома. Предложил встретиться прямо сегодня в кафе, в том, в котором они несколько раз бывали.

— Хорошо, часа через полтора.

— Значит, в восемь.

Оба пришли вовремя. Линда посвежела, выглядела хорошо. Мучений от предстоящего расставания с Наумом на ее лице он не заметил. И все равно, он скажет ей то, что думает. *Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей.*

Заказали кофе с мороженым. Разговор начала Линда.

— Я собиралась вам сама звонить. Завтра, в воскресенье, в наш обычный день, ребята просили провести последнее занятие. Послезавтра я уезжаю в Тель-Авив, есть кое-какие дела. Начнем в обычное время, в восемь часов.

— Многие вернулись в город?

— Все, кроме Рудика. Он ранен. Лежит в хайфской больнице «Рамбам». У него отняли ступню.

— Бедный парень...

— Он знал, что не должен идти на эту войну. Говорил, видел что-то оторванное. Но кто его спрашивал? И, главное, ради чего все это?

Такое начало веселья не добавило. Наум и без того был мрачен. Настолько мрачен, что Линда не выдержала и спросила:

— Наум, у вас что-нибудь случилось?

— Случилось, — подтвердил Наум.

Принесли кофе с мороженым. Наум набычился и продолжал:

— Мне Света, моя жена, часто говорила: какой ты клятый! Клятый — это заядлый по-украински, но клятый лучше, точнее.

— Я понимаю...

— Скажи, что тебя мучит, пожалуйста, легче станет. Я не мог. Язык не поворачивался. А сейчас я хочу пожаловаться, хотя легче не станет. Света прилетает, а вы улетаете. Я жалею. Жа-лу-юсь. Мне очень тяжело. Я не знаю, как буду без вас обходиться.

Линда молчала.

— Вы не должны ничего отвечать, это мои проблемы. Но почему со мной последние годы столько всего происходит? *Жизнь бьет ключом, и все по голове.* Я просто не могу себе представить, что вас не будет. Смешно? На старости лет...

Линда пожала плечами. Лицо ее было совершенно спокойным.

— Наум, я прямо могу сказать, что я думаю. Я думаю, что она не должна сюда прилетать, а я не должна отсюда улетать. Вот что я думаю.

Он не удивился услышанному. Видимо, подсознательно все понимал, но не хотел себе признаваться в этом, чтобы не обострять и без того безвыходную ситуацию.

— Кто лучше меня знает, что она не должна прилетать? Я же не полный идиот, в конце концов. Но мы почти тридцать лет жили одной семьей, и я обязан дать ей возможность исправить то, что было. Она говорит — мы теперь будем решать вместе. Я не могу не дать ей этот шанс.

Линда спокойно молчала.

— А если вас не будет, то мне будет крышка с сознанием исполненного долга, — он не слишком удачно пытался шутить, чтобы избежать патетики. — Линда, я ничуть не преувеличиваю. Я не знаю, что буду делать без вас.

— Это ваше решение, Наум, — сказала Линда, голос ее чуть сорвался, и Наум понял, как ей тяжело. Не легче, чем ему.

Они посидели еще полчаса, молча. Наум расплатился. Встали. Наум проводил ее до виллы.

— Нелегко быть самим собой.

— И не каждому это удается, — признался Наум. — До завтра.

Они крепко обнялись и поцеловались. Так, как будто им было по двадцать лет.

9

Придя домой, Наум подстелил коврик, подложил под голову маленькую подушечку, лег на спину. Вызвал «сисму». И не удивился, что почти сразу поднялся в воздух. Еще бы, после стольких стрессов даже самый тупой станет образцом паранормальности. Он полетал по комнате, впорхнул в кухню. Потянуло, подобно булгаковской Маргарите, пролететь с криком над городом Маалот. С трудом уложил себя на подстилку. К завтрашнему занятию он был готов.

Довольно поздно позвонила Света, сообщила, что билеты на самолет уже у нее, чтобы Наум не волновался.

— Я не волнуюсь, — буркнул Наум.

Она о чем-то еще весело рассказывала. Ребята всей компанией с детьми завтра на выходной день уезжают в Диснейленд, и у нее полный отдых.

— Ну и отлично.

Наконец Наум добрался до кровати.

И уже в полусне всплыла мысль: зачем он себя обманывает? Света здесь не останется, он в Америку не поедет. Кого на этот раз он пытается изображать? Кем старается стать? Папой римским? Оказалось, что надеяться никогда не поздно. Надеяться нужно всегда. Но дурак обязательно все упустит. И все разрушит.

Встреча в клубе была скорее ностальгической, чем радостной и теплой. Собственно говоря, это был вечер, посвященный закрытию секции, так что поводов для веселья было не много. Не много этих поводов было и в других направлениях. Как уже упоминалось, израильтяне встретили окончание войны с огромным облегчением, но без всякого оптимизма. Прошедшие месяц и шесть дней в разговорах даже не упоминались, потому что большинство со страхом думало: это не конец.

Роза, как обычно, суммировала настроение собравшихся. Разговаривая с Ленами, она неожиданно громко, как говорят на сцене — а парте, в зал, сказала:

— Не знаю, какое будет окончание следующей войны, но скажу точно, каким будет процесс. Нас будут либо обстреливать, либо бомбить.

Она поискала глазами Наума — он-то должен понять. Наум поднял вверх большой палец. А сам подумал, что выдержка, привычка израильтян сохранять спокойствие в военных условиях, которой они так гордятся, больше похожа на безразличие. Это в значительной степени следствие усталости и безнадежности.

Линда пришла последней, ее очень тепло встретили, чем пролили бальзам на душу Наума. Она была собранной, выдержанной, но менее замкнутой, чем обычно. Тоже расстроена расставанием с коллективом. Она сказала пару общих фраз и попросила приступить к йоге — поговорим, мол, в конце занятий.

«Обязательно поговорим, — подумал Наум. — Если она захочет».

Он улегся. Дальше — знакомая «сисма». «Сисма» с ним останется при любых вариантах, ее никто не отнимет.

Наум заранее знал, что будет делать.

Трансцендентальное погружение, как он и ожидал, прошло удачно. Он поднялся в воздух, сделал несколько поворотов, проверяя «возможности управления полетом». Подумал о направлении, в котором расположен Сан-Диего, точнее Света. В точном соответствии с рекомендациями Веред обнаружил Светин телепатический маяк — розовое свечение где-то далеко за окном на горизонте. И решительно отправился в дорогу.

Путь был не близкий, поэтому он не стал развлекаться полетами над городом, а сразу взмыл высоко в небо. На улице уже было темно, только где-то далеко внизу пробегали огни — намного быстрее, чем это видно из самолета. Вскоре стало светать — впереди на западе поднималось солнце. Ну и скорость. Внизу вроде бы проскользнула Англия. Затем бесконечная зеленоватая гладь океана. Он поднялся еще немного выше. Страх не было. Просто он ощущал себя богом.

Розовый маячок и при свете дня был достаточно хорошо виден. Появились внизу группы каких-то островов. Вот и материк, если память Науму не изменяет — контур Флориды. Затем пустыня. Вдали снова появилась синева океана. Тихий океан. Наум опустил ниже — можно проскочить побережье. Маячок работал безотказно. А вот и Сан-Диего — кто-то отметил в мозгу. Слева остался местный даунтаун с высотными зданиями... и незаметно для себя Наум оказался в дворике, под навесом, знакомым ему по фотографиям, в свое время присланным по электронной почте. Никого во дворе не было, ребята, наверно, уехали, Света отсыпается. Наум оглядел место, где ему придется провести минимум два месяца, а может... Нет, об этом думать не хотелось.

Двухэтажный коттедж выглядел красивым и ухоженным, фотографии не лгали. Наума удивляло, насколько четкими и реалистичными были детали. «Летуны» из их секции рассказывали, что все бывало неотчетливым, зыбким, как во сне.

Два парадных входа. Левая часть дома принадлежала Беляевым, правая — негритянскому семейству. То есть черным. Отдельный вход в комнату Светы должен быть с заднего крыльца, если память Науму не изменяет. Он обошел дом. А вот и это крыльцо, одно по центру дома. Закрытое, довольно широкое крыльцо с парочкой ступенек. Внутри на площадке почти рядом две двери — Наум догадался, что это входы в Светину комнату и, вероятно, в комнату соседа, негра, чей ежик иногда попадался на фотографиях. По словам Светы, с зубами как у Армстронга. Наум его про себя так и называл — Армстронг. То есть не негра, а черного, надо привыкнуть... Хотя на слух Наума черный звучит гораздо хуже, чем негр. *«Да будь я и негром преклонных годов...»* И никто на Маяковского не обижался. Впрочем, негр или черный, но он не таких уж преклонных годов. Хм, дверь в дверь... Ладно...

Наум вошел в комнату. Дверь оказалась незапертой. Непорядок. Впрочем, для Наума сейчас запоров нет. В большой комнате было полутемно, окна прикрыты шторами. Прямо против входа большая двуспальная кровать. Света спит на спине, чуть-чуть похрапывает. Ее крупное тело — Наум уже отвык — едва прикрыто простыней: жарко. Встроенный шкаф, журнальный столик, телевизор, трюмо. Через открытую дверь

справа виден уголок ванны. Наум осмотрел это хозяйским взглядом, хотя тут же напомнил себе, что он только гость. В лучшем случае.

Который у них час? Больше десяти. Впрочем, Света всегда была совой, а сам Наум — типичным жаворонком.

Стоит ли ее будить? Да и как сможет разбудить привидение, которым стал Наум? Но эти вопросы оказались лишними. Раздался легкий стук в дверь. Пауза. Света не просыпалась. Дверь приоткрылась, и в проеме показался полуседой ежик, а затем и вся темная физиономия со сверкающими даже в полутьме белыми зубами. *Незванный гость хуже татарина.*

Света неожиданно застонала во сне. Жалобно, громко.

Сосед «Армстронг» — а это определенно был он — торопливо вошел. Мимоходом отдернул шторы, сел на кровать. Это был крупный и довольно полный мужчина, кровать жалобно заскрипела, когда он уселся на край. Очень темное типично негроидное лицо, широко расставленные, чуть навывкате, глаза, боксерский расплюснутый нос с косым шрамом на переносице.

Света продолжала стонать. «Армстронг» встревоженно похлопал ее по предплечью.

— Света, что с вами? Плохой сон? Проснитесь.

И он осторожно продолжал ее тормошить. Наум остолбенело висел посреди комнаты, не зная, как реагировать на происходящее. И удивляясь тому, что он понимает «Армстронга».

Все напоминало просмотр дублированного фильма. Английский текст, произносимый «Армстронгом», был только фоном, на который накладывался русский перевод. Переводил явно не Наум, он не настолько хорошо знал английский. Да и голос был не его. Воистину трансцендентальные полеты — вершина духовного подъема человека. Правы были Веред и Ози!

Наконец Света очнулась, увидела «Армстронга» — и, судя по всему, не очень этому удивилась. Во всяком случае, ногу, которая почти целиком выглядывала из-под простыни, она даже не попыталась спрятать.

Наум протянул свое любимое «та-а-ак!». И стал подозревать, что *хуже татарина* на сей раз оказался он сам, собственной персоной.

— Дэвид...

— Что случилось? Приснился кошмар? Вы слишком нервничаете. Успокойтесь, все будет хорошо, я уверен.

И в английском варианте, и в русском переводе чувствовалась забота.

— Мне приснилось, что зашел муж, а за ним сразу же появился ты.

Света говорила медленно, с трудом подбирая английские слова. Переводчик терпеливо ждал.

— Какой ужас, — это было сказано по-русски.

И опять по-английски:

— Дэвид, мы же договорились. Ты обещал. Скоро должен приехать Наум...

— Я только зашел попрощаться. Когда вернусь из рейса, вас уже не будет.

Он пожал широкими плечами и продолжил:

— Хотя не знаю, кому мы делали плохо. Это было так редко. И нам было легче. Мы были не одни...

Вот оно! Даже обмануть себя не удастся. Было редко. Редко. Но было!!! Главное, что это было!

Света еще что-то говорила. Она волнуется из-за операции, боится, что муж здесь не останется, а она туда воевать ни за что не поедет... Переводчик терпеливо ждал конца фразы...

До Наума доходило немного. В голове мутилось. Хотелось завывать, заорать... Но это ему никогда не удавалось. Максимум, на что он оказался способен, это тем скандальным голосом, который у него уже один раз неожиданно прорезался, когда Света согласилась поехать в Америку — помните? — отчетливо сказать:

— Все ясно. У меня к вам больше вопросов нет!

Последнее, что он запомнил, — Света испуганно подняла голову и уставилась в пустоту.

— Мне показалось... Наум?.. Наум?..

А Наум отключился. Все с огромной скоростью отмоталось обратно. Пустыня, океан... Он почувствовал воду на лице, на шее. Неужели сбился с пути и нырнул в океан?

— Наум, Наум!

Раздался звук пощечины. Он потер заболевшую щеку, открыл глаза. Над ним склонилась бледная Линда.

— Как ты, Наум?

— Айм о'кей, — почему-то по-английски сказал он.

И добавил для верности:

— Айм файн!

Встал, покачиваясь. Разумеется, мероприятие было скомкано. Линда явно разволновалась — очевидно, были признаки того, что с Наумом далеко не все о'кей. Она вызвала такси и отвезла его домой. Дала что-то выпить из лекарств. Наум не очень четко все понимал. Единственным его желанием было остаться одному.

Он с трудом уговорил Линду уехать, поклялся, что позвонит немедленно, если что... С большой неохотой и нескрываемой тревогой Линда ушла.

А Наум попытался взять себя в руки. Постепенно ему это удалось. Ясность и логика мысли к нему вернулись. Конечно, все эти полеты — рассуждал он — все-таки психологические спецэффекты. И если здраво исходить из этого постулата (он определенно приходил в норму), то все виденное им — плод его воображения. Если говорить без обиняков, его извращенное сознание (не стоило себя жалеть!) придумало все это грязное шоу для того, чтобы оправдать уход к Линде. Ничем иным это объяснить нельзя. Наум оказался неправ — не получается быть безобидным счастливым сумасшедшим, который в ладу с собой и со всем миром. Это иллюзии. Сумасшедший — он и есть сумасшедший, и что он выкинет — одному богу известно. Нужно быть нормальным человеком, отвечающим за свои поступки. А счастливым или нет — как получится.

Нужно всю эту мерзость выкинуть из памяти и жить так, как будто ничего ему даже не приснилось. У Наума сил на это хватит. Он уже не раз доказывал, что может многое преодолеть. А теперь нужно уснуть...

Раздался телефонный звонок. Линда?

Это была Света.

— Ньюма, извини, что так поздно. Что-то на сердце неспокойно. Как дернуло что-то изнутри. У тебя там все в порядке?

Черт, когда все стало успокаиваться...

— Все нормально. Ты меня разбудила.

— Ну хорошо, извини. Скоро будем вместе.

— Пока, поговорим завтра, — и он автоматически продолжил: — Все ясно. У меня к вам больше вопросов нет.

Опять прорвались скандальные интонации.

Эффект был основательный. На том конце всхлипнули, ойкнули. Бессвязно забормотали:

— Что ты имеешь в виду? О чем ты? Я не понимаю...

— Света, я хочу спать. Поговорим завтра. Пока.

Он положил трубку.

В бога-душу-мать... Дьявол! Нет покоя на этом свете. Ведь все было ясно. Конечно, и это может быть совпадением, но человек в ответ на невинное замечание не должен так откровенно пугаться. Не стоило ей этого делать... Конечно, совпадение, но сколько их должно набраться, чтобы быть хоть в чем-то уверенным?

И Наум с наслаждением выдал вслух весь свой боекомплект ругательств, о котором мы недавно рассказывали. Сна как не бывало.

Тут без пол-литра не разберешься. Кстати, он вспомнил, что в чемодане есть спрятанная от поползновений Геннадия бутылка того коньяка, который они не допили со Светой накануне ее отъезда. Там еще осталось больше половины содержимого. Конечно, не стоило бы пить после погружения, да еще такого погружения, как сегодня. *Но снявши голову, по волосам не плачут.*

Он достал бутылку, налил полчашки. Закусил лимоном. Мысли сразу пошли в другом направлении.

Он знал Свету. Она человек верный, но здравомыслящий. Могла она подумать, что никому не будет хуже, если ей достанется напоследок *муки и радости* (Ирвинг Стоун), срок которым, отпущенный богом, уже заканчивается. А тут еще его грядущая операция... Кому, собственно говоря, был бы вред... если бы он об этом не узнал? Ох это «если бы»...

Да и есть ли у него право на благородное негодование?! Он-то сам не просто изменил, а полюбил другую женщину.

Но он от нее отказался. Отказался...

Словом, все запутывалось еще больше. Стало покалывать сердце.

Наум еще немного добавил коньяка.

Мысли снова изменили направление.

Главное, что все это чушь собачья. Эти полеты были и есть результат большого воображения. И порочного — добавил его внутренний голос. Он узнал дворик, потому что видел его на фотографии. И ежик негра видел там же. А о его зубах рассказала ему Света. Все имеет свои реальные основания. А негра этого нигде толком на фотографии и не видно.

Наум встал, включил компьютер, нашел фотографии, которые ему переслали. Стал их просматривать. Ага, вот он, ежик негра, туманно, за кем-то вдали. Вот его затылок. И почему Наум решил, что он толстый? Никаких оснований для этого не видно. Только кусочки негра иногда попадаются, и то где-то на заднем плане. А вот выглядывает кусок лица. Мелко, что тут разберешь.

Наум увеличил изображение, еще увеличил, еще... Вот он, нос. Еще крупнее. А вот и косой шрам на переносице. Точно такой.

На реакцию у Наума сил не оставалось. Из этого ему уже никогда не выбраться.

В голове мелькали обрывки мыслей.

...Жизнь неплохая штука, если уметь к ней приспособиться...

...Тут падали ракеты, а в это время они...

...В таком возрасте на многое можно закрыть глаза...

...Он отправится в Сан-Диего и будет часто встречаться с негром. Простите, с черным... Будет жать ему руку...

Выход был только один. Он немедленно полетит в Сан-Диего и там разберется во всем. По свежим следам.

Покачиваясь, Наум вышел во двор. Постелил подстилку, под голову подушечку. Попрощался с «сисмой». Через минуту он уже мчался в сторону маячка.

Управлять было тяжело. Не стоило столько пить. Но здесь, в свободном полете, стало намного легче. Все земные заботы растворились в бесконечной чистоте и покое вселенной.

Кажется, он сбился с курса. Ничего, здесь так легко дышится. Какое все-таки счастье, что ему, одному из немногих, удалось здесь побывать, в зоне вечности. Вон там вдали какая-то радуга. Какие чистые цвета, небесные цвета! Наум повернул в сторону радуги. Нужно посмотреть, что там, — вернуться никогда не поздно...